

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (26) 2019

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригес-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Степанов С. А., д-р юрид. наук, профессор

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

3 (26) 2019

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkhipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof,

founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Stepanov S. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Первушина А. В.</i>	
Институциональная среда развития российского рынка e-commerce	6
Юриспруденция	13
<i>К 95-летию со дня рождения С. С. Алексеева</i>	
<i>Семитко А. П.</i>	
С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества (вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе»)	14
<i>Глушкова С. И.</i>	
Политико-правовые идеи М. М. Ковалевского о солидарности, личных правах, гражданственности и прогрессе	56
<i>Султанов А. Р.</i>	
Заметки о праве на ложь в процессе с точки зрения философии	65
Философия	73
<i>Фоминых Е. А.</i>	
К проблеме современности в контексте восприятия исторического времени	74
<i>Мурзина И. Я.</i>	
Коммеморативные практики в образовании и конструирование культурной идентичности	81
<i>Шлегель Е. В.</i>	
Ностальгия по непрожитому: привлекательность мифа о советском прошлом для поколения Z	87
<i>Князев В. М., Белкин А. В.</i>	
Нейронаука и философия о будущем человеческой природы	94
<i>Оглоблина И. А.</i>	
Связь сердца и ума как процесс воспроизводства целостности человеческой личности (на материале искусства)	111
Научные события	129
<i>Полякова А. С.</i>	
Современные художественные реалии народно-сценического танца (обзор материалов круглого стола)	130
<i>Глушкова С. И., Огоновская И. С.</i>	
О правовом просвещении, образовании в области прав человека, гражданском образовании и личном пути к гражданственности (обзор материалов выступлений на межрегиональной конференции)	138
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	145

Contents

Economics	5
<i>Pervushina A. V.</i>	
The institutional environment for the development of the Russian e-commerce market	6
 Law	13
<i>To the 95th anniversary of the birth of S. S. Alekseyev</i>	
<i>Semitko A. P.</i>	
S. S. Alekseyev: The value of law is in securing and ensuring the rights and freedoms of the individual (introductory article to the reprinting of S. S. Alekseyev 's book "The Social Value of Law in Soviet Society")	14
<i>Glushkova S. I.</i>	
Political and legal ideas of M. M. Kovalevsky on collective responsibility, personal rights, civic consciousness and progress	56
<i>Sultanov A. R.</i>	
Notes on the right to lie in the process from a philosophical perspective	65
 Philosophy	73
<i>Fominykh E. A.</i>	
To the problem of modernity in the context of historical time	74
<i>Murzina I. Y.</i>	
Commemorative practices in education and construction of cultural identity	81
<i>Shlegel E. V.</i>	
Nostalgia for the unlived: attractiveness of the myth of the Soviet past for Generation Z	87
<i>Knyazev V. M., Belkin A. V.</i>	
Neuroscience and philosophy about the future of human nature	94
<i>Ogloblina I. A.</i>	
The linkage of heart and mind is the way of reproducing the integrity of the human being (on the materials of the art)	111
 Scientific Events	129
<i>Polyakova A. S.</i>	
Today's tendencies in folk-scenic dance (an overview of roundtable materials)	130
<i>Glushkova S. I., Ogonovskaya I. S.</i>	
On legal education, human rights and civic education, and a personal path to citizenship (a review of materials presented at an interregional conference)	138
 Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	145

|| ЭКОНОМИКА

Институциональная среда развития российского рынка e-commerce

В статье рассматриваются тенденции развития российского рынка дистанционной торговли. Основные тренды рынка e-commerce показаны с точки зрения развития ключевых игроков рынка и их интересов. Автор делает вывод о перспективности рынка электронной коммерции. Высокая динамика электронной коммерции приведет к неизбежной трансформации институциональной среды: все большее количество участников традиционного ретейла начнет осваивать форматы электронной коммерции, вырастет популярность нишевых интернет-магазинов, будет происходить активная консолидация на рынке маркетплейсов и агрегаторов, продолжится трансформация и расширение функционала логистических компаний.

Ключевые слова: e-commerce; маркетплейсы; ретейл; интернет-магазины; фул-филмент.

Масштабное развитие электронной торговли в российской экономике в последние 5 лет отмечается многими специалистами. Это обозначило рынок e-commerce в качестве одного из драйверов экономического роста. Подводя итоги пятилетки «онлайн-бума» отметим, что за прошедшие пять лет, с 2013-го по 2017 год, в 10 раз¹ увеличилось количество отправок с товарными вложениями из зарубежных интернет-магазинов, составив по итогам 2018 года – 354 млн; в целом рынок интернет-торговли в России в денежном выражении вырос в 2013-м с 544 млрд рублей до 1657 млрд рублей в 2018 году [1]. Столь интенсивные темпы развития дистанционной торговли повлекли адекватные изменения как непосредственно среди участников рынка, так и в смежных отраслях экономики. Поэтому интересно посмотреть, каким образом российский рынок e-commerce будет меняться сам и трансформировать ближайшее свое окружение.

Сложившаяся экосистема рынка e-commerce включает сформированную участниками рынка институциональную среду, существующие устойчивые отношения и функциональные зависимости, а также действующую нормативную базу. К представителям институциональной среды рынка интернет-торговли следует отнести:

- интернет-магазины;
- маркет-площадки и прайс-агрегаторы;
- доставочные службы;
- финансовые институты;
- инфраструктуру складской логистики;
- некоммерческие объединения участников рынка.

Интернет-магазины и маркетплейсы

Количество интернет-магазинов как непосредственных участников рынка весьма подвижно и изменчиво. Ряд специалистов связывают это с непродолжительным сроком жизни малых предприятий рынка e-commerce – до 2 лет, что в

* Анна Валентиновна Первушина, канд. полит. наук, преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: Ann_balan@rambler.ru

¹ Данные взяты из отчета Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ): [2].

свою очередь объясняется необходимостью оптимизации бизнеса и налогообложения, самой моделью бизнес-структуры. Тем не менее, по данным исследования Data Insight, в 2018 году зафиксировано не менее 300 тыс. сайтов с функционалом интернет-магазина (около 9 % «живых» доменов в зоне ru). Из них только ~ 2 000 интернет-магазинов получают более чем 20 заказов в день²; менее 10 000 магазинов получают более 5 заказов в день [6].

В Топ-10 самых крупных интернет-магазинов по объему продаж в 2017 году в России вошли следующие компании: Wildberries, «Ситилинк», «DNS/Технопойнт», «М.Видео», «Эльдорадо», «Ламода», Ozon, Ulmart, Bonprix и Svyasnoy.ru. Разница в объемах продаж между лидером Топ – компанией Wildberries (63 800 млн руб. в 2017 г.) и компанией Svyasnoy.ru (15 700 млн руб. за 2017 г.), замыкающей Топ, составляет более чем 4 раза³.

Стоит отметить, что представленные в Топе участники интернет-торговли являются собой крупные торговые площадки, т. н. интернет-агрегаторы. Можно сказать, что для многих проектов, успешно стартовавших как интернет-магазины, превращение в маркетплейс или агрегатор стало закономерным эволюционным этапом развития.

В общем, торговые площадки – это онлайн-сервисы, позволяющие продавцам размещать предложения, а покупателям находить необходимый товар. Задача агрегаторов – аккумулировать предложения от нескольких участников рынка. К примеру, один только «Яндекс.Маркет» представляет на своей площадке 26 тыс. интернет-магазинов⁴. Безусловно, само существование агрегаторов обосновано рядом преимуществ, которые они имеют. Во-первых, они дают своим партнерам широкую аудиторию, уже наработанную за годы существования площадки. Для сравнения: на площадке Amazon ежедневная аудитория – более 18 млн человек, «Яндекс.Маркет» – свыше 4,4 млн, Товары mail.ru – 3 млн. Во-вторых, агрегаторы предоставляют возможность реализации как новых, так и поддержанных товаров; в-третьих, деятельность таких площадок существенно снижает барьеры выхода для новых игроков на рынок – они не несут операционных расходов, и самое важное преимущество для клиентов – маркетплейсы обеспечивают безопасность сделки и гарантию выполняемых обеими сторонами обязательств [5].

В российском законодательстве также определен правовой статус интернет-агрегаторов. С 1 января 2019 года вступили в силу поправки в российский Закон о защите прав потребителей. В частности, согласно документу, владельцы интернет-агрегаторов будут нести ответственность за размещаемую ими информацию о товарах и услугах.

Оценивая эффективность маркетплейсов, исследователи подсчитывают долю заказов в портфеле интернет-магазинов, поступивших с площадок. Доля заказов с товарных площадок для интернет-магазинов составляет минимум 30–40 % [5]. Наибольший трафик на российском рынке демонстрирует площадка «Яндекс.Маркет» – 41 % [5].

Доставочные службы

Несмотря на развитие альтернативных федеральному почтовому оператору доставочных служб, Почта России остается одним из ключевых игроков на рынке доставки. По разным источникам, более половины (67,5 %) всех заказов направляется получателям через Почту России⁵. Остальные заказы доставляются посредством курьерских служб и постаматов.

² Данные исследования Data Insight: [6].

³ Рейтинг Топ-10 представлен в исследовании Data Insight: [6].

⁴ Данные по товарным площадкам взяты из: [5].

⁵ Данные Почты России: [4].

Стоит подчеркнуть, что для федерального почтового оператора рост объемов посыльного трафика был вызовом и драйвером к развитию и модернизации всей инфраструктуры. К примеру, только в Свердловскую область в 2018 году поступило 9,8 млн международных отправок, что в два раза больше аналогичного показателя за 2015 г. По внутренним посылкам, поступающим в регион, динамика составила 177 % в 2018 году к 2015 г. [8].

Динамичное развитие посыльного трафика, особенно международного, заставило Почту России произвести серьезные изменения в своей логистической системе. Из крупных проектов – строительство сети логистических центров. По всей стране Почта России планирует открыть 38 логистических центров и фулфилмент-центров, которые предоставят, по разным оценкам, от 400 тыс. м² до 1 млн м² [8] для участников дистанционной торговли. Как прогнозирует Почта, реализация этого проекта сделает возможной доставку отправок в течение 1–2 дней для 80 % населения страны [3].

Кроме того, Почта России активно сотрудничает с крупными международными маркетплейсами. В феврале 2019 г. Почта России и Cainiao (логистический дивизион Alibaba Group) подписали письмо о намерениях для более тесного сотрудничества в области трансграничной цифровой торговли и предоставления логистических услуг на рынке электронной коммерции. Почта России вместе с Cainiao будет выстраивать и обновлять инфраструктуру фулфилмент-центров, предоставляя услуги по получению, складскому хранению, подбору, упаковке посылок и их курьерской доставке, увеличивая ресурсы в периоды пиковой нагрузки.

Финансовые институты

Интенсивное развитие рынка e-commerce также выступает драйвером для развития финансовых институтов, в том числе небольших региональных банков. Последние готовы предложить участникам рынка электронной торговли «культуру готовых решений» и конкурировать с крупными банками в секторе мелкого и среднего бизнеса. Региональные банки типа УБРиР работают с мелким и средним бизнесом не только своего домашнего региона, но и выходят на клиентов Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодар, конкурируя с федеральными структурами более доступными тарифами, в том числе и по эквайрингу.

Высокая стоимость эквайринга относится к сдерживающим факторам для развития e-commerce. Так, за 2018 год ретейлеры заплатили банкам свыше 250 млрд руб. в виде компенсаций за эквайринг⁶. Финансисты понимают, что их задача – облегчить работу мелкого бизнеса на рынке e-commerce и удешевить «онлайн-фискализацию».

Инфраструктура складской логистики

Понятие фулфилмента⁷ прочно вошло в обиход участников рынка e-commerce. По их мнению, рынку электронной коммерции в России не хватает 1,5 млн кв. метров складских площадей [8].

Многие торговые площадки самостоятельно готовятся к своему расширению. Крупные интернет-магазины создают собственную логистическую инфраструктуру. Такой крупный логистический игрок, как Почта России, также планирует присутствовать на рынке фулфилмента и оказывать полный комплекс услуг на базе почтовых логистических центров по стране.

Недостаток площадей представляет не единственную проблему в организации складской логистики для участников рынка электронной коммерции. Существует определенный кадровый дефицит в наборе персонала, особенно на удаленных от

⁶ По данным АКИТ: [7].

⁷ Фулфилмент – это аутсорсинг складских операций, которые нужно произвести с товаром в розничной интернет-торговле (или дистанционной торговле) с момента его поступления на склад и до передачи в службу доставки.

городской агломерации складских площадках; особые технические требования к площадкам под товарные категории фрэш.

Некоммерческие объединения

Отдельными представителями институциональной среды рынка электронной коммерции со своими специфическими функциями являются некоммерческие организации. В числе основных функций, которые они выполняют, находятся активная законодательная позиция и инициатива, экспертное участие в обсуждении законопроектов по отрасли, проведение исследований, повышение профессионализма участников рынка.

Национальная ассоциация дистанционной торговли (НАДТ) существует с 2004 года, это одна из крупнейших в России и самая опытная международная профессиональная организация, которая объединяет 24 компании-лидера дистанционного рынка, совокупный оборот которых охватывает 50 % рынка дистанционной торговли в России⁸.

Одна из самых влиятельных и активных в части последних законодательных инициатив с целью регулирования рынка e-commerce, Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ), создана в 2012 г. В Ассоциацию входят следующие компании: Ozon, Lamoda, MediaMarkt, OTTO Group Russia, re:Store, «220 Вольт», «М.Видео», «Связной», «Ситилинк», «Спортмастер», «Эльдорадо», «Юлмарт», Chicco, «Холодильник.ру» и другие. Именно АКИТ разработала стандарты по обслуживанию потребителей в целях саморегулирования интернет-торговли и предупреждения проявлений недобросовестной конкуренции. Кроме того, АКИТ занимается серьезной аналитической работой по выявлению основных тенденций развития рынка дистанционной торговли в России.

Помимо вышеназванных организаций известны также следующие объединения, ставящие своей целью содействие развитию рынка электронной коммерции: Национальная ассоциация участников электронной торговли (НАУЭТ); Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК); Ассоциация компаний розничной электронной торговли (АКРЭТ).

Ключевым направлением интересов данных структур является лоббирование и защита российского рынка дистанционной торговли, ограничение трансграничной торговли, которая до недавнего времени существенно обгоняла российский рынок в темпах развития. В 2018 году объем импорта (360 млн отправок) превосходил внутренние объемы в 1,5 раза (225 млн). Если в среднем прирост межграничной торговли в 2018 году к 2017-му составляет 24 %, то аналогичный прирост на внутрироссийском рынке составлял 18 %⁹. Таким образом, несмотря на то что трансграничная торговля опережает по темпам роста внутренний рынок, происходит медленное выравнивание темпов роста продаж в российских интернет-магазинах и зарубежных. Результатом совместной позиции некоммерческих объединений стало принятие законопроекта о снижении порога беспошлинного ввоза товаров в РФ с 1 000 евро до 500.

Еще одним перспективным вопросом, по которому сформирована консолидированная позиция профессионального сообщества и которая лоббируется через законодательные и исполнительные органы РФ, является отмена запретов на дистанционную продажу лекарств и алкоголя.

Таким образом, как представляется, российский рынок дистанционной торговли является одним из самых перспективных и динамичных направлений развития российской экономики. Как следует из прогноза Института экономической политики имени Егора Гайдара, российский рынок электронной торговли к 2024 го-

⁸ Данные с официального сайта АКИТ: [1].

⁹ Данные АКИТ: [2].

ду увеличится в 2,37 раза по сравнению с 2018-м и составит 2,78 триллиона рублей [9]. Электронная торговля к этому моменту может занять 8,5 % от оборота всего российского ретейла против 3,47 % в 2017 году и 4,07 % в 2018-м, по данным исследования [9].

Основные тренды e-commerce связаны как с экстенсивным развитием дистанционной торговли, которая охватит не только города-миллионники, но и небольшие города с численностью менее 500 тыс. жителей, так и с качественным развитием: ростом числа покупок с мобильных устройств, развитием B2B сегмента, расширением онлайн-ассортимента. Высокая динамика рынка вызовет изменения и в институциональной среде: в формат розничной интернет-торговли будет переходить все большее количество участников традиционного ретейла, будет происходить активная консолидация на рынке маркетплейсов и агрегаторов, продолжатся трансформация и расширение функционала логистических компаний.

Литература

1. АКИТ (Ассоциация компаний Интернет-торговли) [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: <https://www.akit.ru> (дата обращения: 03.07.2019).
2. Аналитика по рынку e-commerce в России в 2018 [Электронный ресурс] / АКИТ. – URL: <https://yadi.sk/i/0ff9iSibAkpUnw>.
3. Бахарев И. «Почта» откроет eCommere-хабы в Великобритании и Финляндии [Электронный ресурс] // E-pepper : [сайт]. – 2019. – 21 марта. – URL: <https://e-pepper.ru/news/pochta-otkroet-ecommerce-khaby-v-velikobritanii-i-finlyandii.html>
4. В 2018 году жители Свердловской области получили более 9 млн почтовых посылок [Электронный ресурс] // УралБизнесКонсалтинг : информационно-аналитическое агентство. – 2019. – 31 января. – URL: <http://urbc.ru/1068084725-v-2018-godu-zhiteli-sverdlovskoy-oblasti-poluchili-bolee-9-mln-pochtovyh-posylok.html>
5. Иванов П. Товарные площадки (маркетплейсы) как источник заказов для интернет-магазина [Электронный ресурс] // Интернет-маркетинг. – 2018 – № 1. – URL: https://b2basket.ru/tovarnyye_ploshchadki (дата обращения: 03.07.2019).
6. Интернет-торговля в России в 2018 году [Электронный ресурс] : презентация / Data Insight. – URL: http://datainsight.ru/ecommerce_2018 (дата обращения: 03.07.2019).
7. Комиссия за эквайринг в 2018 году обошлась ретейлерам в 250 млрд рублей [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2019. – 6 февр. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/6086052>
8. Лапина А. Подождать, но заплатить меньше [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2019. – 30 апр. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3960958> (дата обращения: 03.07.2019).
9. Обзор состояния рынка электронной торговли в РФ : отчет о научно-исследовательской работе. – М. : Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2019. – 59 с. – URL: <http://ecomrussia.ru/dlya-biznesa/issledovaniya/obshhie-dannyye-o-sostoyanii-ryinka-rossii/«obzor-sostoyaniya-ryinka-elektronnoj-torgovli-v-rf»>.html

Anna Valentinovna Pervushina,

Candidate of Political Sciences, lecturer at Management and Marketing chair,
Business and Management Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities
(Yekaterinburg)

The institutional environment for the development of the Russian e-commerce market

The article highlights the trends of the Russian market of distance trading. It shows the trends of e-commerce in terms of the development of main players and their interests. The author concludes that the prospects of e-commerce in Russia are promising. The high dynamics of e-commerce will lead to the inevitable transformation of the institutional environment: an increasing number of participants in the traditional retail will begin to develop e-commerce formats; the popularity of niche online stores will grow; there will be an active consolidation in the market of marketplaces and aggregators; the transformation and expansion of the functionality of logistics companies will continue.

Key words: e-commerce; marketplace; retail; internet shopping; fulfillment.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

**С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества
(вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе»)**

Статья посвящена переизданной в 2019 году книге С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе», вышедшей впервые в 1971 году. Дается общий обзор творчества ученого, выделяются два основных периода в его развитии – ранний и поздний, или, соответственно, советский и постсоветский, специально-юридический и философско-правовой, теоретический и практический, реформаторский. Эти два периода соответствуют и двум эпохам в жизни российского общества. Упомянутая книга написана в первый период творчества мыслителя и является ярким исключением из его работ раннего, специально-юридического периода и в то же время показывает, что фундаментальные основания его учения оставались одинаковыми на протяжении всей его творческой жизни – это пиетет перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое является их «хранилищем», а также неустанное внимание к правовому просвещению как важнейшему средству повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в его жизни. В книге выделяются непосредственная ценность права – закрепление и обеспечение им организованности и упорядоченности общественных отношений, в том числе закрепление положения личности в обществе, ее прав и свобод, где высшая социальная свобода – это свобода от эксплуатации, и ценность опосредованная, когда право выражает и закрепляет иные, в том числе общечеловеческие, социальные ценности, нормы нравственности, прогрессивные элементы демократической культуры. Право является поэтому также экономической, политической и духовной ценностью. Анализируется дефиниция права, которая в данной книге имеет непозитивистскую природу, поскольку связывается мыслителем с требованиями к внутреннему содержанию норм права в виде соответствия их началам справедливости, наличию субъективных прав и определенной самостоятельности субъектов. Главной идеей книги можно назвать идею о том, что социалистическое (социализм выступает здесь как идея, а не как практика) право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение ее от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность, субъективные права и свободы трудящихся, а также обеспечивает высокий уровень организованности и порядка в жизни общества, противостоящих произволу.

Ключевые слова: социальная ценность; право; ценность права; общечеловеческие и классовые ценности; философия права; специально-юридическая теория права; догма права; доктрина; права и свободы личности; достоинство личности; свобода; равенство; справедливость; социализм; коммунизм; марксизм; классовый подход; социалистическое право; социалистическая законность; антиэксплуататорская сущность социалистического права; объективные свойства права; нормативность; формальная определенность; принудительность; динамизм; правовые конструкции; правоположения; субъективное право.

* Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенный профессор Университетов Париж-Восток, Париж-Запад, Клермон-I (Франция).

Благодарности

Выражаю свою признательность д. ю. н. С. И. Архипову, д. полит. н. С. И. Глушковой, д. ю. н. В. Б. Исакову, д. ю. н. С. А. Степанову, д. ю. н. Н. Н. Тарасову и аспиранту О. А. Шипицину, прочитавшим рукопись статьи и высказавшим ряд полезных советов и ценных замечаний, которые были мною во многом учтены при написании окончательного варианта настоящей статьи. Возможные погрешности остаются, разумеется, на моей совести.

1. Жизненный путь – высокая миссия. Сергей Сергеевич Алексеев (28.07.1924–12.05.2013) – выдающийся советский и российский ученый – жил в двух разных эпохах – советской, социалистической и в самом начале современной, демократически-правовой и рыночно ориентированной. Он служил своей Родине и во время военных испытаний (1941–1945 гг.)¹, и в мирное время: делал все, что было в его силах для того, чтобы страна развивалась и процветала, чтобы поставленные обществом цели – свобода, равенство, братство, отсутствие эксплуатации – были достигнуты, и, как юрист, полагал, что совершенное Право есть одно из важнейших средств для решения поставленных задач и одновременно – важнейшая ценность и цель, которая достойна того, чтобы к ней – самой по себе – стремиться, ибо стремление к Праву приводит общество в целом к гармонии и способствует большей защите прав и свобод отдельного человека.

2. Актуальность и ценность. Книга С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе»² вышла из печати в 1971 году, и это была совсем другая эпоха, другая страна, другое – советское, социалистическое – общество. В чем сегодня актуальность и необходимость переиздания этой работы, вышедшей почти полвека назад в условиях, кардинально отличающихся от современных? В том, что обсуждаемые в ней проблемы относятся к числу фундаментальных в правоведении; в том, что Право – это величайшая социальная ценность и в современном обществе тоже; в том, что весьма важные, вытекающие из этой идеи требования, не реализованы в России до сих пор, а о некоторых из них российская социально-гуманитарная наука перестала даже и говорить, как будто это – проблемы вчерашнего дня и сегодня они «решены» или никого не интересуют (например, об антиэксплуататорской сущности права, о которой писал в этой книге С. С. Алексеев и к чему нам явно надо стремиться сегодня в процессе формирования и развития новой правовой системы России). В том, что «объективная тенденция усиления и углубления правовых начал» действует и сегодня, но не автоматически, а лишь при условии необходимых и достаточных усилий политической элиты и профессионального правового сообщества, а также в том, что указанная тенденция «находит в положениях о социальной ценности права адекватное теоретическое выражение» (с. 221 данного издания³).

Актуальность и необходимость переиздания этой книги также в том, что советские ученые-юристы в лице таких ее выдающихся представителей, как С. С. Алексеев, подготовили почву для современного этапа развития российской юридической науки и правовой практики, разрабатывали идеи, ряд из которых был включен позже (хотя и в иной формулировке) в нынешнюю Конституцию России, чего

¹ Сергей Сергеевич был призван на службу в августе 1942 года (см.: Алексеев Сергей Сергеевич: Правовед. Мыслитель. Публицист. Библиография: К 85-летию со дня рождения ученого / М. Ф. Казанцев, В. Н. Руденко, Е. М. Сурина; отв. ред. В. Н. Руденко. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – С. 27).

² Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. – М.: Юридическая литература, 1971. – 223 с. Переиздание: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019.

³ Нумерация страниц в данном издании совпадает с нумерацией в издании 1971 года.

не следует забывать, так как вклад советской юридической науки в нынешнее правовое развитие нередко незаслуженно умаляется.

3. Две страны – два периода жизни и творчества ученого. В творчестве Сергея Сергеевича Алексеева следует выделить, хотя и в определенном смысле условно, два крупных этапа: ранний и поздний, которые в данном случае можно назвать советским и постсоветским периодами, или, соответственно, специально-юридическим⁴ и философско-правовым, или, наконец, теоретическим и практическим, реформаторским (в зависимости от критерия, по которому проводится данное деление), что дает основание говорить о «двух» Алексеевых точно так же, как говорят, например, о раннем и позднем Марксе, о докритическом и критическом периодах в творчестве Канта и т. д. Это – вполне устоявшаяся традиция в анализе научного наследия крупных мыслителей, показывающая различные качественные ступени в развитии их научного творчества.

В советский период у С. С. Алексеева не было системы работ (когда какие-то идеи открываются, «нащупываются» в одной, а потом развиваются в последующих работах), посвященных философии права (кроме некоторых фрагментов в крупных трудах и ряда отдельных статей). В первый, ранний период своего творчества ученый занимался главным образом и почти всецело разработкой специально-юридической проблематики⁵ – теорией права и юридической догматикой, осуществлял аналитический и инструментальный анализ права. Что касается книги «Социальная ценность права в советском обществе», то она является очевидным и весьма успешным исключением из всех его специально-юридических работ раннего периода, что придает ей особый интерес и интригу. Последняя усматривается в том, что ученый, с одной стороны, придерживался в основном позитивистского подхода к праву, а с другой – обосновывал ценность права, рассматривая его «как своего рода высокую *общечеловеческую ценность*, выразителя прогресса человеческого общества» (с. 160), а также анализировал закрепленные в праве общественные и личные идеалы, что фактически выводит его правопонимание за рамки позитивизма уже в советский период. Во введении к книге автор пишет, что «ценностная (аксиологическая) характеристика явлений окружающей

⁴ С. С. Алексеев выделял в рамках единой теории права относительно обособившиеся группы проблем, которые он обозначал как вопросы «философии права», «социологии права», «специально-юридической теории (общей позитивной теории)». В рамках последней он выделял два уровня (см.: Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. – Т. 1. – М., 1981. – С. 18–22). Позже в правоведении ученый выделил догму (аналитическую юриспруденцию), теорию (общую (инструментальную) теорию права) и философию права (см.: Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001). В работе «Право: азбука – теория – философия» догму права автор называл азбукой права (см.: Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – С. 3). Первые два уровня можно обобщенно назвать специально-юридической проблематикой.

⁵ Укажем лишь основные работы этого периода: Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961; Общая теория социалистического права : курс лекций : в 4 вып. – Свердловск, 1963–1966 ; Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. – Свердловск, 1972–1973 ; Общая теория права : курс : в 2 т. – М., 1981–1982 ; Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966 ; Структура советского права. – М., 1975 ; Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989 и др. Заметим также, что склонность мыслителя к философско-правовым рассуждениям и обобщениям находила свое определенное выражение и в первый период его творчества тоже, и не только в отдельных фрагментах специально-юридических работ и некоторых научных статьях, но и в публицистике советского периода, где можно найти отдельные философско-правовые размышления. Понимая, что правовое воспитание и правовое просвещение являются важнейшими и необходимейшими средствами обеспечения господства права в жизни общества, развития его правовой культуры, автор считал своим долгом делать свой посильный вклад в ее развитие, публикуя работы, рассчитанные на не юристов, а на широкий круг читателей (см., напр.: Алексеев С. С. Право и наша жизнь. – М., 1978 ; Его же. Азбука закона. – Свердловск, 1982 и др.).

действительности призвана расширить наши представления о мире, раскрыть в нем новые грани и связи... Ценностная характеристика охватывает и социально-политические явления, в том числе область права» (с. 4). Указанная характеристика «во всех аспектах особенно важна по отношению к такому социально-политическому институту, как право. Оно нераздельно связано с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости, господствующими в данной системе социально-классовых отношений» (с. 7). При этом чуть ранее, комментируя (в сноске) взгляды философов на исследуемую тему, автор отмечает, что «категория “ценность” потому и обособилась в самостоятельную категорию, что она выражает *идеалы* общественной и личной деятельности человека» (с. 3). Обсуждение же идеалов и ценностей, как известно, не входит в предмет позитивистской теории права. Вспомним то, что писал, например, по этому поводу В. С. Нерсесянц, называя легизмом один из крайних вариантов позитивизма: «Теоретико-познавательный интерес легизма полностью сосредоточен на действующем (позитивном) праве. Все, что выходит за рамки эмпирически данного позитивного права, все рассуждения о сущности права, идеи права, **ценности права** и т. д. позитивисты отвергают как нечто метафизическое, схоластическое и иллюзорное, не имеющее правового смысла и значения» (выделено нами. – А. С.)⁶. Это – очень верная констатация, ибо «настоящий» позитивист не будет обсуждать и доказывать ценность права, отстаивать какие бы то ни было идеалы, которые оно закрепляет: подобные вопросы его совершенно не интересуют.

Особый интерес работы «Социальная ценность права в советском обществе» еще и в том, что в поздний – постсоветский, философско-правовой – период своего творчества С. С. Алексеев вернулся к вопросам ценности права в книге «Тайна права», которая получила даже соответствующий, посвященный теме ценности права, подзаголовок: «Его понимание, назначение, социальная ценность» и уже во введении начинается словами: «Эта книга о праве. О том, что право – великая ценность, наше убежище и надежда, опора в делах, свершениях и бедах»⁷. Читатель может сравнить рассуждения юриста-мыслителя о ценности права в советский период с тем, что он написал на эту тему в поздний период своего творчества, и заметить, что при наличии ряда общих, базовых позиций, ученый продвинулся далеко вперед⁸. Теме «ценность права» автор продолжал уделять внимание и в дальнейшем, в других своих работах как специально-юридического, так и философско-правового профиля.

Таким образом, несмотря на указанное и весьма показательное исключение философско-правового характера, в советский период основное внимание ученый уделял специально-юридической теории права. В постсоветский период у С. С. Алексеева, напротив, нет практически ни одной работы (не то что монографии, а даже статьи), которая была бы полностью и исключительно посвящена лишь специально-юридической проблематике – ученый стал работать, главным образом, в русле философии права, а догма и теория права, которым автор по-прежнему уделял достаточно много внимания, стали рассматриваться уже в ином аспекте – как своеобразное основание или как подтверждение его философско-правовых рассуждений, т. е. аналитическая и инструментальная (общая) теория права рассматри-

⁶ Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – М., 1998. – С. 11.

⁷ Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: Резюме с претензией. – М., 2001. – 176 с.

⁸ Детальная проработка указанного тезиса стала бы предметом самостоятельного исследования. Данная же вступительная статья посвящена краткому анализу переиздаваемой работы, и, пожалуй, даже не столько анализу, сколько расстановке некоторых акцентов, на которые хотелось бы обратить особое внимание читателя, и поэтому при отсылке к идеям и положениям переиздаваемой книги будет использовано в основном цитирование, чтобы точно передать мысли ученого.

вается им теперь на другом уровне или в другом контексте – в контексте философско-правовых идей, которые ученый в основном обсуждал и развивал в этот период.

Почему второй этап своего научного творчества⁹ ученый посвящает анализу прежде всего философско-правовых идей? Потому что в постсоветское время встала проблема философско-методологического обоснования нового права, новых правовых идей: старая идеология разрушилась, показав свою никчемность и тупиковость, свой античеловеческий и агрессивный характер. Соответствующая ей методология была дискредитирована своими идеологическими основаниями и предпосылками, на которые она во многом опиралась, и потому появилась объективная потребность в поиске новых ориентиров в развитии общества, государства и права, в поиске иной методологии, в постановке и обосновании новых целей развития, в утверждении достоинства личности и ценности человеческой жизни не только в теории, но и на практике. И Сергей Сергеевич одним из первых понял эту необходимость, понял принципиально новый контекст ее проявления и стал реализовывать эту объективную потребность российской науки и трансформирующегося социума во всех своих работах постсоветского периода, не оставляя, конечно, совсем своей ранее самой главной – специально-юридической – линии, ставшей в перестроечное и постперестроечное время далеко не основной, хотя и по-прежнему очень и очень важной (разумеется, сюда не включаются поздние переиздания ранних специально-юридических трудов в области догмы права, т. е. тех, которые были написаны еще в советское время).

Два периода в творчестве С. С. Алексеева соответствуют двум этапам, двум кардинально различным эпохам в жизни нашего общества. Рассматривать их с формационной ли или с цивилизационной точки зрения – в любом случае мы увидим, что это две фундаментально различные социальные, экономические, политико-правовые, культурные и т. п. системы – различные общественно-исторические эпохи. В конце прошлого века в России произошла смена цивилизаций – от советской, утопически ориентированной на построение рая на земле, мы вернулись к своим цивилизационным корням и соответствующим им ценностям, которые начали формироваться в России еще до Октябрьского государственного переворота 1917 года и которые другие народы давно уже стремятся воплотить на практике – это такие идеи и ценности, как достоинство и права человека, демократия, гражданское общество, правовое и социальное государство, рыночное хозяйство, солидарность и т. д. С формационной же точки зрения произошла смена общественно-экономических формаций (если использовать марксистский подход, даже понимая его ограниченность и не подтвердившиеся на сегодня гипотезы,

⁹ Назовем также самые известные работы С. С. Алексеева указанного периода: Теория права. – М., 1993. – 2-е изд. – М., 1995 ; Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – М., 1997 ; Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М., 1998. – 2-е изд. – М., 2013 ; Право: Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999 ; Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М., 2000 ; Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – 2-е изд. – М., 2002 ; Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: Резюме с претензией. – М., 2001 ; Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. – 2-е изд. – М., 2009 и другие, в том числе публицистические, работы, где (и в первый, и во второй период) мыслитель обычно высказывает и свои философско-правовые взгляды. Назовем лишь некоторые книги (были еще и статьи, разумеется) краткой переходной стадии, когда завершаются публикации первого периода («Общие дозволения и общие запреты в советском праве», 1989) и начинают формироваться подходы второго периода: Право и перестройка. Вопросы, раздумья, прогнозы. 1987 ; Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк. – М., 1988 ; Перед выбором. Социалистическая идея: настоящее и будущее. – М., 1990 и др. Второй период творчества ученого начинается в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века.

касающиеся «коммунистической стадии» развития общества), а именно: возврат от социалистической эпохи к капиталистической; от полного запрета частной собственности к ее признанию и защите; от оценки человека как «винтика», средства построения светлого (но, как оказалось на деле, – лишь в кавычках: «светлого») будущего к признанию личности в качестве высшей ценности общественного развития; от планового хозяйства – к рыночному; от авторитарного режима – к режиму, который хотя и с большой неохотой, но вынужден идти постепенно к демократическим способам управления обществом, и т. д. Если оценивать изменения по критерию уровня защиты прав и свобод человека (этот подход соединяет одновременно формационные и отчасти цивилизационные критерии, ибо второй период – это уже новая и во многом единая – ориентированная на человека – цивилизация), то можно констатировать переход (самые первые его шаги) от социоцентристского типа общества, государства и права к персонцентристскому типу государственно-правовой системы и соответствующей организации жизни социума в целом¹⁰. Разве мог в этих условиях выдающийся мыслитель-правовед, каким был С. С. Алексеев, оставаться в прежних специально-юридических и порой вынужденно весьма узких рамках исследования, в рамках одной только догмы права? Разумеется, нет, и поэтому вполне закономерно начался второй – философско-правовой в науке и реформаторский в области политики и права на практике – период в творчестве ученого. Книга «Социальная ценность права в советском обществе» позволяет показать, как в ранний период зарождались и выражались идеи, которые были в полной мере развиты позже, в постперестроечную, постсоветскую эпоху, т. е. показать, что фундаментальные основания мысли ученого были заложены еще в советское время, и, зная работы С. С. Алексеева позднего периода, можно сказать, что они оставались таковыми на протяжении всей его научной и практической деятельности. Поэтому повторим, что есть некоторая, вполне понятная и определенная условность в выделении двух периодов в его колоссальном и очень важном для российской юридической науки творческом наследии.

Выше, в словосочетании ««два» Алексеева» первое слово взято в кавычки потому, что, несмотря на наличие двух этапов в развитии научного творчества С. С. Алексеева, мы можем констатировать, что глубинное основание его учения было неизменным, т. е. общим для обоих периодов, – это пиетет перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое является их «хранилищем»¹¹, а также

¹⁰ О социо- и персонцентризме см.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург : Изд-во Уральской юридической академии : Изд-во Гуманитарного университета, 1996 ; Его же. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 1996 ; Его же. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Типы правовой культуры и этапы правового развития // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». – 2002. – № 1 (3). – С. 44–77 ; Его же. Персонцентристская правовая культура и уровень свободы в обществе: сравнение различных подходов // Коллизии свободы в современном обществе : материалы научно-практической конференции Гуманитарного университета (15–16 мая 2003 г.). – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – С. 224–252 ; Теория государства и права : учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – С. 317–323 (4-е изд.: 2011, 2013) ; Его же. Концептуальное введение: Право, личность, права человека: персонцентристский подход к праву и правовой культуре // Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2009 (2012, 2013). – С. 25–41 ; Его же. Персонцентристский подход к праву и правовой культуре // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). – С. 86–94 ; Его же. О персонцентристском и социоцентристском типах государства и права как теоретической конструкции // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 3(45). – С. 7–14 и др.

¹¹ Право как «хранилище» субъективных прав и свобод трудящихся – это формулировка ученого (см.: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. С. 186). Об этом будет еще сказано далее.

неустанное внимание к правовому воспитанию и просвещению как важнейшим и необходимейшим средствам повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в его жизни. Только в разные периоды научной, а позже еще и реформаторской деятельности ученого, которые соответствовали двум принципиально различным эпохам жизни нашей страны, эти идеи находили неодинаковое словесное и практическое выражение. Так, закрепленная ныне в ст. 2 Конституции России идея о правах и свободах человека как высшей ценности, которой ученый придавал громадное значение, работая над проектом Основного закона и настаивая, чтобы это положение открывало Конституцию, т. е. было закреплено уже в первой ее статье, в советское время выражалась им иначе – согласно устоявшемуся в то время дискурсу и принятым в юридической науке подходам: «социалистическое право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность» (с. 216). Понятно, что если сделать поправку на социально-политический и иной контекст, то, по сути, перед нами практически идентичные идеи и в любом случае одинаковые основания учения С. С. Алексеева о праве и его предназначении в обществе, которые были нерушимым фундаментом его научного творчества обоих периодов.

4. Коммунизм и социализм – выдающиеся идеи и антигуманная практика. И здесь же сразу надо сделать одну исключительно принципиальную оговорку по поводу «социалистического общества» и «коммунизма» как цели, которая была написана на знаменах СССР. Коммунизм и его первая фаза – социализм – в той форме, как эта фаза задумывалась классиками марксизма-ленинизма, оказались полнейшей утопией, а средства их построения иначе как антигуманными (а часто преступными) и не назовешь! Означает ли это, что все идеи, которые обсуждались юридической наукой советского периода, и в том числе применяемая ею марксистская методология, классовый анализ общества и т. д., нужно выкинуть на свалку истории? Или же что-то необходимо оставить для нового общества, в котором мы сейчас живем и основные параметры которого закреплены в действующей ныне Конституции России? Ответ на последний вопрос будет, конечно же, положительным, а на предыдущий – соответственно, отрицательным: и марксистская методология, и классовый анализ социальных отношений, и значительная, подавляющая часть идей, разработанных советской юридической доктриной, имеют непреходящую ценность и сегодня. Если коммунизм как окончательная цель общественного развития оказался утопичным, а средства достижения этой цели – преступными в значительной своей части и антигуманными в целом, то это не означает еще, что основные идеи, на которых базировался невиданный в истории социальный эксперимент, должны быть отброшены полностью и навсегда. Речь идет о стремлении к высшей социальной справедливости и устранению эксплуатации в обществе, об идеях действительной свободы, реального равенства, товарищества и братства между людьми и т. д. (см. с. 27 и др.). Именно потому, что коммунистический эксперимент взывал к этим идеям, он и оказался столь привлекательным и столь долго – почти три четверти прошлого века – нерушимым. Привлекательность коммунистической идеи такова, что Н. А. Бердяев – великий мыслитель, исследователь истоков и смысла русского коммунизма – пришел к выводу о невозможности опровергнуть коммунизм рационально, теоретически. Единственный путь его краха – это его самоистребление, когда коммунистическая идея покажет свою практическую нереализуемость, а основные средства достижения этой утопии в силу их крайнего человеконенавистничества войдут в резкое противоречие с намеченными ею целями и приведут, в конце концов, к деградации

многих областей жизни общества, что и произошло на практике в СССР в прошлом веке¹².

Вот на этом парадоксальном противоречии (целей и средств их достижения) необходимо остановиться подробнее, так как оно вызывает непонимание, а потому и совершенно неадекватную критику в адрес ученых советского периода в области социальных наук. Подобного рода необоснованные и резко противостоящие здравому смыслу претензии предъявлялись и С. С. Алексееву¹³. Советские ученые восхваляли не средства, тем более насильственные и жестокие, а идеи высшей социальной справедливости, действительной свободы, реального равенства, братства, солидарности и запрета эксплуатации, которые были написаны на знаменах строителей коммунизма. Мало кто приветствовал террор, массовые репрессии по отношению к своим соотечественникам, тоталитарные, а затем авторитарные методы руководства обществом. К сожалению, были и такие, кто выступал за подобные методы насильственного осчастливливания советских граждан, однако С. С. Алексеева в их числе, разумеется, не было и быть не могло. Его отец был незаконно репрессирован, и это не могло не сказаться на молодом человеке, которому приходилось жить с клеймом сына «врага народа», не могло не оставить глубокого, трагического следа в душе ученого на всю его жизнь¹⁴, и поэтому предъявлять С. С. Алексееву претензии за прославление советского режима было бы крайне неразумно. Безусловно, С. С. Алексеев искренне разделял идеи социальной справедливости, свободы, равенства, братства, отсутствия эксплуатации и полагал, что Право, как одно из важнейших средств достижения этих идей, уже само по себе есть реализация свободы, равенства и социальной справедливости в обществе. Поэтому когда мы находим в его работах советского периода защиту социалистического и коммунистического идеала, социалистического права, то надо понимать, что автор имел в виду именно указанные целевые установки и идеи, к которым официально и призывала коммунистическая идеология. Даваемая же автором позже критика советского периода относится к насильственным средствам осуществления коммунистической идеи, к тому, что в своей реальной практике возглавляемая Коммунистической партией советская власть пошла против тех идеалов, к которым призывала на словах.

Если посмотреть на идеологические дискуссии советского времени, в которых принимал участие и С. С. Алексеев, то в них явно видно это разделение на идеальное и реальное: идеальное – это то, к чему официально стремилось советское государство, и реальное – это то, что получалось на практике и что не только не соответствовало идеальному, а часто было ему прямо и резко противоположно. И поэтому критика со стороны наших буржуазных оппонентов, или, как ее называли тогда, «антикоммунистическая пропаганда», справедливо была направлена на то, что, несмотря на провозглашенные коммунистической идеей красивые цели, на практике используются в основном преступные средства их достижения. В то же самое время советские ученые защищались и одновременно наступали на представителей «антикоммунистической пропаганды», указывая в первую очередь на эти возвышенные цели и идеалы и лишь иногда делая вынужденные ого-

¹² См.: Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к 100-летию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 4 (19). – С. 32–72.

¹³ См., напр.: Тилле А. А. Право абсурда: социалистическое феодальное право. М. : МП «Конт», 1992. – 239 с.

¹⁴ См.: Эпоха Сергея Сергеевича Алексеева [Электронный ресурс] : кинопроект-трилогия / автор идеи и сценария С. А. Степанов. – Фильм первый : Восхождение к праву. – Екатеринбург : Музей С. С. Алексеева : УрГЮУ, 2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H9XSVmbYObw> ; Сергей Сергеевич Алексеев: биографический очерк // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – Справочный том / сост. М. Ф. Казанцев. – М., 2010. – С 159–160.

ворки о том, что допущенные «отдельными лицами», в том числе партийными лидерами, злоупотребления осуждаются, отвергаются, партия «исправляется» и т. д., и т. п. Можно привести одно из многих и весьма симптоматичных высказываний С. С. Алексеева в этой жесткой идеологической дискуссии, где хорошо видно, что автор не защищает то, что невозможно защищать, – реальную практику бесправия, произвола и репрессий эпохи социализма («первой фазы коммунизма»), а говорит лишь о том, что идеи и цели коммунизма – неоспоримы (обратите внимание, что он пишет именно о коммунизме как поздней стадии прогрессивного общественного развития, которая должна быть достигнута в будущем): «Представления о несовместимости коммунистического строя с правом и законностью усиленно культивируются идеологами империализма, пытающимися “доказать”, что коммунизм представляет собой режим “бесправия и произвола”, ограничения прав и свобод, подавления личности.

Это – клевета, основанная на прямом извращении идей Октября...» (с. 222). Вот – основная суть позиции советской общественной науки в целом и С. С. Алексеева в частности в этой идеологической борьбе: «антикоммунистическая пропаганда» извращает **идеи и цели Октября**, с одной стороны, **и тот строй, который только планируется построить в будущем – коммунизм** и который к тому моменту еще не наступил (и только теперь – после почти семидесятипятилетней «проверки» этой идеи – мы узнали, что он никогда и не наступит). О практике их реализации, т. е. о реальном социализме, ученый вообще ничего не говорит (и сказать-то в его оправдание ничего было невозможно, не покрывив душой перед истиной и совестью, чего ученый никогда не делал), речь идет только об идеях, на которых он базируется, и о не наступившем еще желаемом будущем. И такое утверждение истинно во всех смыслах, в том числе и в терминах формальной логики. Оно было истинно в советскую эпоху, остается истинным и сегодня: если брать идеи Октября, коммунистические идеалы, то они, действительно, – возвышенны и совершенны, а потому опровергнуть их рационально, теоретически, как верно заметил Н. А. Бердяев, невозможно. Проблема в том, что буржуазные оппоненты критиковали реальный социализм, а его сторонники защищали – вымышленный, идеальный, в который они, однако, искренне верили как в первую фазу коммунизма, а потому дискуссия могла длиться бесконечно, однако во всех случаях безрезультатно, ибо каждая сторона этого жесткого идеологического противостояния говорила «про свое». В том же ключе надо понимать и тезис ученого о том, что *«одной из великих ценностей социализма является социалистическое право»* (с. 8), т. е. ценностью социализма *как идеи* является социалистическое право *как идея, идеал и как цель*, к которым, согласно официальным лозунгам, стремилось советское общество. То, что это стремление оказалось в основном тщетным и по определению утопичным, стало понятно далеко не всем и далеко не сразу. Нет никакого смысла и было бы крайне несправедливо предъявлять какие-либо претензии советской науке, как и всему обществу, по поводу их веры и стремления к идеалам, которые оказались недостижимыми.

В любом социуме есть запретные для обсуждения и для исследования темы; и советское, социалистическое общество – не исключение. Правда, от уровня свободы в анализе «неудобных», «трудных», «неприятных» социальных проблем зависит и степень эффективности их решения в каждом конкретном случае: если свобода минимальная или отсутствует практически вовсе (как это было в СССР, особенно в период тоталитарного режима, начавшегося практически сразу же после Октября 1917 года и продолжавшегося примерно до конца 50-х годов прошлого века), то общество может и не пережить тех трудностей, которые предпочитало не замечать. Если же свобода мысли и слова, уважение к публичной дискуссии по сложным социальным вопросам поддерживается и защищается данным общест-

вом, его элитами и институтами, то имеется надежда на благоприятный исход, т. е. на преодоление возникающих проблем, трудностей и противоречий. Поэтому чем более зрелая, более «взрослая» политическая и правовая культура в том или ином социуме, тем больше у него перспектив прогрессивного, поступательного развития. Советский режим ограничивал творчество ученых очень жестко: сначала был установлен прямой террор (и уничтожение ученых с «неверными» и «плохими» идеями), а потом – открытая цензура. Даже один только простой призыв диссидентов к советской власти «Соблюдайте свою Конституцию!» приводил в то время к тюремной и (или) психиатрической расправе над этими людьми, которые оказывались «инакомыслящими», хотя сказали-то всего лишь то, что если написаны правильные и красивые слова в Конституции СССР, то надо их подтверждать на практике. Сергей Сергеевич всегда говорил, и в советское время тоже, что надо уважать право – соблюдать законы, исполнять требования социалистической законности, что, по существу-то своему, одно и то же с вышеупомянутым диссидентским призывом, хотя и сказанное совсем в иной форме! Эта академическая форма была, пожалуй, очевидным максимумом возможного в условиях жесткого авторитарного режима для того, чтобы отстаивать идею и ценность Права, что и делал С. С. Алексеев и в советский и в постсоветский периоды своего творчества. Позже, в условиях перехода к демократии и персонцентристскому обществу, он смог говорить уже вполне свободно и открыто все, что накопилось в душе в условиях прежнего жесткого идеологического диктата, практиковавшегося в СССР до начала перестройки.

В советский период С. С. Алексеев делал все то, что могло принести обществу максимальную на тот момент пользу и что могло быть понято и принято общественным сознанием, «руководящей и направляющей» его силой, которая вела нашу страну в тупик. В постсоветский период возможностей принести пользу обществу стало многократно больше и ученый писал и делал то, что было необходимо и полезно для продвижения социума вперед, для исправления тех трагических ошибок, которые были допущены ранее, а скажи он прямо и открыто об этих ошибках в советское время, то, вполне понятно, что он не только не был бы услышан, но и более, чем очевидно, что был бы мгновенно записан в ряды врагов советского строя. Так, если в советский период феноменальные юридические знания ученого могли быть использованы на практике, самое большее в качестве народного заседателя в судебном составе народного же, как он тогда назывался, суда (а роль заседателей, как известно, была тогда крайне невелика) или найти выражение в идущих «под сукно» записках и рекомендациях в «руководящие и направляющие» органы, то в перестроечное время потенциал ученого использовался по максимуму: С. С. Алексеев стал народным депутатом СССР от Академии наук СССР, затем был избран членом Верховного Совета СССР, председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, Председателем Комитета конституционного надзора СССР, затем стал руководителем Исследовательского центра частного права, членом Президентского Совета, членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ, одним из авторов ряда важнейших законопроектов, в том числе Конституции РФ, первой и второй частей Гражданского кодекса РФ и др.

Нынешняя критика советского периода, которая проводится с демократических и гуманистических позиций, нередко вместе с водой выплескивает и ребенка, т. е., справедливо отвергая утопичность коммунистической идеи и неприемлемые средства ее реализации, забывает напроць сами по себе идеи, к которым призывала эта идеология. И получается, что как будто бы сегодня наше общество согласилось с эксплуатацией и грубыми нарушениями социальной справедливости, как будто общество не стремится уже к реальному равноправию и свободе и

т. д. К сожалению, некоторые современные политико-правовые тенденции позволяют заключить, что многое из того, что было записано верного на знаменах социалистического периода нашей истории, сегодня уже никого не волнует и, кажется, не имеет уже никакого значения. Так, если, например, гендиректор ФГУП «Почта России» может получить ежегодный доход в 400 раз больше средней оплаты в его ведомстве – государственном предприятии – и надзорными государственными органами это признается, хотя и косвенно, но, в конечном счете, как деяние правомерное (в противоречии с имеющимися официальными ограничениями в допустимых разрывах заработных плат руководителей и рядовых работников)¹⁵, то разве такой правовой механизм (законодательство и практика его реализации) имеет антиэксплуататорскую сущность? Конечно, не имеет: отрицательный ответ на данный вопрос более чем очевиден. Если на Западе услышали некоторые идеи Октября 1917 года¹⁶, то почему-то в России сегодня их напрочь забыли. Ведь эксплуатация может базироваться не только на частной собственности, но и на собственности государственной, особенно когда сама государственная власть постепенно приватизируется ее высокопоставленными носителями. При этом во всех случаях при соответствующем законодательстве, допускающем – и, обычно, путем умолчания – таковую, т. е. эксплуатацию, в том числе резкое и ничем не обоснованное неравенство в доходах, в итоге которого большие группы населения оказываются в нашей стране за чертой бедности. Механизм, установленный ст. 133 и 133.1 ТК РФ и требующий, чтобы минимальный размер оплаты труда не опускался «ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения», был бы, разумеется, очень хорош при том условии, что прожиточный минимум должен быть реальным, а не фиктивным, как это последнее пока и имеет место.

Наконец, идея социальной справедливости почему-то иногда целенаправленно изгоняется из современного законодательства, когда народные избранники исключают, например, из ст. 3 Налогового кодекса России принцип справедливости, который настолько абстрактен, что не представляет никакой угрозы кому бы то ни было, но показывает главные ориентиры и основные ценности правовой политики в данной области. Однако современный демократический законодатель считает, что налоговое законодательство не должно быть справедливым¹⁷, что, разумеется, полностью, т. е. как по форме, так и по содержанию, абсурдно и антиконституционно.

¹⁵ См.: Снят арест с астрономической премии экс-главы «Почты России» // CNews : интернет-портал. – 2018. – 7 нояб. – http://www.cnews.ru/news/top/2018-01-13_snyat_arest_s_astronomicheskoy_premii_eksglavy (дата обращения: 15.06.2019) ; Генпрокуратура: глава «Почты России» получает 95 миллионов в год без согласия Правительства // CNews : интернет-портал. – 18.11.2016. – http://www.cnews.ru/news/top/2016-11-18_genprokuratura_glava_pochta_rossii_poluchaet (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁶ Так, например, Франсуа Олланд, придя к власти в 2012 году, принял решение об ограничении разрыва в заработных платах руководителей государственных фирм и средним размером минимальных зарплат 20-кратным уровнем. См.: Le salaire des patrons du public plafonné à 450.000 euros // L'Express, L'Expansion. 13.06.2012. – URL: https://lexpansion.lexpress.fr/actualite-economique/le-salaire-des-patrons-du-public-plafonne-a-450-000-euros_1443159.html (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁷ Первая редакция Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ формулировала последнее предложение ч. 1 ст. 3 следующим образом: «При установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога исходя из принципа справедливости». Федеральный закон от 09.07.1999 № 154-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» исключает из этого предложения слова «исходя из принципа справедливости», и складывается впечатление, будто эта идея – серьезная помеха для налогового законодательства, с которой обязательно надо «расправиться» даже на декларативном, т. е. прямо и конкретно ни к чему не обязывающем уровне.

Все это позволяет сделать вывод, что многие идеи (но не средства их реализации), закреплённые социалистической идеологией и потому отстаиваемые советскими учеными, в том числе учеными-юристами, остаются актуальными и сегодня. И если проект под названием «коммунизм» (включая первую его стадию – социализм) оказался утопичным с одной стороны (по своим целям) и антигуманным – с другой (по своим жестким и в значительной мере преступным средствам), то это не значит, что надо выбрасывать на свалку истории многие ключевые идеи, которые лежали в основании этого проекта. Надо лишь сменить вектор и интенсивность их достижения, так как сами по себе многие из указанных положений отвергать не стоит, да и разве найдутся сегодня сторонники противоположных ценностей, которые будут открыто защищать эксплуатацию, социальную несправедливость, неравенство и несвободу? В вышедшем недавно фундаментальном труде по методологии юриспруденции его автор, Н. Н. Тарасов, совершенно верно отметил: «В европейской истории идеи свободы, равенства, справедливости приобрели такую тотальную привлекательность, что могут расцениваться как ведущие понятия европейского сознания с эпохи Просвещения. Как общепризнанные идеи, как базовые ценности современной цивилизации они неоспоримы»¹⁸.

5. Право как ценность есть социальное благо, полезное для общества и для личности. Рассмотрим кратко основные идеи, которые развивает С. С. Алексеев в своей работе 1971 года, делая акцент не столько на нынешних к ним комментариях, в которых эти идеи особенно и не нуждаются, сколько на отточенных формулировках (в основном в виде цитат из книги), ярких выражениях и оборотах – великолепном стиле, в котором автор выражал свои мысли и которые можно порой исказить, если излагать их «своими словами», поскольку вся глубина рассуждений ученого далеко не всегда может быть постигнута после первых прочтений его текстов и длительных, каждый раз, размышлений по поводу прочитанного.

Во введении автор анализирует, прежде всего, методологические положения, которые должны быть положены в основу ценностной характеристики права, от которых зависит и внутренняя логика изучения предмета, и система изложения материала. За основу берется определение ценности, которое принадлежит известному советскому философу В. П. Тугаринову: «Ценности – суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также – идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» (с. 3).

Далее С. С. Алексеев пишет, что «при ценностной характеристике социально-политических институтов и учреждений, в том числе права, нужно *исходить из особенностей их объективных свойств в данной системе социально-классовых отношений*».

Хотя оценочное отношение представляет собой единство объективного и субъективного, «объективный момент, т. е. свойство предмета оценки, является первичным, определяющим отношение субъекта оценки, человека и характер самой оценки...»¹⁹.

Следовательно, анализ объективных свойств представляет собой лишь предпосылку, ступень к тому, чтобы при характеристике использования этих свойств определить ценность социально-политических явлений в целом.

Наконец, право и иные социально-политические институты и учреждения *имеют не только непосредственную ценность; они, кроме того, опосредованно*

¹⁸ Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции. – М., 2019. – С. 73–74.

¹⁹ Ученый цитирует здесь слова В. П. Тугаринова (см.: Тугаринов В. П. Марксистская философия и проблема ценности // Проблема ценности в философии. – М.: Наука, 1966. – С. 16).

выражают ценность иных, связанных с ними социальных явлений, соответствующих господствующим общественным отношениям» (с. 6–7).

Право имеет непосредственную ценность, поскольку обеспечивает высокую организованность общественной жизни, и ценность опосредованную, поскольку закрепляет и обеспечивает другие социальные ценности. Право, рассмотренное в ценностном аспекте, есть «необходимый, социально полезный инструмент общественного развития» (из названия первой главы книги), есть социальное благо, – точнее, даже «значительное социальное благо» (с. 218), – которое способно принести пользу как обществу, так и личности. Однако эта польза зависит от социально-экономического, политического, социально-классового и духовного контекста общества, с которым право тесно связано, и в то же время в нем всегда выражаются общечеловеческие ценности: право «нераздельно связано с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости, господствующими в данной системе социально-классовых отношений. В праве, демократии и других социально-политических институтах и учреждениях нельзя упускать из поля зрения и те черты, которые являются выражением, хотя и в опосредованном виде, общечеловеческих ценностей, простых норм нравственности, прогрессивных элементов демократической культуры, противостоящей **реакционной, растленной культуре эксплуататорских классов**» (с. 7; выделено нами. – А. С.).

По поводу весьма жесткой характеристики последней (культуры эксплуататорских классов) хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на «привычность», т. е. широкую распространенность таковой в советское время, явную ее привязку, прежде всего, к социалистическому дискурсу, нацеленному на идеологическую борьбу с миром капитала, актуальность подобной оценки не стала сколько-нибудь меньше и сегодня как для современного буржуазного, так и в гораздо большей мере для нынешнего российского общества, где также и, по сути, вполне открыто сформировалась определенная и весьма узкая элита, которую можно назвать эксплуататорской в самом полном, т. е. марксистском, смысле этого слова.

И еще один важный момент, на который хотелось бы обратить внимание современного читателя, – это акцент ученого на общечеловеческом содержании права, демократии и других социально-политических институтах и учреждениях с указанным содержанием. Об общечеловеческих ценностях в переиздаваемой книге говорится неоднократно (в четырех случаях), и притом обсуждалась эта идея задолго до выхода (в 1987 году) знаменитого манифеста М. С. Горбачева – «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»²⁰, – где уже открыто признавался приоритет таковых над классовыми подходами и ценностями. Понятно, что в советское время подобные реформаторские для социалистической идеологии постулаты (о *приоритете* общечеловеческих ценностей над классовыми) могли быть высказаны только первыми лицами партии и государства. С. С. Алексеев, как и некоторые другие выдающиеся советские ученые, мог лишь осторожно готовить почву для таких кардинальных оценок и выводов, но без первой – «подготовки почвы» – не было бы и вторых – новых оценок и выводов, как и последовавших за ними кардинальных перемен в жизни советских людей, перемен, нацеленных на прекращение антигуманного, провального по своим основным итогам коммунистического эксперимента и на переход к построению правового государства, развитию реальной демократии, формированию гуманных начал в жизни общества и уважения к правам человека, созданию свободной от эксплуатации честной рыночной экономики, что, как показывает наша сегодняшняя действительность, не является одновременно ни легким, ни быстрым, ни автоматическим.

²⁰ Горбачев М. С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. – М., 1987. – С. 149–150.

Наконец, неоднократное упоминание в работе о «простых нормах нравственности», о том, что ценностная характеристика права «нераздельно связана с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости», показывает, что «позитивист» С. С. Алексеев всегда говорил о связи права с нравственностью и справедливостью и даже, более того, включил последнее требование (начала справедливости) в дефиницию права, предложенную им в данной работе (с. 45, см. об этом ниже в данной статье), что является признаком непозитивистского понимания права, согласно которому, как считает известный современный философ права Роберта Алекси, «понятию права должно быть дано определение, включающее в себя моральные элементы»²¹.

Далее ученый весьма лаконично и четко определяет структуру книги: «Сначала право освещается преимущественно с точки зрения его значения в качестве социально полезного инструмента общественного развития, его особенностей как непосредственной социальной ценности – средства организации общественных отношений (глава первая), затем рассматриваются объективные свойства права (глава вторая) и, наконец, дается обобщенная характеристика ценности права с учетом тех опосредованных связей, которые характерны для права в различных областях жизни социалистического общества – экономике, политике, культуре (глава третья)» (с. 8).

6. Укрепление социалистической законности, гуманизация советского права – объективная закономерность. Хотелось бы обратить внимание читателя еще на ряд, как нам представляется, очень важных моментов. Так, на протяжении всей книги автор неоднократно анализирует категорию «социалистическая законность», при этом, как уже указывалось выше, прилагательное «социалистическая» означает, прежде всего и главным образом, нацеленность на будущее, т. е. идеальный момент. Характеристику этой категории автором можно сравнить, хотя и с определенными оговорками, с современным описанием в нашей литературе правового государства; в советское время, однако, последний концепт находился под жестким идеологическим запретом, к чему мы еще вернемся позже. В первой главе – «Право как необходимый, социально полезный инструмент общественного развития» – автор комментирует достаточно откровенное и весьма опасное для социалистической законности высказывание В. И. Ленина о диктатуре пролетариата как власти, не связанной никакими законами²², отмечая, что оно означает прежде всего то, что «диктатура пролетариата не связана никакими буржуазными законами» (с. 19). Понятно, что буквально «несвязанность» власти никакими законами должна бы относиться и к советским законам тоже, однако здесь, по мнению автора (и с необходимыми ссылками на «классиков» – как и было принято писать в советское время), подход – принципиально иной, а именно: когда советские законы изданы, они становятся основой деятельности государственных органов и должностных лиц, а потому не могут быть отброшены произвольно. Сославшись на высказывание В. И. Ленина о том, что «если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется»²³, автор делает вывод, что даже в условиях острой классовой борьбы советские «законы не могут быть нарушены, отброшены в сторону; и здесь должна быть соблюдена законная процедура, выражающая правотворческий процесс: нормативные акты, препятствующие развитию революции, необходимо в соответствующем порядке “отменить или исправить”» (с. 20). Это – опять же идеальный подход, так как на деле, в реальной жизни, было иначе, однако не соответствующая доктрине практика счита-

²¹ См.: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) ; пер. с нем. – М., 2011. – С. 4 и далее.

²² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 245.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 504.

лась лишь нежелательным отклонением, временными и преодолимыми, рано или поздно, трудностями; иногда такая практика и прямо квалифицировалась как злоупотребления, которые осуждались самой же коммунистической партией, как, например, это было сделано на XX ее съезде в отношении «культа личности» Сталина, что породило в обществе, в среде «шестидесятников», несбывшиеся ожидания либерализации советского режима. Конечно, партийная самокритика всегда была весьма редкой и крайне мягкой, но, тем не менее, это была критика, которая позволяла людям, замечаящим расхождение слов с делами, верить в то, что социалистическая идея не умерла, но лишь была серьезно искажена сталинизмом.

Таким образом, вслед за авторским комментарием идеи «несвязанности диктатуры пролетариата никаким законом» сделаем вывод, который и имел в виду ученый, давая соответствующие пояснения, что советская власть не связана законом лишь в том смысле, что она может его при необходимости изменить с соблюдением всех необходимых для этого законных правотворческих процедур. Кроме того, право обладает такими объективными свойствами, которые проявляются с максимальной полнотой лишь в условиях мирного строительства, «прочной и твердой власти», «нормальной» жизни общества (с. 21), т. е. когда гремит оружие, когда процветает насилие, то законы и право молчат, что было замечено еще древними римскими юристами. А насильственный приход к власти «передовых представителей» трудящегося класса и затем еще более агрессивный способ удержания ее в руках компартии – центральный пункт марксистско-ленинской доктрины и практики, который никогда не мог быть поставлен под сомнение ее сторонниками (сомневались ведь только «враги народа»), поэтому в периоды вооруженной борьбы за власть законы и право вынужденно умолкают. По этой причине С. С. Алексеев обращал внимание на то, что право может работать только в условиях гражданского мира, к которому и необходимо стремиться²⁴.

Еще один важный момент – о главной закономерности развития права в советском обществе, которая состоит, по мнению ученого, в том, что «в ходе социалистического и коммунистического строительства происходит *повышение его роли и укрепление законности во всех сферах общественной жизни*» (с. 26). Последнее с идеологической стороны объясняется «самой природой и принципами марксизма-ленинизма – подлинно гуманистического учения, последовательно проводящего (как считалось тогда, исходя из провозглашаемых этим учением идеалов, а не из реальной практики социализма. – А. С.) начала высшей социальной справедливости, действительной свободы, реального равенства, товарищества и братства между людьми труда. В соответствии с этим неуклонно возрастает и роль социалистической законности, юридических гарантий прав и свобод трудящихся, строгой дисциплины и ответственности каждого человека за свои поступки» (с. 27). Вот устремления юристов той эпохи: сократить вытекающий из революционной борьбы, гражданской войны внеправовой произвол, применение «жестких» мер и перейти к мирному правовому развитию. Поэтому С. С. Алексеев обращает особое внимание на то, что в «условиях коммунистического строитель-

²⁴ В этом философско-правовом размышлении мыслитель имел в виду не столько сам факт крайнего правового нигилизма в революционное и (или) военное время и последующее возрождение права в условиях мира, сколько идею постепенного подчинения людей Праву, что возможно лишь на более высоких стадиях развития культуры и общества. В последнем случае не будет необходимости говорить даже об идущем еще от Гуго Гроция делении права на право войны (которое и до сих пор далеко не всегда работает в условиях различных военных конфликтов) и мира потому, что во всемирном, подчинившемся Праву, обществе сама война будет исключена напроочь (о чем мечтал и Кант в свое время), ибо любые конфликты действительно уважающих Право людей могут быть разрешены правовыми средствами. В таких мирных условиях право сможет работать на полную мощь и показать все свои объективные возможности как в упорядочении общественных отношений в целом, так и для защиты отдельного человека.

ства происходит постепенное сужение сферы действия “жестких” мер. Под этим углом зрения следует рассматривать сокращение административного принуждения, исключение из области уголовного законодательства, например, ответственности за неосторожное легкое телесное повреждение, за понуждение к аборту, за неуплату налога и неисполнение различных повинностей в мирное время и др. По мере успехов коммунистического строительства, повышения уровня организованности общественных отношений, сознательности и культуры людей следует ожидать в дальнейшем сужения “жестких” мер воздействия (административных мер) и в некоторых других областях» (с. 29).

Таким образом, с одной стороны – сужение «жестких» мер, а с другой – тенденция расширения правового регулирования, которая выражается опять же не в «частичном усилении принудительных мер воздействия, вызванного подчас временными затруднениями, сложной обстановкой. Главное заключается в том, что расширяются такие области и стороны правового регулирования, функционирование которых характеризует возрастание нравственных начал в жизни общества, усиление организованности общественных отношений, порядка и ответственности во взаимоотношениях между людьми» (с. 29). Повышение роли права и укрепление законности в жизни социалистического общества «выражается и в качественной стороне правового регулирования, состоящей в *дальнейшем развитии подлинно социалистического, демократического и нравственного содержания права, его гуманистических принципов*» (с. 31). Другими словами, ценность права – в его гуманизации. Можно сказать, что уже в советское время С. С. Алексеев развивал гуманистическую концепцию права, о которой он стал писать гораздо в больших степени и объеме во второй период своего научного творчества.

Процесс повышения роли права и укрепления законности в жизни социалистического общества выражался, по мнению автора, в четкой и строгой регламентации применения мер государственного принуждения, в ограничении использования административного принуждения, с одной стороны, и в повышении уровня юридических гарантий прав и свобод граждан – с другой. Указанный процесс находил также отражение и в субъективной стороне правового регулирования, в правосознании населения, правовой культуре: повышалось уважение к праву, развивалась правовая культура, крепло «чувство» законности, росли авторитет профессии юриста и значение юридического образования.

Процесс повышения роли права и укрепления законности в жизни советского общества вытекали из самой идеи строительства социализма и коммунизма, поэтому «недоучет требований главной закономерности развития социалистического права как требований и всякой иной объективной закономерности “мстит за себя”, порождает трудности, недостатки в общественной жизни, приводит к неоправданным издержкам и потерям. Весьма симптоматично, что отступления от принципов марксизма-ленинизма, выражавшиеся в культе личности, неизбежно были связаны с недооценкой права, с нарушением ленинских начал социалистической законности» (с. 36–37). В данном случае можно заметить, что процесс повышения роли права и укрепления законности в жизни общества вытекал как из целевых установок коммунистической, марксистско-ленинской идеологии, так и – в данном случае – из реальной практики постепенного смягчения советского режима, который от тоталитарного своего периода переходил постепенно к жесткому и затем менее жесткому авторитаризму. Ученый совершенно верно связывает неоправданные издержки и потери, которые были на этом пути, с недооценкой роли права, с нарушением главной объективной закономерности его развития, которая выражается в росте значения права в жизни социалистического, да и любого другого современного общества.

7. Непозитивистское определение права: справедливое – праведное – правовое. В первой главе монографии С. С. Алексеев дает базирующуюся на ценностном подходе дефиницию права, которое «является устойчивой, стабильной нормативной системой классового регулирования, выраженной в такой системе общеобязательных норм, в соответствии с которой субъекты правоотношений обладают известной самостоятельностью, имеют комплекс субъективных прав, должны действовать в согласии с началами господствующей справедливости» (с. 45). Последний момент – действие субъектов правоотношений в «согласии с началами господствующей справедливости» – выводит авторский подход за пределы позитивизма, поскольку предлагается ориентировать ведущий, на первый взгляд, признак предложенного правопонимания – «систему общеобязательных норм» – на «начала господствующей справедливости», т. е., с одной стороны, на общие принципы и идеи, которые, по определению, не могут быть изложены полностью, т. е. во всех своих конкретных частностях и деталях в системе общеобязательных правовых норм, а следовательно, должны быть найдены *вне позитивного*, исходящего от государства, права. Эти начала, идеи, принципы должны, по-видимому, получить свое разъяснение в процессе официального и неофициального (главным образом, доктринального) толкования и в любом случае в деятельности судебной власти (в основном Верховных судов), что повлекло бы за собой ее закономерное возвышение как относительно самостоятельной ветви государственной власти, хотя известно, что советская политико-правовая идеология не признавала идею разделения властей. С другой стороны, понятие «справедливость» – это квинтэссенция морали и нравственности любого общества. Следовательно, ученый предлагает связывать наличие права с условием отражения в нем господствующих начал справедливости, т. е. морально-нравственных начал общества (систему общеобязательных норм можно называть правом только тогда, когда она отвечает данному условию), ибо эти начала адресованы автором одновременно и системе общеобязательных норм (слова «в соответствии с которой» в определении права), и субъектам правоотношений, которые в соответствии с данной системой норм «должны действовать в согласии» с указанными началами справедливости.

Кроме того, центральный признак предложенного в данной книге определения права – «система общеобязательных норм» – дополнен такими важнейшими содержательными требованиями, как «известная самостоятельность», другими словами автономия, или свобода, субъектов правоотношений и – самое главное – требованием наличия у них «комплекса субъективных прав», а также упомянутой выше справедливости, что позволяет сделать вывод, что указанная «система общеобязательных норм» только тогда будет правовой, когда будет отвечать указанным характеристикам – самостоятельности, наличию субъективных прав у ее участников и соответствовать справедливости. Если же субъекты правоотношений формально действуют в полном соответствии с указанной системой общеобязательных норм, но при этом их действия диссонируют с «началами господствующей справедливости», у субъектов правоотношений нет «известной самостоятельности» и комплекса субъективных прав, то опять же нельзя говорить о том, что данная система норм – при отсутствии хотя бы одного из этих трех содержательных признаков – будет подпадать под определение права, которое дает ученый.

И еще один очень важный момент в дополнение к сказанному выше, но с несколько иной стороны: дефиниция права содержит ряд общих, родовых признаков – устойчивую, стабильную нормативную систему классового регулирования, систему общеобязательных норм. Кроме того, признак «известной самостоятельности субъектов», а тем более указание на начала справедливости без привязки первого и вторых к правовым характеристикам тоже носят общий характер в обоих

случаях. Видовые же спецификации того, почему эти последние могут быть отнесены к правовым, появляются лишь при условии, что в указанной системе норм наличествует комплекс субъективных прав. Право как система общеобязательных норм потому только и является правом (и становится таковым в ходе исторического развития), что в ней имеются субъективные права – эта одна из ключевых, центральных идей учения С. С. Алексеева о праве, которая проходит через все его творчество как раннего, так и позднего периода.

Комплекс субъективных прав как критерий объективного права – это ключевой признак, который наряду с ранее отмеченными выше критериями автономии, т. е. свободы субъекта, и справедливости позволяет вывести данное определение и соответственно правопонимание ученого за пределы позитивистского подхода, поскольку предъявляет ряд требований к самому содержанию системы общеобязательных норм, что не характерно для позитивизма, который на первое и основное место ставит изданные (или санкционированные) компетентным государственным органом в надлежащем порядке нормы, правила поведения, никак не связывая понятие права с внутренними, содержательными характеристиками указанных правовых норм.

Заметим также, что далее в работе анализируются такие объективные свойства права, как нормативность, формальная определенность, принудительность и динамизм. Однако последние три признака автор не считал нужным прямо включить в определение права. В полной мере присутствует в дефиниции лишь признак нормативности, что и вполне понятно, так как ученый считал его ведущим и определяющим свойством права. Можно говорить о том, что в снятом виде в дефиниции присутствует и такое свойство права, как формальная определенность, которая описывается здесь отчасти через сквозные категории устойчивости и стабильности – сквозные потому, что через них же автор описывает и нормативность тоже. Устойчивость и определенность права – это и его стабильность: «общей и главной особенностью права является его устойчивость и определенность, т. е. то, что называется стабильностью. В каждый данный момент право выступает в качестве точно определенной, стабильной нормативной системы общественного регулирования» (с. 128). Признак общеобязательности в снятом виде также выражает ряд свойств права, поскольку в нем отражается государственная воля, которая «представляет собой *общую основу* всех свойств права» и объективирована именно в системе общеобязательных норм, которую можно поэтому связать опять же с нормативностью и формальной определенностью, а также с динамизмом и даже с принудительностью (см. с. 66–67, а также ниже в данной статье), хотя по поводу последней автор говорит, что она характеризует не внутреннюю сущность права, а его связь с государством (см. с. 111). Такой подход к определению понятия права, когда в нем прямо подчеркивается лишь одно, наиболее важное из всех объективных свойств права – нормативность, а остальные свойства указываются лишь «попутно», в снятом виде, позволяет сделать вывод, что автор, с одной стороны, разделяет внешнюю – исключительно важную, но все-таки внешнюю – материю, форму права с присущими ей объективными свойствами и внутреннюю его сущность, которая характеризуется им через известную самостоятельность субъектов правоотношений, комплекс субъективных прав и господствующие начала справедливости. Нормативность же обладает некоторым сквозным качеством – характеризует и правовую форму, правовую материю, и ее сущностные стороны, которые находят, должны найти в нормативности свое отражение и выражение.

С другой стороны, автор, безусловно, четко различает и ракурсы исследования: в рамках догмы права, аналитической и инструментальной теории права он

ориентируется на позитивистское определение права²⁵, а в рамках аксиологического, философско-правового подхода – на непозитивистское, поскольку для философии права, как написал ученый позже в работе «Восхождение к праву», решающее значение имеет ее мировоззренческий стержень, постижение смысла права, его предназначения, выраженных в нем ценностей: «Да и по итоговым своим выводам философия права, нацеленная на постижение смысла и предназначения права, призвана освещать коренные проблемы жизни общества – место права в развитии и судьбе общества, пути его развития, его влияние на будущее, перспективы человечества, место и роль права в этих процессах»²⁶. Позитивистское определение права при такой трактовке мыслителем философии права вряд ли способно было уместиться в ее рамках, ответить на ее вызовы и хоть как-то соответствовать ее целям, задачам и методологии. Этим разграничением на специально-юридический и аксиологический, философско-правовой ракурсы исследования объясняется, по-видимому, и то, что такое свойство права, как динамизм, автор уже не выделяет в качестве основного в вышедшем в следующем году первом томе «Проблем теории права», подготовленном уже в русле специально-юридического подхода: если нормативность, системность (в работе 1971 года это свойство права отдельно не рассматривалось, хотя в дефиниции права категория «система» использовалась дважды), формальная определенность и принудительность выделены как главные свойства права (без упоминания динамизма), то в выводе по фрагменту 4 первой главы курса, где автор еще раз называет указанные свойства права, о динамизме права упоминается очень кратко, в скобках и без добавления категории «свойство»²⁷.

Сразу же после сформулированной дефиниции права автор переходит к рассмотрению и разбору работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса»²⁸, делая акцент на наличии у права специфического (имманентно «правового») содержания, которое, если вспомнить указанную работу классика, заключается в защите правом по самой своей природе публичного интереса (т. е. общих для всех прав и интересов) и прав личности. Анализируя текст К. Маркса, С. С. Алексеев, не упоминая этого прямо, продолжает обосновывать предложенное им ранее определение права и раскрывает одновременно специфическое (имманентное, внутреннее «правовое») его содержание; при этом он обращает особое внимание на субъективные права и начала справедливости, от которых, собственно, и произошло само наименование «право».

Приведя часто цитируемую в советской юридической литературе фразу К. Маркса («Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»²⁹), ученый пишет, что «особенности специфического содержания права отражаются в принятой терминологии. С этимологической стороны наименование права “правом” оправдано именно потому, что правовая форма общественного регулирова-

²⁵ См., напр.: Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. – Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. – Свердловск, 1972. – С. 23 ; Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – Т. 3. Проблемы теории права : курс лекций. – М., 2010. – С. 25 ; Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. – Т. 1. – М., 1981. – С. 104.

²⁶ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – С. 103, см. также с. 387–388.

²⁷ Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. – Т. 1. – С. 20–21 ; Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – Т. 3. Проблемы теории права : курс лекций. – М., 2010. – С. 22–23. В курсе Общей теории права, первый том которого вышел в 1981 году, о динамизме как свойстве права не упоминается, хотя и говорится о динамизме в других смыслах и контекстах. Например, говоря о правовой форме в связи с воздействием ее на экономику, автор указывает, что именно при ее помощи создается «динамичный механизм планомерного целенаправленного общественно-го регулирования». Алексеев С. С. Общая теория права. – Т. 1. – С. 188.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 1. – С. 119–160.

²⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 1. – С. 159.

ния предполагает наличие определенной, гарантированной системы субъективных прав, правомочий. Оно оправдано также потому, что юридические нормы воплощают в себе господствующие моральные принципы, начала справедливости. Отсюда – и близость по смысловому значению слов “правовое”, “правое”, “справедливое”, “праведное”. Происхождение русского слова “право”, несомненно, связано с тем общим смыслом, который объединяет приведенные слова» (с. 47). Можно сделать вывод, что под «специфическим содержанием права» ученый понимает наличие «гарантированной системы субъективных прав, правомочий», а также воплощение юридическими нормами «господствующих моральных принципов, начал справедливости», что и нашло отражение в предложенном им в этой работе непозитивистском определении права.

Таким образом, вне соответствия указанным – специфически правовым – требованиям сама по себе «система общеобязательных норм» может вырождаться в пустую формальность, т. е. перестанет быть правом. И поэтому «право как *самостоятельная ценность* проявляется в связи со своим специфическим содержанием» (с. 46), а это последнее «согласуется с его объективными свойствами. По сути дела эти свойства (в частности, присущая праву нормативность) выражают специфическое содержание права, обеспечивают его действие как классового регулятора, который на началах господствующей морали, справедливости, предполагает наличие известной системы субъективных прав» (с. 47).

8. Ценность права – в обеспечении высокой организованности общественной жизни, в закреплении прав и свобод личности. С. С. Алексеев и в советское время отмечал важную роль прав и свобод личности, которые в начале 90-х годов были закреплены – и с его непосредственным участием в этом процессе – в действующей Конституции России. В 70-х гг. прошлого века автор писал: «Рассмотрение социалистического права как социальной ценности, воплощающей начала гуманизма, справедливости, великие права и свободы личности, является одним из важных моментов, которые демонстрируют превосходство социалистического строя, увеличивают его притягательную силу для трудящихся, для всего прогрессивного человечества» (с. 39). Автор пишет о «рассмотрении» права как ценности, т. е. в данном случае это – не констатация того, что уже достигнуто советским обществом, а лишь вытекающий из официальных лозунгов идеальный характер права, придающий ему вес в глазах «всего прогрессивного человечества», что вполне соответствовало действительности в то время, поскольку коммунистическая идея, на самом деле, имела громадный авторитет во всем мире до момента ее окончательного провала, когда всем стал понятен ее исключительно утопический характер.

Ценность советского социалистического права – в его антиэксплуататорском характере, несовместимом с каким бы то ни было угнетением, в том, что оно представляет собой необходимый социально полезный инструмент общественного развития, который в силу своих свойств способен принести значительную пользу как отдельным людям, так и обществу в целом. Высшая же социальная ценность права в том, что оно служит задачам построения коммунизма (см. с. 41–44), т. е. должно обеспечивать достижение намеченных в Октябре 1917 года целей, которые, как уже отмечалось ранее, на словах были возвышенными и гуманными, но, как оказалось по прошествии трех четвертей прошлого века, – недостижимыми, ибо – утопичными; использованные же Коммунистической партией (РКП(б), ВКП (б), КПСС) антиправовые, антигуманные средства и вовсе направляли движение советского общества в противоположную от провозглашенных идей сторону – в сторону его деградации и разрушения. Как только партийное руководство попыталось перейти от слов к делу, т. е. обеспечить свободные выборы, демократию и права личности, коммунистическая система развалилась.

Это позволяет сделать вывод, что социалистическое право, закрепляющее высокие, пусть и в основном утопические положения, при условии его не фиктивного, а реального применения и действия, позволяющего реализовать хотя бы часть из провозглашенных идей (как минимум, положений о принадлежности власти народу – ст. 2, 9, ряд статей гл. 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» и др. Конституции СССР 1977 г.), к чему и призвала страну в 1985 году ее партийная верхушка под руководством М. С. Горбачева, способно привести к тому, что общество само сможет сделать тот выбор, который ему покажется предпочтительным, – т. е. перейти от авторитарной, зашедшей в тупик системы к системе демократической, ориентированной на общечеловеческие, в том числе политические и правовые, ценности. То, что этот путь оказался тернист, сложен и долг, не должно отменять избранного направления движения, но, напротив, должно повысить авторитет правовых средств и подчеркнуть верность и актуальность оценок ученого, которые он давал праву, называя его «необходимым, социально полезным инструментом общественного развития» (с. 11 и др.).

В последнем фрагменте первой главы с подзаголовком *«Право и организация отношений в советском обществе. Право и личность»* автор продолжает анализировать один из важнейших аспектов социальной ценности права, состоящий в том, что *«оно выражает, закрепляет и обеспечивает организованность отношений в социалистическом обществе»* (с. 49), позволяет удовлетворить потребности общества в упорядоченности и урегулированности отношений и тем самым выступает в качестве «главного объективного показателя, характеризующего социальную ценность права в социалистическом обществе» (с. 51)³⁰. При этом данный аспект ценности права рассматривается наряду с правами личности, подчеркивается та «сторона ценностной характеристики права в социалистическом обществе, которая выражает его значение для закрепления и обеспечения положения *личности*» (с. 60), анализируется определяющее значение права как при обеспечении «прав и свобод для» (для активных собственных и чужих действий), так и при обеспечении «свободы от» (от вмешательства других лиц в сферу жизнедеятельности данной личности), отмечается, что «в социалистическом обществе личность обладает **высшей социальной свободой, источником которой является свобода от эксплуатации и угнетения**. Значение права в этой сфере общественной жизни состоит в том, чтобы юридически закреплять, охранять и развивать те общественные условия, которые с материальной стороны предопределяют высшую социальную свободу и справедливость тружеников социалистического общества, их великие права» (с. 61, выделено нами. – А. С.).

Что касается высшей социальной свободы человека как свободы его от эксплуатации со стороны капитала, то, как уже отмечалось нами выше, это было совершенно неоспоримое преимущество социалистической (и коммунистической) идеи, опровергнуть которую (как идею и как цель) было невозможно раньше, невозможно это сделать и сейчас. Более того, борьба за резкое уменьшение уровня эксплуатации в современных рыночных странах, и прежде всего в России, должна продолжаться и сегодня, но демократическими и правовыми, а не насильственными средствами.

³⁰ В указанном фрагменте ученый ссылается на своего предшественника по данному вопросу – П. М. Рабиновича (см.: Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития Советского государства. Межвузовская научная конференция. – Харьков, 1968. – С. 21). По поводу приоритета в рассмотрении этого вопроса в советской литературе отметим, что в том же 1968 году вышла статья С. С. Алексеева «Социальная ценность социалистического права как регулятора общественных отношений» (Советское государство и право. – 1968. – № 3. – С. 13–21), в которой автор сформулировал многие идеи по данной теме, более подробно и обстоятельно разработанные в монографии 1971 года.

Данный фрагмент первой главы «*Право и организация отношений в советском обществе. Право и личность*» (как и глава в целом) завершается выводом: «...социальная ценность права как надежного инструмента, обеспечивающего высокую организованность отношений социалистического общества, основывается также на том значении, которое имеют правовые формы в закреплении и обеспечении прав и свобод личности (см. гл. III)» (с. 61). К последнему вопросу, как это видно из соответствующего уведомления в скобках (см. гл. III), автор возвращает-ся позже, но уже под несколько иным углом зрения.

В любом случае можно подчеркнуть, что и в советское время, а не только в поздний период творчества мыслителя-правоведа вопросы правовых форм закрепления и обеспечения прав и свобод личности были предметом особой заботы автора – одним из центральных пунктов непозитивистского определения права и выделения его специфического (имманентно «правового») содержания.

9. Ценность права – в его объективных свойствах: право имеет свою историю. Во второй главе книги – «Свойства права и их социальная ценность в регулировании общественных отношений» – автор обосновывает тезис, в соответствие с которым возможности права как существенной социальной ценности заложены именно в его свойствах, имеющих объективный характер, – таких, как нормативность, формальная определенность, принудительность и динамизм (с. 62, 68). Тезис о свойствах права как свойствах объективных мог бы показаться несколько необычным для советского читателя того периода, и поэтому автор предпринимает теоретические меры для того, чтобы согласовать свой тезис с устоявшейся марксистской доктриной о соотношения объективного и субъективного – «базиса и надстройки», в соответствии с которой право относится к надстроечным, т. е. субъективным, вторичным факторам. В связи с этой доктриной у советского читателя мог возникнуть закономерный вопрос: каким же образом субъективный, вторичный по своей природе фактор общественной жизни может обладать объективными свойствами? И поэтому автор поясняет, что «право можно рассматривать и в другой плоскости соотношения объективного и субъективного – отношения права к *индивидуальному сознанию* (а также к науке, морали и другим формам общественного сознания). В этой плоскости само право выступает как специфическая социальная (объективная) реальность» (с. 63). Данная мысль очень важна, так как право, будучи объективной социальной реальностью, является независимой от субъективного фактора, и этот последний – субъективный фактор, субъект, в том числе и главным образом государственная власть, – по указанной причине не может игнорировать в своей деятельности объективные свойства права, что ученый и подчеркивал неоднократно.

Следует заметить, что глубокий анализ права выводил С. С. Алексеева в ряде случаев на такие тезисы и идеи, которые в чем-то расходились с современной ему марксистской доктриной, и поэтому необходимо было их в той или иной мере согласовывать: это касается, например, положений о собственно-правовом развитии (с. 68); об объективности свойств права и об относительной самостоятельности правовых форм (с. 155, 161), о специфическом «правовом развитии», которое не всегда можно «непосредственно вывести из особенностей экономического базиса» (с. 158), которые в определенной мере противоречили постулату о надстроечном, вторичном характере права, а также положению классиков марксизма о том, что право «не имеет своей собственной истории»³¹. Разумеется, С. С. Алексеев был настоящим, искренним марксистом и потому не сомневался в основных постулатах этой теории, однако когда собственно правовой анализ приводил его к иным взглядам, расходящимся с данной доктриной, он их не скрывал, но пытался,

³¹ См.: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 64.

если это было возможно, совместить их с господствующим в тот период в социальной науке учением. Когда же сделать это было невозможно, то он оставлял тезисы без каких-либо комментариев: сопоставим приведенный выше постулат К. Маркса и Ф. Энгельса, высказанный ими в «Немецкой идеологии», о том, что право «не имеет своей собственной истории» с утверждениями ученого о «собственно-правовом развитии». Здесь хорошо заметно не только сущностное, но даже и терминологическое расхождение, ибо какое же может быть собственно-правовое развитие и, следовательно, своя собственная история у объекта, не имеющего таковой согласно утверждениям классиков?! Что касается права как специфической объективной (социальной) реальности («наличной действительности»), то его характеристика в качестве таковой «представляется методологически важной, теоретически необходимой. **И не только потому**, что отрицание объективного характера права неизбежно ведет к его субъективистской трактовке, при которой право сводится к психическим переживаниям и сознанию людей» (с. 65, выделено нами. – А. С.).

Право и государство, согласно советской юридической доктрине, которую разделял и автор, – это наиболее близкие друг к другу части надстройки. Что касается права, то оно – явление в широком смысле государственное, так как исходит от государства, воплощает его волю, в которой заключена воля господствующего класса или всего народа; государственные органы издают или санкционируют юридические нормы. Государственный аппарат гарантирует эти юридические нормы, обеспечивает в случае необходимости их реальное, фактическое проведение в жизнь. «Государственная воля, объективированная в системе общеобязательных норм, представляет собой *общую основу* всех свойств права. Непосредственно эта общая основа выражается в принудительности права. Но она проявляется и во всех иных свойствах – нормативности, формальной определенности, динамизме, придает им такие черты, которые и делают их правовыми. Иными словами, государственная воля может быть охарактеризована в качестве общего и главного структурного элемента права, соединяющего все другие его элементы – свойства» (с. 66–67).

Нормативность права является ведущим и определяющим свойством права; причем важно оно как для проникновения в сущность права, так и для понимания его социальной ценности, что является достаточным основанием для признания «вполне оправданным принятое в нашей науке нормативное понятие права» (с. 87). И сразу же, но с красной строки автор добавляет, ставя в конце предложения восклицательный знак (первый и последний раз в данной работе): «Нормативное, но не узконормативное!» (с. 87). Далее автор разбирает позицию ученых, критикующих нормативную трактовку права и называющих «узким» или «узконормативным» определение, в котором подчеркивается указанное важнейшее его свойство, в чем-то соглашаясь с критиками, а в чем-то, что представляется ему наиболее важным, – нет: так, С. С. Алексеев отмечает, что поиски, нацеленные на преодоление предполагаемой критиками «узости пошли в направлении, которое лишь усложнило решение проблемы. Объединение в одном понятии таких разноплановых, по своим свойствам несоединимых явлений, как система норм и правоотношения, науке и практике ничего дать не может (тем более что для рассмотрения права в действии есть другие научные категории – «социалистическая законность», «механизм правового регулирования»)»³². В то же время рассмотрение юридических норм и правоотношений в «одном ряду» неизбежно ведет к умалению нормативности права, ее значения среди других свойств» (с. 88). Указанное

³² Этот вопрос для ученого представляется достаточно важным. Ранее он уже высказывался по данному поводу (см., напр.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 113–115).

умаление недопустимо, так как нормативность – это ведущее объективное свойство права, которое «выражает (отчасти в скрытом виде) специфические черты его содержания и основные требования социалистической законности» (с. 89). Нормативность права характеризует единую упорядоченность общественных отношений, строгую гарантированность всей социальной системы, ее устойчивость и стабильность, обеспечение нормального, правильного функционирования и развития всего общественного организма.

Следующим существенным свойством права является *«определенность его содержания»*, которая в единстве со своей внешней формой выступает как *формальная определенность*» (с. 89). Само правовое регулирование потому и стало объективно необходимым, что возникла потребность не только сообщить известным правилам всеобщий характер, но и внести в регулирование максимальную определенность по содержанию. «Содержание права является определенным, если должное или возможное поведение субъектов выражено в нем с нужной полнотой и точностью. Полнота содержания означает закрепление в праве всего объема регламентированного поведения, его признаков, тех субъектов, на которых оно распространяется, условий и обстоятельств, при которых оно осуществляется, порядка совершения действий и т. д. Точность содержания – это конкретность и необходимая детализированность регламентации общественных отношений, его четкость и ясность» (с. 89). При помощи *формальной* точности и четкости достигается высокая *определенность содержания* общественного регулирования.

Формальная определенность права, охватывая прежде всего юридические нормы, проникает и в область правоприменительной деятельности, где она проявляется в строгой регламентации порядка применения норм, определения правоприменительной компетенции субъектов, определения самих субъектов и т. д. Охватывает она также и область юридических фактов.

«Социальная ценность формальной определенности права состоит в том, что его надлежащее использование дает возможность в процессе правотворчества с максимальной точностью, ясностью и категоричностью закрепить содержание юридических норм, а в процессе реализации права – выявить это содержание» (с. 94).

Если нормативность права позволяет создать экономичную, единую в стране, непрерывно действующую систему типовых масштабов поведения, то посредством формальной определенности оказывается возможным сделать определенной эту систему и по содержанию. Формальная определенность права выступает в качестве носителя содержания и отсюда необходимого дополнения к его нормативности, обеспечивающего содержательность нормативно-правового регулирования в соответствии с объективными потребностями классового общества, точные границы прав и обязанностей субъектов, рамки, в которых может и должна осуществляться их деятельность. Нормативность и формальная определенность как присущие праву свойства тесно связаны, дополняют друг друга, направлены на устойчивость и определенность организации общественных отношений (см. с. 94–95). «Для советского права, – пишет автор, – характерна тенденция к достижению высокого уровня формальной определенности. Проявление этой тенденции связано с развитием правовой культуры, разработкой вопросов юридической техники, а также осуществлением ряда организационных мероприятий, обеспечивающих реальное претворение в нормативных актах рекомендаций юридической науки... Вместе с тем советскому праву органически чужды формализм, слепое преклонение перед буквой закона... Социалистическая законность предполагает уважение к “формальному” не ради самой формы, а ради заключенного в ней содержания. Это значит, что в любом случае применение норм социалистического права должно быть не только формально правильным, но и законным, обоснованным, справедливым» (с. 98–99).

Далее рассматриваются объективные пределы, которые ограничивают действие формальной определенности: пределы формально-определенного связаны, прежде всего, с необходимостью предусмотреть в праве возможности для индивидуального регулирования, для известного «усмотрения» правоприменительных органов. В то же время основания, направления и пределы самого усмотрения должны быть точно и полно определены в нормативных актах настолько, насколько это возможно, и прежде всего здесь требуется точное и исчерпывающее определение компетенции органов, которые осуществляют индивидуальное регулирование. Правовое регулирование и в данном случае опирается на общие («охватывающие») нормы, включая нормы, содержащиеся в общих частях кодексов или иных систематизированных нормативных правовых актов, т. е. принципы права, дефинитивные нормы и т. д. Законодатель предусматривает некоторые общие критерии, исходные оценочные категории, которые должны определить основные направления регулирования. По мере развития социалистического права происходит известное сужение пределов усмотрения правоприменительных органов, замена оценочных категорий исчерпывающим регулированием в нормативных актах, однако «полное устранение оценочных категорий невозможно» (с. 101).

Необходимость строгой формальной определенности нередко сдерживает тенденцию к повышению уровня нормативных обобщений, а в некоторых случаях (например, при использовании замкнутых исчерпывающих перечней) избежать ее невозможно. Достижению необходимой определенности содержания правового регулирования содействуют *правовые конструкции*: «они выражают внутреннее построение нормативного материала, “образцы”, “ типовые схемы”, в которые облекаются юридические нормы (таковы разнообразные конструкции составов преступлений, виды и типы договорных обязательств, конструкции “присутствующих и отсутствующих” субъектов и т. п.)».

Следовательно, правовые конструкции представляют собой своеобразные типовые обобщающие “структуры”. Их использование не только позволяет облегчить формулирование юридических норм, придает всему нормативному материалу логическую стройность и завершенность, но и – что самое главное – способствует определенности и четкости правового регулирования.

Таким образом, – делает вывод автор, – повышение уровня нормативных обобщений сопряжено с развитием специфических, свойственных именно праву обобщений и “структур”, которые вполне согласуются с необходимостью его надлежащей формальной определенности» (с. 105).

Говоря о принуждении в праве, автор критикует коренной недостаток господствующей в конце 30-х годов трактовки права, когда оно понималось как непосредственно принудительная сила, как система правил, осуществляемых в принудительном порядке, и отмечает, что «присущее ему свойство принудительности выражает лишь *возможность* применения государственно-принудительных мер в тех случаях, когда лица не исполняют возложенных на них юридических обязанностей, когда возникают препятствия в осуществлении субъективных юридических прав. Иначе говоря, в праве принуждение как бы находится на втором плане, существует до известного времени в “скрытом виде”» (с. 108). Что касается самого по себе государственного принуждения, то оно «не является правовым свойством и, следовательно, элементом, который характеризует социальную ценность социалистического права» (с. 110), оно «характеризует значение политического, государственного регулирования в целом, связь права с государством, а не права как такового» (с. 111).

Государственное принуждение должно быть правовым, поскольку право, по автору, является «оградительным механизмом» (с. 119), способным обеспечить применение государственно-принудительных мер в тех пределах, которые вызва-

ны объективными потребностями социалистического общества. Правовое принуждение основано на уважении прав граждан, а также на соблюдении строгих процессуальных механизмов, процессуальной, и в особенности судебной, формы, ибо судебный процесс является высшей, главной формой, обеспечивающей проведение правового принуждения. Правовое принуждение – «одна из важных гарантий, предупреждающих возможность произвола в деятельности органов, которые осуществляют властно-принудительные функции» (с. 119), оно «убеждает не только устрашением, но и целесообразностью и гуманностью, справедливостью и уважением к правам личности» (с. 121).

Социальная ценность принуждения в праве имеет опосредованный характер, полагает автор и пишет: «Вот почему нельзя признать правильным положение, по которому “вся ценность права состоит в возможности его принудительного осуществления”» (с. 111). В социалистическом обществе «использование государственно-властного принуждения для стимулирования поведения людей носит ограниченный характер. Правда, в прошлом нарушение ленинских принципов государственного и правового строительства было сопряжено с известной переоценкой роли принуждения в деятельности социалистического государства, верой в то, что при помощи принуждения, власти можно сделать все» (с. 115–116).

Наконец, динамизм является еще одним важным свойством права – «свойством в смысле его способности оперативно реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни» (с. 126). Данное свойство права не является изолированным и абсолютным, оно должно рассматриваться в органическом единстве с другими его свойствами, и поэтому в ряде случаев общество может получить некий социальный выигрыш от эффективного использования устойчивости и определенности нормативно-правовой формы, даже пойдя на известные потери, связанные с возможностью некоторого отставания правовой формы от быстро развивающихся общественных отношений. Другими словами, «право не должно немедленно регистрировать и отражать любое изменение в общественных отношениях» (с. 128), поскольку «общей и главной особенностью права является его устойчивость и определенность, т. е. то, что называется стабильностью. В каждый данный момент право выступает в качестве точно определенной, стабильной нормативной системы общественного регулирования» (с. 128). То, что право не должно немедленно реагировать (регистрировать) и отражать любые изменения в жизни общества, было бы очень полезно взять на заметку нашему современному российскому законодателю, который при любом же информационном – даже самом мельчайшем – поводе пытается ввести соответствующие изменения в действующее законодательство, в итоге внося в него хаос, неразбериху и неустрашимые противоречия.

Социальная ценность права в том, что «оно способно оперативно учитывать потребности общественного развития, *сохраняя все время значение устойчивой, стабильной нормативно-правовой системы общественного регулирования*. В этом органическом сочетании высшей нормативности и формальной определенности, с одной стороны, динамичности, способности реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни – с другой, и заключается одно из важных достоинств права. При таком органическом сочетании “двух противоположностей” в известной степени снимаются, погашаются отрицательные последствия, которые указанные свойства (если брать их изолированно) могут вызвать к практической жизни» (с. 129).

Далее автор анализирует способы, обеспечивающие динамизм права: четкую правотворческую процедуру; систему нормативных правовых актов, в частности возможность оперативного издания подзаконных нормативных актов по вопросам, не нуждающимся в законодательных решениях; высокую нормативность права, охватывающую в общей формуле максимально широкий круг отношений

данного вида и позволяющую предусмотреть в известных пределах возможность развития этих отношений; индивидуальное властное регулирование (усмотрение); использование оценочных понятий; применение права по аналогии и др. Особое внимание ученый уделяет тесно связанному с динамизмом права вопросу о роли судебной (юридической) практики в ходе правового регулирования. Рассматривается процесс конкретизации правовых норм, дается анализ правоположений судебной практики, анализируется их правовая природа.

Автор указывает, что «в результате повышения уровня нормативных обобщений в процессе применения общих норм возникает необходимость конкретизировать их содержание с учетом своеобразия данных фактических обстоятельств. В ходе практики постепенно вырабатываются определенные модели, образцы, типовые решения известной категории дел» (с. 137–138).

Правоположения – это лишь те «прообразы» конкретизирующих норм, которые в качестве результатов казуального толкования в скрытом виде или в виде прямых разъяснений содержатся в решениях по конкретным делам, представляющих собой не только результат формально-логической операции, но и творческий акт юрисдикции. В таком решении «нередко как бы “спрятан” образец (модель) приложения общих норм к данным фактическим отношениям... Существование этих правоположений реально выражается в факте их воздействия на решение юридических дел, а с внешней стороны – в возможности самостоятельного их словесного формулирования, что и наблюдается в актах по конкретным делам второй и надзорной инстанций, а также в заголовках решений по таким делам в сборниках судебной практики. Стало быть, существование правоположений, характеризующих творческую сторону применения права, и определяет социальную, научную и непосредственно юридическую ценность судебной и иной юридической практики» (с. 139).

Автор отмечает, что вопрос о природе правоположений нуждается в дальнейшем изучении, и высказывает предположение, что они «являются “сгустками” правосознания на грани перерастания их в юридические нормы, а потому можно квалифицировать их в качестве “прообразов” юридических норм» (с. 139). Получается, что последние хотя и очень похожи на правовые нормы (как их «прообразы»), но ими, в конечном счете, не являются. Такая характеристика данного правового явления вполне понятна и приемлема для континентальной правовой системы, где – особенно в советское время – не могло быть и речи о судебном прецеденте. В другой правовой системе правоположения судебной и иной правоприменительной практики вполне могли бы быть названы правовыми нормами в форме судебного или административного прецедента.

По отношению к правоположениям, содержащимся в нормативных постановлениях центральных юрисдикционных органов, в частности в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, автор высказывается иначе: «Здесь то, что при обобщенной характеристике называется “правоположениями”, на самом деле является конкретизирующими юридическими предписаниями (юридическими нормами), имеющими подзаконный характер. Тут указанная выше грань уже пройдена. Конечно, нельзя ставить конкретизирующие нормы, содержащиеся в нормативных актах Пленума Верховного Суда, на одну плоскость с нормами закона. Они лишь обобщают судебную практику, являются следующим шагом в сложном процессе становления общих норм, выполняя в каждый данный момент функцию по объединению и направлению конкретизирующей деятельности судов. Эти нормы на основании закона складываются в практике и для практики. Но, как бы то ни было, они представляют собой именно нормы, юридические предписания» (с. 139–140).

Данное разъяснение автора весьма актуально и сегодня (как и подавляющее большинство других положений рассматриваемой книги), так как, с одной стороны, надо определить правовую природу правоположений (т. е. отсутствующих в нормативных правовых актах, других источниках права новых правовых предписаний конкретизирующего характера), которые формулируются сегодня (как и в прошлом) именно в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и (ранее) в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда (ВАС) РФ, а с другой – отграничить их от правоположений, которые формулируются иногда в решениях указанных (ВАС РФ до его упразднения) высших судебных инстанций по конкретным делам. Первые являются, как и писал об этом С. С. Алексеев, конкретизирующими юридическими предписаниями (юридическими нормами), либо имеющими подзаконный характер (в советское время), либо обладающими сегодня в ряде случаев юридической силой федерального закона, т. е. в любом случае являющимися нормативными правовыми актами, исходящими от высшей судебной инстанции в форме постановления ее пленума. Вторые же – правоположения, сформулированные в решениях по конкретным делам в результате казуального толкования, – являются конкретизирующими юридическими предписаниями (юридическими нормами) в форме – можем сказать это сегодня – судебного прецедента, о чем С. С. Алексеев не мог писать в то время потому, что в советской правовой системе данное явление отсутствовало, поскольку в ней не признавался такой источник права, как судебный прецедент³³, ибо роль судебных органов была принижена, в том числе это касалось Верховных судов Союза ССР и союзных республик, которые помимо главной для этих органов правоприменительной функции вполне могли бы в процессе нормативного или казуального толкования права выполнять также и правотворческие функции. Однако это противоречило советской государственно-правовой идеологии, исходящей из отрицания идеи разделения властей и отводящей функцию законодательства исключительно Верховному Совету Союза ССР или союзной республики (исходя из известного советского лозунга «Вся власть – Советам!», хотя реально, как известно, власть принадлежала верхушке компартии). Поэтому ученый и писал, что правоположения, складывающиеся в ходе применения права, являются лишь «прообразами» права, «сгустками» правосознания *на грани* перерастания их в юридические нормы; лишь в постановлениях Пленума Верховного Суда могут появляться конкретизирующие юридические предписания (юридические нормы), хотя ни первые, ни вторые не могут выходить за пределы общих норм. Если же они начинают затрагивать содержание последних, или возникает необходимость принять новое решение в действующем правовом регулировании, или конкретизирующая норма вырастает в самостоятельное общее правило, то «каждый из указанных случаев является объективным показателем того, что **динамизм права может быть обеспечен лишь преобразованиями в общих юридических нормах, осуществляемыми компетентными правотворческими органами**» (с. 141, выделено нами. – А. С.).

Совсем иная ситуация складывается в современной российской правовой системе, где появился новый источник права – судебный прецедент, – который мы находим в решениях Конституционного Суда России (КС РФ) и в постановлениях

³³ Говоря об источниках права, ученый писал ранее: «Кроме нормативных юридических актов источниками права (в указанном выше специально юридическом значении) являются также санкционированные обычаи и судебные прецеденты, а также некоторые другие формы выражения и закрепления юридических норм.

Однако в социалистическом обществе судебный прецедент не является источником права, а санкционированный обычай играет крайне незначительную роль» (Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1966. – С. 120–121) (цитируемый здесь текст у автора также дан в сноске).

Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Нет никаких препятствий для того, чтобы и Верховный Суд РФ в соответствующих ситуациях (пробел или противоречие, отсутствие требуемой ясности в законодательстве и т. д.), принимая решение по конкретному делу, формулировал бы при необходимости новые правовые предписания (юридические нормы), которые теперь нет нужды называть правовоположениями; указанные нормы будут выступать теперь в форме судебных прецедентов, являясь по содержанию, как и раньше, когда создавались новые правовые предписания, конкретизирующими нормами права различного уровня обобщения. Официальное признание в соответствующем федеральном законе судебного прецедента в качестве нового источника российского права, – тем более что фактически он уже появился, – будет соответствовать реальному возрождению судебной власти в России, ее достойному и самостоятельному месту в системе разделения властей.

Следует подчеркнуть, что новые правовые предписания – юридические нормы, сформулированные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (как и ранее ВАС РФ), не могут называться судебными прецедентами, так как они не приняты пленумом при разрешении какого-то конкретного дела, а представляют собой результат официального нормативного толкования права (результат нормативного разъяснения по вопросам судебной практики) в форме судебного нормативного правового акта – фактически это самостоятельный источник права или, точнее, особая разновидность нормативных правовых актов. В случаях же, когда Верховный Суд РФ в постановлениях своего пленума не создает нового правового предписания, также нет необходимости говорить о правовоположениях – речь идет об обычных разъяснениях по вопросам судебной практики. О правовоположениях теперь можно говорить лишь в том случае, когда судебные инстанции, принимая решение по конкретному делу, т. е. в процессе типичного правоприменения (на основе уже действующей правовой нормы, т. е. не создавая нового правового предписания), формулируют в своей деятельности устойчивые модели, образцы, типовые решения известной категории дел.

Таким образом, когда в решениях вышестоящей судебной инстанции создается новая правовая норма, мы можем говорить либо о судебном прецеденте (норма сформулирована в каком-нибудь конкретном деле как результат казуального толкования права), либо о судебном нормативном правовом акте в форме постановления пленума как особой разновидности нормативного правового акта. Официальное признание такой возможности будет адекватным ответом на свойственный праву динамизм, о котором С. С. Алексеев писал еще в начале 70-х годов, поскольку динамизм вообще (т. е. рассматриваемый абстрактно) и динамизм права в частности являются, по его справедливому мнению, «общей чертой развитых систем общественного регулирования...» (с. 128).

10. Самостоятельная ценность субъективного права. Субъективное право вне правоотношения – «социальный ноль». Вторая глава завершается небольшим, но весьма важным, состоящим из двух пунктов, фрагментом, который имеет подзаголовок *«Свойства права и механизм правового регулирования. Субъективное право»*. О механизме правового регулирования С. С. Алексеев написал отдельную монографию³⁴, которая составила целую эпоху в развитии советской

³⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – 187 с. В 2018 году книга переиздана Музеем С. С. Алексеева: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – Екатеринбург : Изд. дом «Автограф», 2018. – 192 с. – (Серия «Предназначение и могущество права»). В данной работе также отмечалось, что субъективное право занимает в механизме правового регулирования особое, вполне самостоятельное место. Анализ этого последнего был выполнен в рамках специально-юридического подхода: автор рассмотрел специфические функции субъективного права в правоотношениях активного и пассивного типа, сделав общий вывод о том, что «значение субъективного права в ме-

юридической науки и по-прежнему остается в фундаменте современной российской юриспруденции³⁵. В данной же работе, исходя из ее предмета и цели, ученый уделил особое внимание одному из наиболее ценных, с его точки зрения, компонентов данного механизма – субъективному праву.

Общий тезис ученого состоит в том, что «свойства права в полной мере проявляются и осуществляются в системе *всего механизма* правового регулирования» (с. 142). Однако отдельные элементы указанного механизма «имеют свои, специфические свойства и, следовательно, обладают **самостоятельной ценностью** в организации социалистических общественных отношений» (с. 145, выделено нами. – А. С.). Речь идет, прежде всего, о субъективном праве, которое «немыслимо вне правовых связей (правоотношений). Однако *по своему содержанию* оно нередко выходит за пределы того, что находится *внутри* правоотношения» (с. 148). Как имеющие известное самостоятельное значение в механизме правового регулирования, автор рассмотрел также и юридические обязанности, которые «способны обеспечить выполнение лицом своего долга, утвердить общие моральные запреты, гарантировать строгую общественную дисциплину» (с. 150); указал на то, что ряд обязанностей, в частности общих конституционных, а также выражающих общие запреты, имеет известное самостоятельное значение, и в связи с этим согласился с мнением С. Ф. Кечекьяна о том, что многие обязанности существуют не только «ради субъективного права» (с. 150).

В данном, заключительном фрагменте второй главы автор уделил также внимание дискуссии по вопросу о возможности существования субъективного права вне правоотношений, и ответ его по этому поводу предельно категоричен: «Субъективное право вне правоотношения – “социальный ноль”. Его общественная и юридическая природа в этом случае не могут быть поняты. В реальной жизни нет субъективного права (как *юридического* явления), если оно не “право” по *отношению* к кому-либо и в то же время так или иначе не связано с юридическими обязанностями» (с. 145). Кажется, что добавить и тем более возразить здесь уже нечего: действительно, о каком субъективном праве можно говорить, если нет лица, обязанного удовлетворить законный интерес, законные притязания управомоченного субъекта? Провозглашенное право без корреспондирующей ему обязанности превращается в фикцию. Вот почему С. С. Алексеев так убежденно отстаивает свою позицию в противовес ученым, которые полагают возможным существование субъективного права вне правоотношения и потому не обеспеченного, что вполне логично вытекает из их взглядов, обязанностью «ответственного» за реализацию этого права лица – лица, которое должно совершить активные либо пассивные (не препятствовать, не мешать) действия по отношению к управомоченному для реализации им своего субъективного права.

На чем была основана позиция критиков С. С. Алексеева и его сторонников? На очень ограниченном, весьма узком (даже для цивилистики, а не только для всего права в целом) понимании категории правоотношения как только двусторонне индивидуализированной, конкретной общественной правовой связи между лицами. Оппоненты приводили пример проживающего в Москве покупателя авторучки, который после ее приобретения как будто бы, с точки зрения критикуемой ими концепции, вступал в бесчисленное множество правоотношений с каж-

ханизме правового регулирования состоит в том, что оно закрепляет свободу и самостоятельность лиц, в интересах которых устанавливается правоотношение» (с. 139 по изданию 1966 года).

³⁵ См.: Теоретическая юриспруденция: традиции, современность перспективы. Алексеевские чтения. Вып. 1 / отв. ред. В. Д. Перевалов. – Екатеринбург, 2014. – С. 7; Семитко А. П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева и структура теории права: сравнительный анализ // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность перспективы. Алексеевские чтения. Вып. 1. – Екатеринбург, 2014. – С. 9–20.

дым гражданином СССР. Ученый отвечал по этому поводу, что «правоотношения собственности представляют собой особые, общие правоотношения, выраженные в определенном *состоянии* субъекта по отношению ко всем другим лицам», понимая, что «многие разногласия по вопросу о субъективном праве будут сняты, если признать, что правоотношения выступают не только в виде полностью индивидуализированных связей, но и в виде состояний, выражающих положение данного лица по отношению к другим лицам, обществу, государству» (с. 146, текст в сноске). В итоге данной дискуссии советская юридическая наука, как отмечал С. С. Алексеев, подчеркивая позитивные моменты во взглядах своих оппонентов, продвинулась вперед в ряде вопросов, в частности были глубоко проанализированы различные виды правоотношений: общие, конкретные, абсолютные, относительные, с различной степенью индивидуализации входящих в него лиц и т. д.³⁶

И все же основное внимание в данном фрагменте автор уделил анализу собственно субъективного права, его ценности: «Самостоятельная ценность субъективного права основана на его определяющем свойстве, выраженном в том, что оно представляет собой *юридические возможности*, точнее, меру возможного и дозволенного поведения *самого управомоченного*. Поэтому свойства субъективного права позволяют в процессе правового регулирования обеспечивать не просто порядок и организованность общественных отношений, а такой порядок и организованность, которые связаны с развитием *самостоятельности, инициативы и свободы* в их конкретно-классовом содержании, обусловленном системой социально-классовых отношений».

... Широкое использование достоинств правовой формы общественного регулирования в рассматриваемом отношении важно и с точки зрения перспективы строительства коммунизма, дальнейшего развития прав и свобод трудящихся, дальнейшего утверждения величайших моральных и человеческих ценностей, рожденных социализмом» (с. 149–150).

И вот общий вывод по второй главе: «Объективные свойства права предопределяют его реальную ценность. Они обуславливают возможности права в организации общественной жизни, его роль в обеспечении нормального функционирования и развития общественного организма в рамках данных социально-классовых отношений» (с. 150).

11. Использование государством свойств права, не согласуемых с имманентно присущим ему содержанием, есть «законодательный произвол». Третья глава работы – «Основные черты социальной ценности права в советском обществе» – открывается фрагментом «*Содержание права и его социальная ценность*» и начинается с обсуждения вопроса об объективном, специфическом (в частности, через призму присущих ему правовых принципов) содержании права, которое, несмотря на то что для своего существования и развития как специфического регулятора нуждается в факторах экономического, политического и этического характера, с одной стороны, однако, с другой стороны, будучи «возведенной в закон» (автор сравнивает это «возведение» с определенным возвышением права, поскольку оно получает важнейшую форму своего существования, которая сама по себе имеет большое значение), как бы диктует определенные действия государству, связывает, ограничивает его определенными, вытекающими из собственно-правового содержания рамками. При этом подчеркивается, что государство, тем не менее, может использовать «отдельные свойства права в целях, не согласуемых с особенностями его содержания» (с. 152). В таком случае право работает как бы не в «полную силу», обеспечивая минимальные потребности эко-

³⁶ См. также обсуждение данного вопроса под иным углом зрения в рамках анализа правоотношений вообще и общерегулятивных правоотношений в частности (см.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 139–152).

номического развития и поддержания общего порядка. «В остальном же, – пишет ученый, – использование государством свойств права, не согласуемых с особенностями имманентно присущего ему содержания, представляет собой, по словам К. Маркса, “законодательный произвол”³⁷. Именно тогда право лишается “всякой ценности”, превращается в “одну только пустую маску”³⁸» (с. 152).

Какие факторы определяют специфическое содержание права, какова его исходная основа в советском обществе? Последняя – исходная основа социалистического права – в его антиэксплуататорской природе, о чем уже говорилось выше в данной статье, а что касается факторов, определяющих специфическое содержание права, то они носят экономический, политический и этический характер. Говоря об экономических факторах, С. С. Алексеев опирается на «Капитал» К. Маркса, где классик рассматривал право как «общественное отношение, которое с неизбежностью обусловлено положением товаропроизводителей – их известной автономией, самостоятельностью, внешней независимостью. Характерной чертой положения товаропроизводителей является их внешняя независимость друг от друга и более того – выступление их в качестве “свободных личностей”³⁹» (с. 153). Главное здесь состоит в том, что товарное производство и обращение возможно лишь при условии наличия *свободных личностей*, обладающих автономными правами, известной самостоятельностью и независимостью. Исходя из этого «формируются свойства права – его высокая нормативность, формальная определенность, а также своеобразие самого содержания регулирования, связанного с той или иной степенью самостоятельности, независимости и свободы личностей» (с. 154).

С политической точки зрения право в первую очередь связано с необходимостью придать государственной воле общеобязательное значение. Однако сама по себе деятельность государства не может рассматриваться в качестве специфического фактора, который предопределяет необходимость права, его особое правовое содержание, поскольку «во многих случаях государство (хотя и с существенными потерями) может обходиться без права... Значение специфического фактора, предопределяющего существование и развитие права, его особое правовое содержание, принадлежит началам *демократии*, утверждению субъективных политических прав и свобод» (с. 155). С. С. Алексеев подчеркивает, что «развитие демократических институтов в политически организованном обществе невозможно без права. Именно в праве демократические институты находят адекватные способы выражения и закрепления. В то же время они служат толчком к дальнейшему развитию юридических форм, специфических правовых принципов, в частности таких, как принцип ответственности за вину, презумпция невиновности, недопустимость обратного действия более “жесткого” закона и др. В политически организованном обществе возведение воли господствующего класса в закон состоит, помимо прочего, в том, чтобы выразить эту волю через призму правовых принципов, складывающихся под влиянием развития классово-определенных демократических институтов» (с. 155, см. также с. 152, 220).

Последнее утверждение позволяет сделать вывод, что под «возведением в закон»⁴⁰ автор понимал не одно только простое, формальное действие правотворческого органа государства, которое выражается лишь в придании нормативным предписаниям внешней юридической оболочки в форме закона, а принятие им

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1. – С. 163.

³⁸ Там же. С. 159.

³⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 23. – С. 407.

⁴⁰ Следует заметить, что автор придавал большое значение понятию «возведение в закон», неоднократно возвращаясь к его анализу, раскрывая в разных местах своей работы различные грани и нюансы его содержания.

такого закона, который еще и по своему глубинному содержанию ориентировался бы на признание *свободных личностей*, обладающих автономными правами, известной самостоятельностью и независимостью, а также отвечал бы внутренним, сущностным, специфическим правовым требованиям, находящим свое выражение в важнейших принципах права. В противном случае – в случае исполнения законодателем лишь пустой формальности – происходит нарушение имманентно присущего праву содержания, имеет место «законодательный произвол», когда право лишается «всякой ценности» и превращается в «одну только пустую маску», о чем С. С. Алексеев предварительно упомянул в начале третьей главы.

12. Государство законности и правовое государство. В современной правовой доктрине идея государства законности раскрывается в категориях «правовой закон», «правление права», «правовое государство», в советское же время данную мысль автор выражал при помощи иного категориального аппарата, соответствующего социалистической идеологии: по сути своей, это был максимум того, что можно было сказать в то время по указанному поводу, используя признаваемый советским режимом правовой дискурс. Речь не идет, конечно, о каком-то эзоповом языке, в котором автор якобы хотел выразить идею правового закона, или о том, что автор якобы скрывал свою приверженность идее правового государства; речь идет совсем о другом – о том, что глубинное проникновение в суть правовой материи, ее адекватное понимание и интерпретация приводили ученого к тем же по существу (а не по внешнему терминологическому выражению) идеям, которые в западных странах описывались при помощи категорий «правовой закон», «правление права» и т. д. В то же самое время автор прямо критиковал концепцию «правового государства» и теории, обосновывающие «господство права», называя их лживыми (с. 180–181). Правовому государству он противопоставлял государство законности, подчеркивая, что «это – не просто смена терминов, а принципиально новый подход» (с. 194), поскольку «значение права как надежного средства целесообразной и эффективной организации государственной власти в социалистическом обществе дает основание для выдвижения и теоретического обоснования *концепции государства законности*, которую надлежит противопоставить буржуазной теории “правового государства”» (с. 192–193). При этом автор делает акцент на достаточно близких, сходных с теми параметрами, которые выделяются и в рамках концепции правового государства, – например, на параметрах связанности всех государственных органов действующими нормами права, что вполне возможно, так как право, хотя и связано с государством, но не зависит от него полностью (как писали нередко в советской литературе того времени), ибо «занимает в системе надстройки относительно самостоятельное место и выполняет в жизни общества относительно самостоятельные функции» (с. 188–189); на необходимости максимально широкого, полного и детализированного урегулирования в Конституции, законах и основанных на них подзаконных актах структуры государственных органов, их компетенции, взаимоотношений друг с другом и с гражданами, территориальной организации общества и т. д.; на требовании подзаконности (поднормативности) осуществляемого органами управления и судом индивидуального регулирования (усмотрения), при котором не должен допускаться произвол и управление «по одному усмотрению», но, напротив, должны быть предусмотрены надлежащие гарантии, предупреждающие возможность злоупотребления властью, использования ее «по личному произволу» (с. 180); наконец, на необходимости того, чтобы «граждане и иные субъекты обладали определенным комплексом юридических гарантий, обеспечивающих неприкосновенность личности, эффективную защиту против незаконных действий должностных лиц, возможных случаев произвола и беззакония», и т. д. (с. 196). Автор уточняет при этом, что необходимо соблюдать «требование **последовательного социали-**

стического правового регулирования отношений в области организации и деятельности государственных органов, обеспечивающего эффективное функционирование политической организации социалистического общества, ее подлинный демократизм и **антиэксплуататорский характер**, руководящую роль Коммунистической партии в политической организации» (с. 196, выделено нами. – А. С.). Под **социалистическим** правовым регулированием, как уже упоминалось в данной статье, понимаются высшие идеалы социальной справедливости и гуманизма, подлинной свободы, равенства, братства и счастья для всех трудящихся (с. 195).

В данном контексте могут быть поняты и иные тезисы автора, например о том, что «высшие органы государственной власти вправе издавать *любые* юридические акты. Никакой ранее изданный закон не связывает органы государственной власти в том смысле, что любой закон, включая конституционный, в установленном порядке может быть отменен или исправлен» (с. 189). Данное высказывание, хотя и напоминает внешне фразу Г. Кельзена о том, что «всякое произвольное содержание может быть правом»⁴¹, но по существу своему полностью и категорически ей противоположно, так как, согласно учению С. С. Алексеева, словосочетание «любые юридические акты» не включает в себя акты, выражающие произвол государственных органов, против которого автор неоднократно выступал в данной работе (и в других, разумеется, тоже), или акты, противоречащие высшим социальным идеалам, что для автора, как и для советского читателя, было совершенно очевидно, а потому не требовало каких-либо уточнений и пояснений. И, тем не менее, в другой своей работе, написанной пятью годами ранее, говоря про «любые» действия, ученый все же сделал подобного рода разъяснение: «В принципе в социалистическом обществе люди и их коллективы совершают любые действия, поскольку они не запрещены нормами права (и не противоречат принципам коммунистической нравственности, неюридическим нормам общественных организаций, социалистическим обычаям)»⁴². Кроме того, данный тезис о возможности высших органов государственной власти в установленном порядке отменить или изменить любой закон соответствовал идее всевластия Советов народных депутатов, которая была присуща советской социалистической идеологии.

На первый взгляд может показаться, что в учении С. С. Алексеева по поводу внутреннего содержания права, государства законности и в одновременной критике им концепции буржуазного правового государства имеется какое-то глубокое, парадоксальное противоречие: как можно, с одной стороны, настаивать на том, что при возведении норм права в закон они должны соответствовать внутреннему, специфическому содержанию права, т. е. обосновывать требование соответствия закона общечеловеческим, прогрессивным принципам права, его глубинным, сущностным свойствами, говорить о необходимости признания правом свободных личностей, о связанности государства правом, т. е. о государстве законности, а с другой – критиковать буржуазные концепции «правления закона» и «правового государства», которые утверждают весьма близкие, сходные тезисы? На самом деле, никакого противоречия здесь нет, да и сам автор подчеркивал, как уже отмечалось выше, что «это – не просто смена терминов, а принципиально новый подход» (с. 194): одни и те же правовые идеи в одном случае находятся в контексте буржуазного эксплуататорского общества и потому оцениваются как лживые, фальшивые и убогие (с. 193–195), а в другом – в рамках социальной системы, выступающей против эксплуатации и «воплощающей высшие принципы

⁴¹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. – Вып. 2. – М. : ИНИОН РАН, 1988. – С. 74.

⁴² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 67.

социальной справедливости, гуманизма, подлинной свободы, равенства, братства и счастья для всех трудящихся» (с. 195). Поэтому принимаемые в социалистическом обществе законы должны отвечать внутреннему специфическому содержанию права, сконцентрированному в его принципах и соответствующих требованиях. То, что провозглашаемые коммунистической доктриной идеалы не могли быть достигнуты когда бы то ни было в силу их утопичности, на тот момент еще не было полной очевидностью как для большинства ученых, так и для всего общества тем более. В своих оценках, характеристиках, анализе всего «социалистического» (права, законности и т. д.) С. С. Алексеев исходил, как уже отмечалось нами ранее, именно из провозглашаемых целей, идеалов и ценностей, которые разделялись в то время практически всем советским обществом, и социальными науками в том числе.

Целевые, ценностные суждения занимают важное место в социальных науках, и практически для любого общества весьма типична ситуация, когда реальные отношения не соответствуют провозглашенным идеалам (в тех случаях, когда подобное провозглашение имеет место). Возьмем, например, закрепленные нынешней Конституцией России идеалы и ценности – они далеко еще не достигнуты, но в отличие от созвучных им в ряде случаев коммунистических идей не являются утопичными, чему имеется немало доказательств, в том числе, например, и жизнь в странах, которые продвинулись намного дальше в достижении подобного рода гуманистических целей. Последнее доказывает их достижимость, как минимум, хотя бы на том уровне, на котором это имеет место в других странах. Однако представим себе ситуацию, когда при наличии закрепленных в нашей Конституции и в нашем праве в целом указанных социальных, политических и правовых идеалов и ценностей общество движется, на самом деле, не в указанном направлении, а совсем в ином и, более того, в направлении прямо противоположном: возрастает уровень эксплуатации (что выражается, в том числе, и в показателях децильного коэффициента – разницы между 10 % наиболее богатых и 10 % самых бедных, поскольку термин «эксплуатация» можно вполне заменить категорией «несправедливое распределение» общественного продукта⁴³), власть все больше и больше концентрируется в руках все более и более узкой олигархической группировки, которая предпочитает свои собственные персоны или своих ставленников демократическому выбору населения и потому либо искусно имитирует выборы, либо, когда сделать это невозможно, грубо попирает избирательные и другие права граждан, организует фиктивные уголовные преследования тех, кто отстаивает закрепленные в Конституции России права и свободы, и т. д., и т. п.⁴⁴ Примени-

⁴³ См.: Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия (статья вторая) // Социологические исследования. – 2014. – № 11. – С. 123: «В современной России имущественное и социальное неравенство находится на недопустимом, с точки зрения огромного большинства населения, уровне: по оптимистическим оценкам, децильный коэффициент равен 16–17, а в столицах и крупных городах, которые обычно являются центрами протестных движений, – и того выше: в Москве, по разным оценкам, от 44–45 и выше. По сведениям Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, в 2008 г. децильный коэффициент равнялся: в Германии, Дании и Швеции – 6, США – 14, России – 16, Мексике и Чили – 25, в Бразилии – 50. Наивысший уровень неравенства в ЮАР – 147». Более жесткую оценку дает Г. И. Козырев в статье «Конфликтный потенциал современного российского общества» (Социологические исследования. – 2017. – № 6. – С. 71): «Бедность в России обусловлена не только и не столько дефицитом производимого общественного продукта, а его несправедливым распределением; это “относительная бедность”... На конец 2016 г. децильный коэффициент официально составлял 16,5–17, но, по мнению экспертов, в официальную статистику Росстата не включаются доходы лиц из самых низов общества и данные о доходах наиболее богатых граждан. Поэтому, с учетом скрытых доходов, разрыв может достигать 40–50 раз и больше».

⁴⁴ См.: Денисов С. А. Административизация правовой системы. – Екатеринбург, 2005 ; Его же. Общая теория административного государства. – Екатеринбург, 2010 ; Его же. Административное

тельно к такой ситуации будет абсолютно уместна оценка провозглашенных в нашем конституционном и ином законодательстве институтов «правления закона», «правового государства» и им подобных как лживых, убогих и фальшивых, т. е. та самая, которую С. С. Алексеев давал в советские годы буржуазному государству и праву. Но поскольку сейчас нет давления социалистической идеологии, то дискурс может развиваться в рамках иного, более свободного тезауруса. В любом случае взгляды ученого оказываются сегодня не менее, а даже гораздо более актуальными в ряде отношений, чем почти полвека назад: читая его труды, мы можем не только понимать глубже многие обсуждаемые ныне теоретические проблемы юриспруденции, но и анализировать под совершенно иным углом зрения российскую социально-экономическую и политико-правовую действительность.

С. С. Алексеев подчеркивал, что деятельность государственного аппарата должна находиться под гораздо более пристальным юридическим контролем, поскольку нарушение законов со стороны государственных органов имеет более опасные последствия, чем несоблюдение юридических норм отдельными гражданами: последнее «еще не означает нарушения режима законности (если нарушения быстро пресекаются, ликвидируются их последствия, восстанавливаются нарушенные права и т. д.). В то же время неуважение к законам, проявленное со стороны государственных органов, всегда означает нарушение режима законности. Само понятие “произвол” как антипод понятия “законность” сложилось применительно к деятельности государственных органов и должностных лиц; к противоправным действиям отдельных граждан оно применимо лишь постольку, поскольку соответствующие государственные органы эффективно и своевременно их не пресекают» (с. 181–182). Получается, что и в случае противоправных действий отдельных граждан к государственному аппарату предъявляются требования защиты безопасности, прав и свобод других граждан, которые вылились сегодня во вполне устоявшееся требование правозащитной и в том числе соответствующей судебной практики (главным образом ЕСПЧ, КС РФ), когда государство, его должностные лица и представители признаются нарушителями прав и свобод человека не только в случае непосредственных противоправных их действий против отдельных лиц (прямой произвол государственных органов, их должностных лиц), но и в случаях, когда они не обеспечивают необходимой правовой защиты человека от противоправных действий третьих – не относящихся к госаппарату – лиц.

13. Право – это моральная ценность, утверждающая справедливость и общечеловеческие принципы нравственности. Возвращаясь к вопросу о факторах, определяющих специфическое содержание права, следует указать на нравственность, о связи которой с правом автор писал в данной работе неоднократно и в разных аспектах. Так, «с этической стороны, – отмечал ученый, – право связано с принципами морали, в том числе с утверждением элементарных, общечеловеческих принципов нравственности и общежития.

Нравственную основу права с предельной отчетливостью подчеркивал К. Маркс. Он обращал внимание на то, что если законодательство не может декретировать нравственность, то оно еще в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность. Утверждение в праве безнравственности есть произвол, беззаконие – “законодательный произвол”» (с. 156).

Таким образом, мораль и нравственность общества лежат в основании права. Однако **«особо существенное значение для права имеют начала справедливо-**

общество. – Екатеринбург, 2011 ; Его же. Реальное государственное право современной России : в 3 т. – Екатеринбург, 2015–2017 ; Его же. Имитация конституционного строя : в 4 кн. – Екатеринбург, 2018–2019. Эти и многие другие работы ученого выставлены на его персональном сайте: URL: <http://denisov11-12.narod.ru/>

сти в их конкретно-историческом классовом выражении... Проведение справедливости немыслимо без использования “равных мер” – начала справедливости органически связаны с правом. Они связаны настолько тесно, что **правовое в своей основе всегда конструируется и проводится на практике как справедливое...**» (с. 157, выделено нами. – А. С.). Эта важнейшая особенность права – нравственная его основа, связь с моралью и справедливостью – отмечалась в истории правовой мысли ранее, отмечается она и ныне – как в зарубежной литературе (о связи права с нравственностью пишет, например, Роберт Алекси, о чем уже упоминалось выше), так и в отечественной⁴⁵. С. С. Алексеев придавал указанной связи особое значение, подчеркивая, с одной стороны, что «весьма существенной стороной соотношения права и морали является то, что право может быть охарактеризовано в качестве формы общественного регулирования, *основанной* на господствующей морали, которая *пронизывает* его содержание, во многом определяет его облик, его черты», а с другой стороны, «право в классовом обществе может быть охарактеризовано в качестве *одной из необходимых форм существования ряда принципов морали*» (с. 204). Именно потому, что «принципы нравственности пронизывают право, а также потому, что само право представляет собой явление в широком смысле моральное, оно может быть охарактеризовано в качестве своеобразного носителя морали и, следовательно, моральной ценности» (с. 207).

14. Право – это культурная и интеллектуальная ценность. Право является не только моральной, но и культурной, а также интеллектуальной ценностью. Сама по себе правовая форма общественного регулирования, сложившиеся свойства права, в том числе высокая нормативность, формальная определенность, приемы, обеспечивающие его динамизм, процессуальные формы и другие, например юридическая техника, правовой язык, представляют собой известные достижения культуры. В праве «происходит аккумуляция, сосредоточение ряда существенных прогрессивных элементов человеческой культуры, получающих новое, всестороннее развитие в условиях социалистического общества» (с. 203). Важным элементом культуры является правовая культура, которой охватывается «не только само по себе право, но и другие явления – правосознание, законодательная и юрисдикционная деятельность, практика работы государственного аппарата» (с. 203). Указание на уровень правовой культуры «выражает *оценку* состояния права, правосознания, юридической практики с точки зрения передовых, демократических принципов, совершенных приемов регулирования, правил юридической техники, а также уровня знания и понимания права в обществе, строгого и неукоснительного выполнения всех его предписаний, соответствия правотворчества и правоприменительной практики высоким требованиям социалистической законности» (с. 203). Отсюда задача развития правовой культуры есть «задача внедрения в право, в законодательство, в практику применения закона всего того, что характеризует право как существенную социальную ценность, явление социалистической культуры» (с. 203–204).

Социалистическое право (как и любое другое развитое право, добавим от себя) представляет собой также и интеллектуальную, или теоретико-познавательную, ценность. В этом выражается один из аспектов его значения как своеобразного явления культуры, в определенной степени отражающего познание объективной действительности. Анализируя весьма интересную и оригинальную концепцию А. А. Ушакова⁴⁶, полагающего, что право имеет самостоятельную познаватель-

⁴⁵ См.: Мальцев Г. В. Нравственные основания права. – 2-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009.

⁴⁶ Ушаков А. А. О диалектике содержания и формы в праве, гносеологической функции права и категорий правового познания // Ученые записки Пермского государственного университета. – № 199. – Пермь, 1968; Его же. Очерки советской законодательной стилистики. – Пермь, 1967.

ную функцию, С. С. Алексеев исходит из того, что юридическая норма, отражающая волю законодателя, призвана прежде всего и в первую очередь регулировать реальные общественные отношения, а не решать самостоятельные познавательные задачи. Соглашаясь с пермским ученым в том, что познание объективной действительности выступает в качестве необходимой предпосылки правового регулирования, С. С. Алексеев пишет, что в правовых предписаниях и в особенности в дефинитивных положениях, на самом деле, отражаются результаты познания объективной действительности в том виде, в каком эти результаты освоены законодателем. Поэтому теоретико-познавательное значение права можно считать не самостоятельной и «даже не вспомогательной, а лишь сопутствующей общественной функцией права» (с. 209).

Ограниченное значение права как теоретико-познавательной ценности, продолжает свою мысль автор, связано не только с тем, что «право само по себе не направлено на познание объективной действительности, но и с тем, что, будучи идеологическим социально-классовым явлением, оно способно «отражать реальность в несколько смещенном виде»⁴⁷. <...> Однако все эти обстоятельства не препятствуют тому, что право в известных пределах обладает теоретико-познавательной ценностью, несет в себе «теоретическую энергию»» (с. 210). Ученый добавляет далее, что «теоретико-познавательная ценность права в довольно большой мере зависит от уровня развития юридической науки, ее роли в жизни общества, степени ее влияния на правотворческую деятельность государства.

Существенное значение здесь имеют: а) глубина и обстоятельность разработки юридических проблем, выражение в правоведении прогресса науки и б) учет достижений науки в праве, во вновь принимаемых нормативных юридических актах» (с. 211). Последние два момента обладают непреходящим значением и сегодня, ибо, с одной стороны, необходимы глубокие разработки в области юриспруденции, а с другой – своевременное и, главное, адекватное восприятие их законодателем.

15. Ценность права – в утверждении ценности личности, ее высокого положения в обществе. Завершается последняя глава обсуждением особенностей права как фактора духовной жизни, которые определяют и специфику его идеологического, морально-политического воздействия на общественную жизнь. Оно имеет место как в рамках механизма правового регулирования, так и вне его: «право оказывает и *непосредственное* идеологическое воздействие, т. е. воздействие, осуществляемое *помимо* механизма правового регулирования» (с. 214). Идеологическое, морально-политическое воздействие на общественное сознание осуществляется через ряд общих положений, в частности через предписания-задачи, являющиеся своего рода «нормативными директивами» или же правовыми принципами, которые имеют «нормативный характер (в то же время обладают большой силой непосредственного идеологического воздействия), и в органической связи с ними законодатель вводит в нормативные акты и чисто идеологические положения – призывы, обращения, декларации. Эти положения не участвуют в правовом регулировании. Они относятся к актам морально-политического руководства, которые выражают большую внутреннюю идейную силу социалистического общества. Но так как призывы, обращения, декларации формулируются в связи с нормативными положениями и, следовательно, в какой-то степени опираются на достоинства нормативной формы общественного регулирования, они обладают значительной силой идеологического воздействия» (с. 215). Далее в рам-

⁴⁷ Цитируются слова В. А. Туманова, который, в свою очередь, исходит из известной марксистской идеи о том, что буржуазная идеология – это «ложное сознание», иллюзорное восприятие социальной действительности (см.: Туманов В. А. Современный антимарксизм и теория права // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 63).

ках непосредственного идеологического воздействия права на общественное сознание в психологическом аспекте автор рассматривает (в одновременном противопоставлении буржуазной правовой доктрине) то, что он называет «идеей права и законности» в социалистическом обществе. Данная идея представляет собой «одну из важных сторон правосознания, выражающую непосредственное идеологическое воздействие права как *социальной ценности*. <...> “Идея права и законности” в условиях социалистического общества, – как видел ее ученый, – связана с дальнейшим укреплением социалистической законности. Социалистическое право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность» (с. 216).

Идея утверждения правом ценности личности была фундаментом рассуждений ученого о социалистическом праве (не столько о реальном, сколько о праве желаемом) в первый – советский – период его творчества (даже если подавляющую часть своих работ в это время он посвятил специально-юридическому анализу права), та же идея осталась фундаментом и позднего периода его творчества, а также предпринимавшихся им усилий по проведению практических преобразований нашей государственно-правовой действительности в 90-х годах прошлого века, в частности в формулировании им главной правовой ценности российской Конституции – идеи высокого положения личности в нашей правовой системе, того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ, а также ее гл. 2). Эта идея появилась в годы перестройки не на пустом месте, она вызревала в нашей доктрине еще в советский период, для чего были предприняты все необходимые фундаментальные теоретические разработки. Последние не только были крайне важны для научного анализа права и его ценности в советском обществе, но и оказались полезными, что стало понятно лишь сегодня, для того, чтобы данная идея была закреплена в новой российской Конституции. Огромен вклад С. С. Алексеева в доведение положения о ценности права, которое помимо прочего состоит в утверждении правом ценности личности и ее высокого положения в обществе, до законодательного – конституционного – закрепления, а еще раньше и до первых попыток ее практической реализации, которые были предприняты им на посту Председателя Комитета конституционного надзора СССР. К сожалению, даже сегодня не все представители российской юридической доктрины понимают непреходящую ценность данного концептуального положения, о котором ученый писал еще в советские годы и которое, по справедливому замечанию Нено Неновски, впервые обосновал марксизм⁴⁸.

Рассматриваемым положением об утверждении правом ценности личности, ее высокого положения в свободном от эксплуатации обществе, о личной неприкосновенности и безопасности завершается последняя глава работы, что далеко не случайно, ибо такая структурная компоновка результатов исследования проблемы ценности права предопределяет исключительно важный, центральный характер выдвинутой ученым идеи как для всей работы в целом, так и для обоснования то-

⁴⁸ Нено Неновски писал: «Необходимость создания экономических, социальных, политических и духовных предпосылок того, чтобы человек вообще, человек как представитель своего рода был возведен в ранг **высшей ценности**, ценности-самоцели, впервые обосновал марксизм» (Неновски Н. Право и ценности / пер. с болг. ; вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. – М., 1987. – С. 185 (выделение Н. Неновски. – А. С.) ; см. также: Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 4 (11). – С. 59–83 (URL: <https://gu-ural.ru/uploads/2017/01/Vestnik-GU-2015-4.pdf>) ; Его же. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2017. – № 1. – С. 83–105 (URL: <http://www.ifp.uran.ru/ezh/ed/2017>).

го, в чем состоит один из важнейших, а возможно, и наиболее важный аспект анализируемой им социальной ценности права. В этой же главе, чуть ранее, ученый писал: «Таким образом, ценность социалистического права состоит, в частности, в том, что в современных условиях, вплоть до построения развитого коммунистического общества, **право является “хранилищем” субъективных прав и свобод трудящихся, необходимым и эффективным “правовым механизмом”, обеспечивающим их реальное и последовательное проведение в жизнь**» (с. 186, выделено нами. – А. С.).

16. Социальная ценность права – в его «специфическом содержании, связанном с утверждением субъективных прав, проведением начал справедливости» и обеспечением порядка в обществе. В «Заключении» ученый подводит краткие итоги исследования, отмечая, что социалистическое право, хотя и не абсолютная, но *значительная социальная ценность*. Присущие социалистическому праву социально полезные свойства (высокая нормативность, формальная определенность, правовое принуждение, динамизм) дают возможность обеспечить надлежащее нормальное функционирование и развитие общественного организма, внести в социалистические общественные отношения единый, устойчивый, максимально определенный порядок и в то же время обеспечить реальность такого порядка, его соответствие изменяющимся общественным отношениям.

«Социалистическое право – это также экономическая, политическая, духовная ценность. Регулируя общественные отношения в области экономики, политики, культуры, морали, право становится носителем ценностей в указанных областях общественной жизни» (с. 218).

Социалистическое право – это также *«одна из великих ценностей нашего общества»* (с. 218), которому присуща тенденция *возрастания социальной ценности права*. Оно выступает в качестве значительного социального блага, необходимого элемента моральных и человеческих ценностей. Автор еще раз подчеркивает, что «правовое» в ходе исторического развития наполнилось «специфическим содержанием, связанным с утверждением субъективных прав, проведением начал справедливости и так далее, т. е. с тем, что характеризует право как волю, возведенную в закон. Правовое в этом смысле не является синонимом классово-волевого» (с. 220), а является, как следует из рассуждений ученого, синонимом общечеловеческого.

«...Сформировавшись на базе политического содержания, социально полезные свойства права, и прежде всего его нормативность, формальная определенность, динамизм, имеют относительно самостоятельное значение. Известное относительно самостоятельное значение приобретает также специфически правовое содержание юридической формы общественного регулирования.

А это позволяет дифференцированно подходить к определению перспектив развития социалистического права. В развитом коммунистическом обществе, – полагал автор, – оно отомрет в плоскости его классово-волевого содержания. “Правовое” же в смысле тех особенностей юридической формы, которые характеризуют его социальную ценность, имеет существенное значение и для коммунистического общества тоже. *В этой плоскости коммунизм и правовое – не антиподы*» (с. 221). Коммунизм, как мы сегодня знаем, оказался утопией, однако в любом случае можно согласиться с ученым в том, что Право – необходимый феномен любого развитого общества и вчера, и сегодня, и в будущем.

17. Аксиологический подход в праве. Публикация этой книги в 1971 году заложила фундамент в формирование и последующее развитие аксиологического направления исследований в советской, а ныне российской юридической науке⁴⁹:

⁴⁹ И в связи с этим совершенно невозможно согласиться с мнением Е. Н. Ярковой, высказанном ею в весьма интересной и солидной в целом работе, о том, что «аксиологический подход к

после ее издания последовали труды других советских ученых⁵⁰, был сделан перевод на русский язык работы болгарского юриста, профессора философии и теории права Нено Неновски⁵¹. Уделяется этому направлению большое внимание и в наши дни – как теоретиками⁵², так и отраслевиками⁵³, публикуются коллективные сборники⁵⁴ и монографии⁵⁵, защищаются диссертации⁵⁶. Надеюсь, что современ-

изучению права в современной российской юридической науке не получил должного применения и развития, что связано, главным образом, с традицией его определения с позиций господствующего до настоящего времени в российской правовой науке формационного похода как беспочвенного идеализма» (см.: Яркова Е. Н. История и методология юридической науки : учеб. пособие. – Тюмень, 2012. – С. 164).

⁵⁰ См. работы теоретиков и отраслевиков: Черданцев А. Ф. Аксиологические проблемы правоведения // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. – М., 1974 ; Его же. Социальная ценность социалистического права // Советское государство и право. – 1978. – № 7. – С. 21–28 ; Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М., 1975 ; Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. – Казань, 1977 ; Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985 ; Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989 ; Макарова Е. А. Традиции и обновление в праве: проблемы ценностного подхода (обзор научной конференции) // Государство и право. – 1996. – № 5. – С. 105–108 ; Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М., 1996 ; Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998 ; Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114–119 и др.

⁵¹ Неновски Н. Право и ценности // пер. с болг. ; вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. – М., 1987.

⁵² См.: Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и российское право // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 64–76 ; Его же. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5–13 ; Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5–14 ; Бабенко А. Н. Правовая социализация как процесс освоения правовых ценностей // Государство и право. – 2005. – № 2. – С. 104–106 ; Жуков В. Н. Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1. – С. 21–34 ; Его же. Юридическая наука и ценности // Государство и право. – 2018. – № 1. – С. 5–16 ; Осин В. Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 46–55 ; Сидорова Е. В. Проблемы методологии исследования правовых ценностей // Государство и право. – 2012. – № 7. – С. 96–101.

⁵³ Витрук Н. В. Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : в 2 т. – М., 2012 ; Кравец И. А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. – 2018. – № 12. – С. 44–55 ; Договор как общеправовая ценность. – М., 2018.

⁵⁴ См.: Политико-правовые ценности: история и современность. – М., 2000 ; Право XX века: идеи и ценности. – М., 2001 ; Право как ценность : материалы дискуссии / отв. ред. Л. О. Иванов. – М., 2002.

⁵⁵ См.: Сухова Н. И. Социальная ценность права и ее обеспечение / под ред. В. Л. Кулапова. – Саратов, 2009.

⁵⁶ См.: Княгинин В. Н. Социальная ценность социалистического государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / ЛГУ. Ленинград, 1989 ; Гурлев А. В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – СПб., 2001 ; Селиванова О. Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ярославский гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2001 ; Дерипаско А. В. Жизнь человека как фундаментальная естественно-правовая ценность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Владимир. юрид. ин-т Министерства юстиции РФ. – Владимир, 2004 ; Сухова Н. И. Механизм обеспечения социальной ценности права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2005 ; Телегина В. А. Правосудие как социально-правовая ценность: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2006 ; Евсеев М. А. Право как социокультурная ценность современного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ин-т философии РАН. – М., 2006 ; Моджина Н. В. Право как ценность и его роль в воспитании личности : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2006 ; Романова И. Е. Имидж судебной власти как ценность демократической культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2006 ; Баскаков А. Т. Абстрактное право как социальная ценность : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2008 ; Мороз Е. Н. Право-

ное прочтение изданной еще в 1971 году книги «Социальная ценность права в советском обществе» даст новый импульс развитию нашей юридической науки.

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Laws, senior research fellow at RAS, the Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, dean of Law Faculty, head of Public Law chair, professor, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg); visiting professor of Paris-Quest University (France)

S. S. Alekseyev: The value of law is in securing and ensuring the rights and freedoms of the individual (introductory article to the reprinting of S. S. Alekseyev 's book "The Social Value of Law in Soviet Society")

The article is devoted to the analysis of S. S. Alekseyev's book "*Social Value of Law in Soviet Society*," which was first published in 1971 and reprinted in 2019. A general overview of the scientist's legal thought is given, two main periods in its development are distinguished – early and late, or respectively, Soviet and post-Soviet, special-legal and philosophical-legal, theoretical and practical legal, reformist. These two periods correspond to two epochs in the life of Russian society.

The book mentioned is written in the first period of the thinker's activity and is a striking exception to his works of the early period and at the same time shows that the fundamental foundations of his teachings remained the same for both periods, such ideas as : high piety before the Law – the most important social value – and before the dignity of the individual, his or her rights and freedoms enshrined in the Law, which was and is now their "repository", and continued attention to legal education as an essential means of enhancing the legal culture of society and ensuring the rule of law in its life. The book highlights the *direct value* of the Law – to consolidate and ensure the organization and regularity of social relations, including the consolidation of the position of the individual in society, his or her rights and freedoms, where the highest social freedom is freedom from exploitation and *non-direct value*, when the law expresses and perpetuates other values, including universal, social values, morals, progressive elements of democratic culture. Law is therefore also an economic, political and spiritual value. The definition of the law is analysed, which in this book has a non-positivistic nature, as it is connected by the thinker with the requirements for the internal content of the rules of law in the form of their compliance with the principles of justice, the presence of subjective rights and the known autonomy of the subjects. The main idea of the book is that *socialist* (socialism is understood here as an idea, not as a practice) *law* affirms the value of the individual, his or her high position in society, exemption from exploitation, personal integrity and security, subjective rights and freedoms of workers, ensures high level of organization and order in a society to combat arbitrariness.

Key words: social value; law; value of law; universal and class values; philosophy of law; special-legal theory of law; dogma of law; doctrine; rights and freedoms of the individual; dignity of the individual; freedom; equality; justice; socialism; communism; marxism; class approach; socialist law; socialist legality; anti-exploitative essence of socialist law; objective properties of law; normativity; formal certainty; coercion; dynamism; legal constructs; rights; subjective rights.

Политико-правовые идеи М. М. Ковалевского о солидарности, личных правах, гражданственности и прогрессе

В статье анализируются политико-правовые идеи М. М. Ковалевского, автора теории непрерывного прогресса, концепций общественной и социальной солидарности. Исследуются учение Ковалевского о личных правах, его оригинальные идеи о правовом государстве, гражданственности. Рассматривается развитие им различных методов исследования историко-правовой, политико-правовой мысли, а также его активная научная и общественная деятельность.

Ключевые слова: право; личные права; общественная солидарность; права человека; социальная солидарность; правовое государство; теория непрерывного прогресса; формула прогресса; правовой прогресс.

Фигура Максима Максимовича Ковалевского (1851–1916) не так широко известна в современной политико-правовой мысли России, в то время как заслуживает внимательного изучения и анализа. Прежде всего тем, что он является автором таких научных трудов, как «Происхождение современной демократии» в 4 томах (1895), «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1896), «Социология и сравнительная история права» (1902), «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» в трех томах (1902).

Автор данной статьи убеждена, что научные труды Ковалевского нужно включать в программы бакалавров, магистров, аспирантов для обязательного изучения по политическим, юридическим и социологическим наукам.

Исследовав эти и другие работы М. М. Ковалевского в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеке (Москва), российских архивах и фондах других российских библиотек, можно сделать вывод о многогранности личности Ковалевского, ученого и практика, депутата и просветителя, открывшего несколько научных и общественно значимых центров (кафедры, кружки, общества, Высшие либо Вольные Школы в Европе), предвосхитившего развитие политико-правовой мысли и общественно-политической истории России в XX веке [2–4].

В данных научных исследованиях Ковалевским были заложены основания многих научных школ и отраслей научного знания, в частности таких, как сравнительная политология, социология права, сравнительное правоведение, медиевистика европейских стран, плюралистическая школа в социологии [1, с. 5–6].

М. М. Ковалевский – многогранная личность, историк политической мысли, правовед, социолог, академик Петербургской академии наук, представитель социологического позитивизма, создатель Московского психологического общества.

Став юристом по окончании Харьковского университета, он продолжал обучение в университетах Берлина, Парижа, Лондона, дискутируя и общаясь в Европе с такими классиками общественно-политической и философской мысли, как Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, К. Маркс и др. Например, К. Маркс называл его «дру-

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), председатель Свердловского регионального отделения РАПН, председатель Общественного совета по гражданскому образованию в Свердловской области.

гом по науке», ежегодно приезжающим в Лондон для знакомства с сокровищами Британского музея [11, с. 5].

После защиты докторской диссертации на тему «Общественный строй в Англии в конце средних веков», М. М. Ковалевский – ординарный профессор Московского университета, преподавал в период с 1880-го по 1887 г. сравнительную историю права, историю политических учреждений, историю древнейшего уголовного права и процесса.

Этот активный период его деятельности сменился своеобразным научным «академическим отпуском» в Париже, Стокгольме, Чикаго, Оксфорде, Сан-Франциско, куда он был вынужден уехать после увольнения из университета по причине политической неблагонадежности. Однако время отсутствия в России с 1887-го по 1905 г. не стало периодом забвения, грусти и тоски по Родине и огорчений по не растроченной в России гражданской активности. Напротив, этот этап жизни Ковалевского был очень продуктивным, когда он занимался научными исследованиями по социологии права, сравнительному правоведению, теорией и философией политики. Именно в эти годы Ковалевский и создал свои фундаментальные труды, многие идеи из которых и в настоящее время не потеряли своей актуальности.

В 1900 г. Ковалевский создает факультет социологии в Русской высшей школе общественных наук в Париже (Школа просуществовала до конца 1905 г.), становится директором Школы, после ее открытия в ноябре 1901 г. ведет занятия наряду с такими известными учеными, как С. А. Муромцев, Г. В. Плеханов, П. Б. Струве, Ю. С. Гамбаров, Г. Тард, др. [16, с. 12].

В программу Школы, созданной М. М. Ковалевским, Е. В. де Роберти, Ю. С. Гамбаровым, Л. И. Мечниковым, были включены систематические и дополнительные курсы, диспуты и опросы, практикумы по таким дисциплинам, как социологическая криминология, история доктрин и учреждений гражданского права, история религий, философия и методология общественных наук и др. [13, с. 461–462].

Занимаясь научными исследованиями в университетах и библиотеках различных городов Европы и США, Ковалевский воспринимался многими выходцами из России как активный представитель либерально настроенной части эмиграции, а после смерти И. С. Тургенева – как глава русской либеральной эмиграции [11, с. 5].

После возвращения в 1905 г. в Россию уже всемирно известным ученым, М. М. Ковалевский активно занимается политикой, наукой и преподаванием. Так, он становится депутатом Первой Государственной думы, руководителем Партии демократических реформ (1905–1907 гг.), преподает в Петербургском университете, Политехническом и Психоневрологическом институтах (в последнем он создает первую в России кафедру социологии), в период с 1909-го по 1916 г. редактирует научный журнал «Вестник Европы». В последние десять лет жизни Ковалевский занимался научной и преподавательской деятельностью, в частности вел занятия в Вольной русской школе, которую основал в Париже [6, с. 116].

Существенный вклад М. М. Ковалевский внес в развитие истории и методологии философской, политической и юридической наук. Так, он развивал теорию множественности факторов общественного развития (она далее была воспринята и дополнена его учеником и секретарем П. А. Сорокиным, который отстаивал в качестве ведущих факторов – войну и голод – в истории развития любой страны, и особенно России); также Ковалевский активно развивал историко-сравнительный метод в изучении политики и права, философию и методологию позитивизма, будучи сторонником позитивистской теории плюралистичности факторов общественного и политического развития, отрицающей один приоритетный фактор.

В своем научном труде «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880) Ковалевский отмечал необходимость сравнения только сопоставимых объектов. И считал недопустимым приравнивание историко-сравнительного метода к простому сопоставлению Ш. Монтескье и Б. Констана. Ковалевский рассматривал историко-сравнительный метод как средство построения новой науки – истории естественного роста человеческих обществ. И новый метод предполагал не открытие новых фактов, а научное объяснение уже найденных [7, с. 22–23].

М. М. Ковалевский считал, что в России второй половины XIX в. развитие и применение историко-сравнительного метода особенно актуально, так как было необходимо:

1) тщательное изучение обычного права, ибо Россия после Индии «представляет собой по всей вероятности ту страну, которая заключает в себе наибольшее число обычаев, обрядов, юридических поговорок, пословиц и т. п., в которых как в зеркале отражаются по крайней мере некоторые черты ранних форм общежития, древних, если не древнейших, норм частного и публичного права» [7, с. 28];

2) изучение сравнительного языкознания, в частности мифологических сказаний (многие из которых пришли в Россию с Востока), народных сказок, песен, былин, пословиц, поговорок, позволяющих исследовать менталитет, характер русского народа, объяснить приоритет нравственных, а не правовых норм, проанализировать причины отставания России от западноевропейских стран [7, с. 32].

Рассматривая варианты плодотворного сравнения в соответствии с методом научного сопоставления, Ковалевский связывал с сопоставлением законодательства тех народов, которые находятся на одной стадии развития. Так, он отмечал, что можно сопоставлять «родовые порядки кельтов, германцев или славян с римскими и греческими... Но бесполезно сопоставлять Русскую империю с Империей Карла Великого или Священной Римской и классовые деления современных народностей Европы со средневековыми сословиями и религиозными кастами древности» [7, с. 89].

М. М. Ковалевский критиковал сторонников естественно-правовой доктрины, выступая в защиту действующего права, отстаивая позиции позитивизма. Так, по его мнению, «только при помощи истории можно ответить на вопрос, в какой мере данное право является продуктом всего предшествующего наслоения юридических норм и что в нем продолжает стоять в противоречии с намеченными жизнью решениями, а это значит, что без истории нельзя указать ни органического характера законодательства, ни скрывающихся в нем несовершенств, источник которых всецело лежит в том, что жизнь обогнала юридическое творчество» [7, с. 83]. Он считал, что непонимание этой истины приводит многих к поиску критериев для оценки действующего законодательства в прирожденных правах человека, тогда как природа не могла обучить человека праву; по этой причине Ковалевский рассматривал как несостоятельное учение об естественных правах, само естественное право – совокупность юридических и нравственных идеалов [7].

Размышляя о времени появления неотъемлемых прав человека, Ковалевский отмечал, что они возникли не в «золотом веке» развития человечества, а намного позже под влиянием религий, международного торгового обмена, когда категория солидарности стала объединяющим началом жизнедеятельности народов и государств. Таким образом, феномен солидарности рассматривался Ковалевским как исходный в понимании права, неотъемлемых прав человека, возникших в догосударственный период.

В начале XX века можно, в целом, проследить формирование в российской политико-правовой мысли такой тенденции, как поиск устойчивой взаимосвязи феноменов прогресса и социальной солидарности. В частности, основой истори-

ческого прогресса человечества, как считал Ковалевский, является развитие социальной, общественной солидарности, которая приходит на смену борьбе и сопутствует осознанию членами той или иной общности, социальной группы целей развития и взаимозависимости друг от друга.

Преимущество солидарности он видел в том, что она способствовала созданию из любой социальной группы «замыренной среды», в которой вместо борьбы существовали гармоничные взаимоотношения. В зависимости от степени развития солидарности, Ковалевский отмечал следующие основные этапы развития человечества: 1) родовое единство; 2) патриотизм; 3) космополитизм.

Изучая политические и правовые взгляды, идеи М. М. Ковалевского, можно сделать вывод о влиянии на его мировоззрение основателя французской позитивистской философии О. Конта, который, в свою очередь, был в молодости учеником и секретарем представителя французского утопического социализма К. А. Сен-Симона. Влияние О. Конта можно проследить в том, что Ковалевский рассматривал общество как органически целое, в котором различные классы находятся в состоянии солидарности.

Развитие права, по мнению Ковалевского, тесно связано с ростом культуры и гражданственности, солидарности людей. И переменам, реформам политики действующего права способствовали конкретные проявления гражданственности, в частности такие, как личная проповедь, личный пример, деятельность, что не позволяло считать истинными суждения о «самопроизвольном развитии права или о зависимости его исключительно от поступательного хода знаний или народной экономики» [7, с. 86].

Критериями действующего права Ковалевский считал социологические методы, приемы, закономерности, в частности социальную динамику, которая и дает «общую формулу прогресса, т. е. раскрывает законы, управляющие ростом человеческой солидарности» [7, с. 87].

В своеобразной «формуле прогресса» Ковалевский отдавал приоритет роли моральной позиции личности в истории, понимая человека как гармоничного, свободного, неделимого субъекта истории. Так, он утверждал, что человек никогда не сможет и не должен покориться ходу вещей, он всегда свободен в собственном выборе в силу своей святости и неприкосновенности.

В трудах М. М. Ковалевского можно проследить важность развития и преемственности идей российских мыслителей, что всегда существенно для научного прогресса. Так, Ковалевский продолжал развивать идеи П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева о «формуле прогресса» в русской философии истории. Ковалевский придавал особое значение мысли Лаврова о прогрессе как развитии солидарности и идее Кареева о необходимости моделирования истории с учетом законов прошлого и настоящего развития общества.

Исходя из разработанной им теории непрерывного прогресса, Ковалевский прогнозировал дальнейшее развитие человечества по следующим направлениям и приоритетам: 1) создание автономных политических тел, взаимосвязанных и объединенных в союзы, федерации; 2) главная цель таких союзов – хозяйственный расчет, расширение торговых и других обменов в условиях свободы рынков; 3) основа автономных тел – начало самоуправления народа и самоопределение личности, что обеспечивается и гарантируется институтом парламента и признанием государством субъективных прав граждан [8, с. 257–258]. Здесь Ковалевским фактически предложена рациональная модель будущего мира, которая признана и актуальна сегодня во многих развитых странах мира и базируется на трех основаниях: материальной выгоде, народном представительстве (парламенте), естественных правах человека.

Можно в целом достаточно позитивно оценить многие политико-правовые идеи и теорию непрерывного прогресса М. М. Ковалевского, которая была разумной и верной постановкой «вопроса об общих перспективных направлениях развития человечества» [12, с. 130–131].

Как справедливо отмечал Ковалевский, солидарность выступает как инструмент прогресса, в том числе и правового прогресса. Теория непрерывного прогресса Ковалевского предполагает непрерывный социально-экономический, политический, психический, нравственный прогресс человечества, создающий фундамент правового прогресса. Важными для достижения прогресса человечества были и создание своеобразной «замиренной среды» во всех сферах развития общества, гуманизация политики, права, суда и др.

Развитие прогресса Ковалевский понимал как непрерывный процесс эволюции, реформирования, мирных преобразований, динамичное развитие, вечное движение от «прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму».

Однако даже правовое государство и парламентаризм не были для Ковалевского некой застывшей совершенной формой, он предполагал дальнейшее постоянное развитие принципов равенства и свободы в новых, более эффективных моделях и форматах, хотя и не формулировал пока в своих трудах их возможные вариативные названия и формулировки детальных характеристик новых моделей.

В понимании права он поддерживал трактовку Р. Иеринга, считая его заслугой утверждение, что «право не развивается само по себе», а изменяется с расширением основ достигнутой обществом солидарности, «вызывая прежде всего в отдельных выдающихся личностях неудовлетворенность существующими нормами и новые запросы, которые сила подражания обращает сперва в требовании общественного мнения, в юридическое сознание масс, а затем в обычай или закон» [12, с. 88].

Тем самым Ковалевский утверждал значимость для развития права, которое может быть только положительным, действующим, следующих факторов:

- 1) солидарности, достигнутой между людьми;
- 2) выдающихся личностей;
- 3) гражданственности.

Ковалевский был уверен, что «государство и право обусловлены экономикой, идеями, психологией, знаниями, влиянием открытий и приспособлений, подражаний» [14, с. 208].

Право он рассматривал в качестве первоосновы государства, будучи уверенным в том, что:

- 1) государство не может отрицать право как условие своего самосохранения;
- 2) право нуждается в постоянном развитии;
- 3) прогресс права заключается в прогрессе правовых институтов и правовых форм;
- 4) право обязательно для государства в силу того, что право обусловлено самим фактом общественной солидарности, «замиренной среды».

Человека и его личные права Ковалевский рассматривал с точки зрения социальной солидарности, которая предполагала определенные ограничения этих прав. В его учении о личных правах государство должно было выполнять охранительную функцию. При этом он отмечал, что государство не может и не должно «упразднить личные права, так как признание их является таким же требованием общественной солидарности, как установление самого факта государственного общежития» [9, с. 169–170].

Главной гарантией личных прав и свобод он считал судебную ответственность всех и каждого, сфера которой «расширяется по мере того, как исчезает

привычка самосуда, вызванная недоверием к деятельности государственных судов и выражавшаяся в тайных расправах... в самосуде или линче, и наконец, в дуэли». В то же время Ковалевский обращал внимание на важность учета различия национальных привычек в отношении способов восстановления справедливости и приводил следующие примеры: «потребовать возмещения вреда и убытков за личное оскорбление, нанесенное путем печати, в Англии покажется столь же отвечающим правовому сознанию нации, сколько во Франции – несовместимым с честью, требующей якобы решения дела с помощью частного поединка» [10, с. 173–174]. Судебная ответственность всех и каждого является, в отличие от конституционного шаблона, как утверждал Ковалевский, критерием обеспечения личных прав. Любая декларация, как конституционный шаблон, принятая и установленная раз и навсегда, может тормозить процесс признания и защиты личных прав. Поэтому он и считал важным постоянно применять теорию непрерывного прогресса к праву, личным правам и свободам, правовому государству, развивая идеи равенства всех перед законом, справедливого судебного разбирательства и др.

К основным характеристикам правового государства (родоначальником которого он считал Дж. Локка) Ковалевский относил следующие: соблюдение принципа разделения властей, верховенство права, свободу местного самоуправления, соблюдение и защиту личных прав и свобод, конституционные гарантии прав и свобод граждан, наличие активно действующего двухпалатного парламента, право парламентского запроса, ответственность должностных лиц перед судом.

Актуальность многих политико-правовых идей М. М. Ковалевского бесспорна. Так, и в отношении правового государства надо отметить, что почти все эти характеристики, указанные им, соответствуют современным представлениям о правовом государстве. А в идее Ковалевского о парламентском запросе можно увидеть размышления, в том числе, и о прообразе института парламентского уполномоченного по делам администрации, который с 70-х гг. XX века существует в Великобритании (британская модель омбудсмана).

Развивая идею прогресса по отношению к правам человека и связывая будущее России с конституционной монархией, Ковалевский утверждал, что государство представляет собой постоянное расширение сферы индивидуальной самостоятельности, возрастание «суммы личных прав». То есть можно сделать вывод о том, что правовой прогресс Ковалевский прочно связывал с постоянным процессом приращения человеческих прав, дополнения каталога личных прав человека.

В то же время, поддерживая взгляды сторонников солидаризма (О. Конт, Л. Буржуа, Л. Дюги, др.) [5, с. 128] и русских авторов «формулы прогресса», Ковалевский был уверен в том, что при рассмотрении личных прав нужно исходить не из доктрины естественного права или неограниченного суверенитета государства, а из потребности человеческой солидарности как источника права и государства [10, с. 169–170].

Политико-правовые идеи М. М. Ковалевского были нацелены на формирование рациональной, конструктивной модели формирования общественной солидарности (как осознания общности целей развития), создания гражданского общества и правового государства, открытого международным связям, обменам, сотрудничеству; на создание новых союзов, ассоциаций на региональном и федеральном уровнях, для совершенствования политических и правовых учреждений, их непрерывного прогресса.

Он отстаивал необходимость утверждения в России конституционной монархии в сочетании с институтами сильного и самостоятельного общественного самоуправления. И считал революцию случайностью, которой, однако, невозможно избежать, если правительство искусственно сдерживает реформирование страны

и ее движение по пути социального прогресса, развивает систему жандармерии и сыска, политического шпионства, лишает народ политических и личных прав и свобод, вызывая тем самым враждебное отношение народа.

Будущее России Ковалевский связывал с реформаторским развитием, сильным и самостоятельным общественным самоуправлением, парламентаризмом, ограниченностью государства правом, соблюдением и защитой прежде всего личных прав граждан, созданием системы конституционных гарантий прав и свобод граждан.

М. М. Ковалевский был талантливым ученым, признанным профессионалом в сфере государственного права, имел не только научный, но и достаточно широкий общественный авторитет, независимо от того, где выступал, дискутировал, предлагал новые идеи или законопроекты, будь то Государственная дума, или один из университетов, или общественная организация, либо др.

К историко-правовым консультациям, аналитическим прогнозам, политико-правовым советам, рекомендациям Ковалевского прибегали многие: так, в I Государственной думе многие депутаты к нему не раз обращались с просьбой постоянно находиться как можно ближе к трибуне, чтобы регулярно выходить на нее с историческими, правовыми или политическими комментариями, в связи с обсуждением того или иного законопроекта, касающегося либо местного самоуправления, либо отмены смертной казни, либо личных или политических прав и свобод граждан, либо улучшения взаимоотношений с другими странами в целях развития открытого социально-экономического, политического сотрудничества, предотвращения войн и конфликтов, др.

Доверительные отношения он имел с некоторыми представителями верхних эшелонов российской власти (например, с С. Ю. Витте); его мнением интересовался Николай II: например, некоторое время перед отставкой Витте «царь поручил генералу Д. Ф. Трепову связаться с Ковалевским и узнать мнение известного специалиста по государственному праву по поводу только что обнародованных правительством законопроектов: текста “Основных законов” и положения о Государственном совете» [15, с. 382]. И Ковалевский, рассмотрев эти документы, предложил небольшие поправки, откликнулся на просьбу царя, однако понимая, что вряд ли серьезные, основательные рекомендации и поправки могли бы быть реально внесены в эти документы после его редактирования, изменений и дополнений; но даже такому достаточно формальному обращению он был рад, памятуя известные слова классика «служить бы рад, прислуживаться тошно». Само по себе обращение царя к Ковалевскому как эксперту было важно и ценно. Взвешенная, аргументированная экспертная оценка опытного и признанного профессионала, аналитика в условиях реформ, а тем более революций может предостеречь от рискованных шагов, опасных провалов и политического краха, гибели и уничтожения как отдельные личности, так и целые государства.

«Массу времени и сил отнимало у Ковалевского его участие в деятельности огромного количества общественных организаций... В сентябре 1907 г. Ковалевский явился инициатором создания в Петербурге Общества помощи бывшим депутатам I и II Государственных дум, пострадавшим в связи с их политической деятельностью. Ковалевский был президентом Вольного экономического общества, председателем Петербургского юридического общества, Петербургского отделения международного общества «Мир», комитета Общества английского флага, членом Общества имени Т. Г. Шевченко, литературного кружка имени А. И. Герцена, петербургского отделения Общества толстовского музея, Петроградского общества народных университетов, Общества сближения России с Америкой, Общества англо-русского сближения и т. д.» [15, с. 382–283].

Но всему этому максимальному членству в огромном числе организаций, широко, все поглощающей активности известного правоведа было объяснение: как член Государственного совета, Ковалевский мог защитить все эти многочисленные организации от излишнего, пристального внимания полиции и проводить у себя дома собрания, обсуждения, заседания с участием членов этих организаций, с целью сплочения «всех здравомыслящих людей России на основе широкой либерально-демократической платформы с тем, чтобы усилить влияние общественных сил на верховную власть, призванную последовательно осуществлять назревшие в стране реформы» [15, с. 383].

В целом М. М. Ковалевского можно рассматривать как яркую звезду на российском гуманитарном небосклоне, талантливого интеллектуала, универсального специалиста во многих отраслях научного знания, создателя многих гуманитарных практик – новых кафедр в России, образовательных организаций в Европе, разработчика политико-правовых идей, опережающих время, создателя междисциплинарных теорий, актуальных до сих пор, и провидца многих тенденций развития политических и правовых институтов России. По нашему мнению, важно более активно изучать и применять по мере возможности и необходимости идеи, концепции, прогнозы и теоретические наработки М. М. Ковалевского – этого известного российского правоведа, социолога, теоретика и практика, исследователя общественно-политической мысли России.

Литература

1. Борокочев А. О. М. М. Ковалевский – первый русский социолог // Ковалевский М. М. Сочинения : в 2 т. – Т. 1 : Социология. – СПб., 1997.
2. Глушкова С. И. Права человека: русские версии. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2000.
3. Глушкова С. И. Права человека в России. – М. : Юрист, 2005.
4. Глушкова С. И. Проблема правового идеала в русском либерализме. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001.
5. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. – М., 1978.
6. Кареев Н. И. Основы русской социологии. – СПб., 1996.
7. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. – М., 1880.
8. Ковалевский М. М. Социология. – СПб., 1997.
9. Ковалевский М. М. Прогресс // Вестник Европы. – 1912. – № 2.
10. Ковалевский М. М. Учение о личных правах // Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997.
11. Косвен М. Предисловие // Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. – М., 1939.
12. Медушевский А. Н. История русской социологии. – М., 1993.
13. Семенов Е. Высшая русская школа в Париже // Социология в России XIX – начала XX в. – М., 1997.
14. Скрипилев Е. А. Биографическая справка // Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997.
15. Хайлова Н. Б. Максим Максимович Ковалевский // Российские либералы : сб. статей / под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
16. Яковец Ю. В. Школа русского циклизма: истоки, этапы развития, перспективы. – М., 1998.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Science, head of Human Rights chair at the Liberal Arts University (Yekaterinburg), the Chairperson of the Sverdlovsk Regional Office of the Russian Political Science Association, the Chairperson of Public Council for Civic Education in the Sverdlovsk region

Political and legal ideas of M. M. Kovalevsky on collective responsibility, personal rights, civic consciousness and progress

The article analyses the political and legal ideas of M. M. Kovalevsky, the author of the continuous progress theory, concepts of social and collective responsibility. The author studies the doctrine of Kovalevsky on personal rights, his original ideas about a state governed by the rule of law and civic consciousness. The author also considers how M. M. Kovalevsky developed various methods of research of historical, legal and political thought as well as his active scientific and public activities.

Key words: law; personal rights; collective responsibility; human rights; social responsibility; law-governed state; continuous progress theory; formula of progress; legal progress.

Заметки о праве на ложь в процессе с точки зрения философии

В данной статье рассмотрена проблема лжи в процессе с точки зрения философии и соотношения с материальным правом, не допускающим лжи при совершении сделок.

Ключевые слова: ложь; право на ложь; доверие; добросовестность; правосудие.

Две вещи наполняют душу всегда новым
и все более сильным удивлением и благоговением,
чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, –
это звездное небо надо мной и моральный закон во мне.
И. Кант

Как справедливо замечал В. С. Соловьев, «ни один философ до Канта не утверждал, что основополагающая заповедь “не лги” есть одновременно и “источник права”, всякого права, “основанного на договорах”» [25, с. 80].

Мы вынуждены ограничиться весьма кратким рассмотрением идей И. Канта, вокруг которых до сих пор не утихают споры.

«Правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому¹, как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого; и хотя тому, кто принуждает меня к показанию, не имея на это права, я не делаю несправедливости, если искажаю истину, но все-таки таким искажением, которое поэтому должно быть названо ложью (пусть не в юридическом смысле), я нарушаю долг вообще в самых существенных его частях: т. е. поскольку это от меня зависит, я содействую тому, чтобы никаким показаниям (свидетельствам) вообще не давалось никакой веры и чтобы, следовательно, все права, основанные на договорах, разрушались и теряли свою силу; а это есть несправедливость по отношению ко всему человечеству вообще. <...> Определение лжи, как умышленно неверного показания против другого человека, не нуждается в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому, как этого требуют юристы для полного ее определения (*mendacium est falsiloquium in praejudicium alterius*). Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» [12].

В. С. Соловьев обратил внимание на этот момент, который, на наш взгляд, весьма важен, поскольку речь идет об источнике права. И. Кант использовал в своей статье заповедь «не лги», однако не включал ее в источники права, а лишь указал, что «ложь делает негодным к употреблению самый источник права». Полагаем, что Кант здесь имел в виду в качестве источника права «доверие» – «fides»².

«Fides»³ – (вера, доверие), собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей (и, следова-

* Айдар Рустэмович Султанов, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (г. Нижнекамск).

¹ Сноска, сделанная И. Кантом: «Здесь я не могу довести свое положение до такой остроты, чтобы сказать: “Неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе”. Ибо оно относится уже к этике; а здесь речь идет о правовой обязанности. Учение о добродетели видит в этом нарушении только полную негодность, обвинение в которой лжец на себя навлекает».

² Российскому юристу более известен термин «bona fides» – «добрая совесть», который произошел от fides.

³ Не можем не отметить, что в Древнем Риме Fides – это также богиня согласия, верности.

тельно, не зависящая от римского гражданства) выполнять свое обязательство, в чем бы оно ни выражалось. Поэтому *fides* стала опорой всех правоотношений между гражданами и негражданами Рима (- *ius gentium*) и одним из основных творческих элементов римского правового мышления [3, с. 131–132].

Современные исследователи подчеркивают, что «*fides*» означает веру и доверие в смысле веры данному слову со стороны третьих лиц и доверие как соблюдение верности своему слову. Это первая грань, определяющая как бы нижний предел человеческих отношений с точки зрения римского воззрения на существующий порядок вещей. Вместе с тем без уважения к самому себе и своему честному слову в Риме не мыслилось ни одно правовое отношение [13]. Считается, что *fides* является основой понимания норм римского права и как бы опорой всех правоотношений в Риме. Оно олицетворяет собой ожидание правильного поведения и тем самым выполнения данных обещаний и корреспондирующее этому доверие тому, что обещание будет исполнено [17, с. 13].

Конечно, мы здесь под источником права понимаем не нормативный акт, а, скорее, нечто такое, что вообще порождает право, откуда проистекает⁴ само право, откуда право черпает силы для своего развития.

Как отмечают исследователи, «по своей сущности категория *fides* занимает место вне правопорядка, но она всякий раз вновь и вновь вторгается в правовую сферу, и под ее непосредственным и решающим влиянием происходит формирование правовых предписаний. Это становится возможным благодаря развитию права и в ходе такого развития»⁵. Российские цивилисты также обращали внимание на то, что «доверие составляет необходимый элемент всякой сделки» [11, с. 208]. Безусловно, состояние доверия можно рассматривать как юридический факт или элемент юридического состава [14, с. 264–265, 271–281], поскольку утрата доверия может быть юридическим фактом для расторжения договорных отношений [6, с. 337]. Доверие – это «предпосылка правового общения» [8, с. 40].

Мы позволили себе несколько углубиться в истоки, поскольку избитые клише, воспринимаемые за аксиомы, лишают возможности видеть ситуацию такой, какая она есть.

А ситуация довольно проста – суд не создан для того, чтобы, действуя на основании лжи, выносить несправедливые, далекие от правды решения, которые к тому же были бы обязательны для всех⁶.

Главная и единственная задача правосудия – охрана права в борьбе с неправдой [22]. Как справедливо отмечал В. А. Рязановский, «государство существенно заинтересовано в том, чтобы действительный кредитор мог получить удовлетворение от действительного должника и чтобы такое положение являлось общим правилом. Следовательно, процесс должен быть так организован, чтобы суд мог установить действительное отношение между сторонами, найти материальную правду» [24, с. 34].

Неправда – это то, что разрушает доверие – основу общества. В том числе и подрывает доверие к суду, который принимает ложь. Не говоря уже о том, что ложь разрушает и самого человека.

⁴ Конечно, термин «источник права» всего лишь метафора, которая все же позволяет отразить сущность явления. «...Если посмотреть на эту метафору с позиций сегодняшнего дня, то нельзя не признать, что она выражает и ту мысль, что закон не самодостаточен, что существует и еще некоторый фактор, который не только определяет, но в известном смысле и санкционирует закон» [23, с. 45–46].

⁵ Waldstein W. Entscheidungsgrundlagen der klassischen römischen Juristen // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms in Spiegel der neueren Forschung. B. 15 / Herausg. von H. Temporini, W. Haase. – Berlin, Neu York, 1976. – S. 68–69. Цит. по [13].

⁶ См. подробнее: [2; 9].

Прав был Кант, когда писал, что «неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе». Современные философы отмечают: «Истиной для вас является то, что вы видели сами. И когда вы теряете это, вы теряете всё. Что такое целостность личности? Целостность личности – это знание того, что вы знаете (то, что вы знаете, – это то, что вы знаете). И это мужество, достаточное для того, чтобы знать, что именно вы видели, и сказать об этом. Это и есть целостность личности. И нет никакой другой целостности» [32]. Исследователи правды в отечественной мысли отмечают, что «вследствие выявления логики становления и развития правды в отечественной мысли становится ясным, что данная идея является системообразующей в общественном сознании как в ценностном, так и в его нормативном строе. По своей сути идея правды совпадает с идеей права» [31, с. 10].

Конечно, последние цитаты имеют больше отношения к этике. Нельзя при помощи права сделать человека честным и правдивым. «Право в интересах свободы позволяет людям быть дурными, не вмешиваясь в их вольный выбор между добром и злом; оно только в интересах общего блага препятствует дурному человеку пребывать торжествующим злодеем, опасным для самого существования общества. Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божье, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [26].

Поэтому мы будем говорить только о лжи, которая должна быть запрещена правом, и прежде всего о лжи в суде.

Тот, кто считает допустимой ложь в суде, допускает победу неправды в суде, тем самым позволяя превращение лжеца в торжествующего злодея, при соучастии суда.

Надо отметить, что в цитируемой нами статье Канта также речь шла «о правдивости (честности) в показаниях. Каждый раз оговаривает это. Слово “показание” фактически является в статье термином, повторяемым на 4–5 страницах текста, по крайней мере, 10 раз. Оно, на мой взгляд, подобрано переводчиком очень точно, имея в виду, что это русское слово («показание») употребляется именно в юридическом, правовом аспекте (если, конечно, речь не идет о данных измерительных приборов). Термин, переведенный как “показание” в немецком оригинале обозначен тремя словами: “Deklaration”, “Erklaerung”, но чаще всего (в восьми случаях) “Aussage”. Все они подразумевают публичные, официальные заявления, в особенности перед судом (о чем в одном месте кантовского текста говорится прямо). Это не просто высказывания, а именно показания, т. е. обязывающие высказывания, которые человек делает с сознанием ответственности и готовности отвечать за них» [7, с. 116].

Допущение лжи в суде подрывает доверие к суду, к его способности выносить справедливые судебные акты. Суды, потеряв доверие, закономерно утрачивают легитимность [4, с. 25].

Соответственно, ложь вредна, поскольку подрывает возможность выполнения функции правосудия.

Полагаем, что допущение лжи в судебном процессе противоречит самим основам правосудия. «Гражданский процесс является не зависящим от произвола; здесь действует неизменный закон, и произвол влияет на проявление закона только в частных случаях; всякие попытки организовать гражданский процесс в противность основному закону оказывались безуспешными...» [16, с. 5]. «...Закон, вытекающий из природы человека, неизбежно требующий удовлетворения своих потребностей, в дальнейшем неизбежно порождающей между людьми столкновения в области частно-правовых отношений, с другой стороны закон самосохранения государства, неизбежно требующий водворения спокойствия в правоотношениях граждан. Пока будет существовать государство, признающее личность человека, – этот основной закон гражданского процесса будет оста-

ваться неизменным, определяющим процесс законом» [16, с. 8]. Современные философы также задались вопросом: «Если краткосрочная цель правосудия в том, чтобы прервать конфликт, то не состоит ли долгосрочная цель в том, чтобы восстановить социальные узы, положить конец конфликту, установить мир?» [21, с. 259].

Ложь, безусловно, является барьером в достижении этих целей. Вынесение судебного решения, не основанного на правде, не превращает конфликтную ситуацию в бесконфликтную. «Руководимая правдой личность отличается не только тем, что держится правил, исполняет обязанности и настойчива в правопритязаниях, но и тем, что берется не принимать фальши, даже если она узаконена» [1, с. 189].

Вступление в силу судебного решения, основанного на лжи по одному спору, лишь порождает новый спор между теми же сторонами. Суды оказались завалены исками. Работая с перегрузкой, суды порой стали относиться к рассмотрению дел более формально, решения их стали более поверхностными, не проникающими в суть конфликта. Некоторые же судьи, даже не пытаясь разрешить конфликт, по всей видимости, полагая, что это невозможно и что это не является целью судебного процесса, стали озабочены лишь тем, как вынести решение, которое устояло бы в вышестоящих инстанциях [28].

Более того, в недрах судебной системы вновь проросло желание вообще не мотивировать судебные акты [20]. Ранее, в начале XX века, Н. В. Крыленко обосновывал это тем, что мотивирование судебных актов является обременительным для простых рабочих, назначенных народными судьями, что требование мотивирования не соответствует воззрению на суд как на суд народной совести, что закон настолько доверяет судьям, что не требует объяснять, почему тому или иному доказательству придана вера или, наоборот, ее не придано [15, с. 78].

Хотя, конечно, сейчас инициаторы этого не указывают в качестве проблемы на сложность написания мотивированных судебных актов, а ссылаются на перегрузку судов.

Однако мотивированность судебных актов **является одним из средств, посредством которого поддерживается доверие к нижестоящим и вышестоящим судам** [27]. Юридическая сила суда в социальной реальности подтверждается качеством его решений, а не только критерием легальности [5, с. 270].

Функцией мотивированного решения является демонстрация сторонам, что их выслушали [19].

Возможно, «разрешение лжи в процессе» привело к потере у судов этой ценности процесса – зачем слушать ложь? Зачем ее описывать в судебном акте?

Таким образом, мы наблюдаем вначале допущение лжи в процессе, затем тотальное недоверие к сторонам, влекущее снижение уважения к правам сторон, а потом деформацию правосудия, грозящую ему вообще перестать быть таковым [29; 30].

При этом материальное право относится отрицательно к лжи и обману. В. Ф. Яковлев, один из создателей Арбитражного процессуального кодекса РФ, отмечал, что «метод гражданского процессуального регулирования является продолжением гражданско-правовой позволительности» [33].

Гражданский кодекс РФ предусматривает негативные правовые последствия равно как в ситуации с прямым обманом при заключении сделки (ст. 179 ГК РФ), при даче заверений (ст. 431.2 ГК РФ) и даже сокрытии информации (обман путем умолчания) (ст. 179, ст. 431.2, ст. 10 ГК РФ).

Полагаем, что появление термина «заверение»⁷ в какой-то степени обусловлено ранее нами упомянутым источником права – «fides».

⁷ Заверение – обнадёживающее заявление, уверение [10].

Это неудивительно, поскольку «bona fides» произошло от «fides». И. Б. Новицкий, характеризуя принцип «bona fides», указывал: добросовестность, или добрая совесть, по этимологическому смыслу таит в себе такие элементы, как знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении [18].

Очевидно, что принцип добросовестности не совпадает с запретом злоупотребления правом. Он шире, он не просто запрещает действия на причинение вреда. В частности, он предусматривает, что «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, **учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию**» (ч. 3 ст. 307 ГК РФ).

Соответственно, положения 1 абз. Ч. 2. Ст. 41 АПК РФ, требующие от лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, не должно восприниматься лишь как прелюдия к абз. 2 ст. 2 ст. 41, гласящей, что злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные АПК РФ неблагоприятные последствия.

Развитие принципа добросовестности в гражданском праве должно серьезнейшим образом повлиять на процессуальные кодексы и правоприменительную практику.

Принцип добросовестности не позволяет существованию «права на ложь». В процессуальном законодательстве и правоприменительной практике должны быть осуществлены изменения, которые обеспечивали бы эффективное противодействие лжи в процессе.

Литература

1. Арановский К. В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 6 (251). – С. 185–193.
2. Афанасьев С. Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Афанасьев Сергей Федорович. – Саратов, 1998. – 216 с.
3. Бартошек М. Римское право: Понятие, термины, определения. – М. : Юридическая литература, 1989. – 447 с.
4. Гаджиев Г. А. Закон «О Конституционном Суде РФ»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. – 2011. – № 10. – С. 17–26.
5. Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия. – М. : Nota Bene, 2005. – 328 с.
6. Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – Т. 1. – М., 2004.
7. Гусейнов А. А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? // Логос. – 2008. – № 5 (68). – С. 103–121.
8. Дождев Д. В. Добрая совесть (bona fides) как принцип правового общения // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновления / отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1996. – С. 29–40.
9. Докучаева Т. В. Гражданско-процессуальная доктрина истины в России конца XIX–XX веков (Историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Докучаева Татьяна Васильевна. – М., 1999. – 181 с.
10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М. : Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/>
11. Иоффе О. С. Советское гражданское право : курс лекций. – Ленинград : Изд-во Ленингр. Ун-та, 1958.
12. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980. – С. 232–237.

13. Карлявин И. Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве // *Lex Russica*. – 2015. – Т. 98, № 1 – С. 130–140.
14. Коциоль Х. От обязательства на основании сделки к ответственности за утрату доверия // *Вестник гражданского права*. – 2013. – № 5. – С. 263–282.
15. Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР : лекции по теории и истории судоустройства. – М. : Юрид. изд-во НКЮ, 1924. – 406 с.
16. Малинин М. И. Теория гражданского процесса. – Одесса : Тип. П. А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1881.
17. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблема теории и практики. – М. : Статут, 2019. – 278 с.
18. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // *Вестник гражданского права*. – 2006. – Т. 6. – С. 124–181.
19. Постановление Европейского суда по правам человека от 22 февраля 2007 г. Дело «Татишвили (Tatishvili) против Российской Федерации» (жалоба № 1509/02). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=65613#04825553133937528>
20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 года № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=11612
21. Рикёр П. Справедливое. – М. : Гнозис : Логос, 2005. – 299 с.
22. Розин Н. Н. Процесс, как юридическая наука // *Журнал Министерства юстиции*. – 1910. – октябрь. – С. 43. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=119774>
23. Рубанов А. А. Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания // *Судебная практика как источник права*. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1997. – С. 42–47.
24. Рязановский В. А. Единство процесса. – М. : Юрид. бюро «Городец», 1996. – 75 с.
25. Соловьев В. С. Категорический императив нравственности и права. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 416 с.
26. Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки прикладной этики // *Антология российской естественно-правовой мысли : монография : в 3 т. / А. Г. Чернявский, А. С. Куницын, А. Л. Воронцов*. – Т. 2. – М. : ИНФРА-М, 2019. – С. 79.
27. Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // *Закон*. – 2014. – № 8. – С. 114–118.
28. Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 2. – С. 11–14.
29. Султанов А. Р. Правосудие не может быть немотивированным! // *Закон*. – 2018. – № 1. – С. 38–49.
30. Султанов А. Р. Упрощение судопроизводства, или по ком звонит колокол? // *Вестник гражданского процесса*. – 2018. – Т. 8, № 5. – С. 79–102.
31. Уткин Г. Н. Идея правды в отечественной правовой мысли : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Уткин Григорий Николаевич ; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. – М., 2008. – 26 с.
32. Хаббард Л. Р. Целостность личности // *Scientology network* : [сайт]. – URL: <https://www.scientology.tv/ru/series/l-ron-hubbard-library-presents/personal-integrity.html> (дата обращения: 02.07.2019).
33. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений // *Яковлев В. Ф. Избранные труды*. – Т. 2. – М. : Статут, 2012. – С. 89.

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Department of PJSC Nizhnekamskneftekhim,
member of Association for Better Living and Education (ABLE) (Nizhnekamsk)

Notes on the right to lie in the process from a philosophical perspective

The author considers the problem of lying in the process in terms of philosophy and regarding substantive law not permitting lying in transactions.

Key words: lie; right to lie; trust; good faith; justice.

|| ФИЛОСОФИЯ

К проблеме современности в контексте восприятия исторического времени

В статье представлена попытка соотнесения современности как эпохи с пониманием ее в качестве индивидуального переживания на примере восприятия исторического времени. Выделен ряд черт восприятия времени, которые З. Бауман и Ю. Хабермас представляют как специфичные характеристики эпохи Модерна/Нового времени. Проведенный анализ показал, что только часть из предлагаемых черт в восприятии времени могут быть отнесены к сдвигам, определяющим особенности эпохи (появление технических средств передвижения, приборов для измерения времени и т. д.) Другие стоит отнести к свойствам индивидуального переживания современности, в частности интенсивность переживания «сейчас», которое возможно в разные эпохи и выступает как указание на культурные сдвиги. При этом ощущение времени как уникального, ускоренного стоит рассматривать в контексте «абберрации близости», определяемой как склонность к преувеличению значимости событий, более близких во времени. Здесь также необходимо учитывать степень осведомленности наблюдателя о событиях, выходящих за пределы его повседневного опыта, и теоретическую подготовку к его осмыслению, включая глубокое знание истории других культур, без которой возникает «абберрация дальности», как недооценка событий прошлого.

Ключевые слова: современность; историческое время; Новое время; индивидуальное переживание; интенсивность переживания «сейчас».

Современность, ее специфика, ее особые проблемы, возможность постановки и решения задач – это то, что не теряет актуальности. Условно можно выделить три подхода к пониманию современности: 1) это текущий момент, «сейчасность» «со-присутствие в абстрактной единице “астрономического” времени» (определение Б. Г. Капустина) [5, с. 13], 2) это эпоха, 3) это индивидуальное переживание современности. Первая трактовка современности особых обсуждений не вызывает. Вторая является наиболее обсуждаемой, идет ли речь о конкретной единственной эпохе (Модерн, или Новое время), начало которой разные исследователи относят то к 1500 г. (Г. В. Ф. Гегель), то к середине XIX в. (Т. В. Адорно) в зависимости от того, какими критериями для ее выделения они пользуются; наиболее распространенная точка зрения связывает ее наступление с XVII в. Кроме того, рассматривается ее деление на периоды или конец, связанный с такими явлениями, как Новейшая история и Постмодерн; или это тип общества, переживающего столкновение с проблемой, вызовом, содержание которого может быть разнообразным (Капустин, с. 16). В третьем смысле самосознание может принадлежать к одной-единственной эпохе (как специфичное, характерное лишь для нее); или как периодически встречающееся на определенных этапах, соотносящее себя с прошлым и осознающее себя как «новое» в отношении со старым (Г. Р. Яусс); но может быть рассмотрено и как возможное в разные эпохи для отдельных личностей, которые и являются современными (А. В. Павлов).

Интерпретации современности как эпохи и как индивидуального переживания не противоречат друг другу и вполне могут сочетаться. В таком случае возникает ряд вопросов: возможно ли отличить собственные характеристики эпохи от специфики индивидуального переживания современности? Если да, то как индивиду-

* Елена Александровна Фоминых, канд. филос. наук, доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (г. Екатеринбург).

альное переживание влияет на оценку событий? Поиск ответов на эти вопросы и будет занимать нас в данной статье. Поскольку материал по проблеме очень обширен, остановимся лишь на одном аспекте современности: восприятии исторического времени.

За характеристиками специфики восприятия времени в эпоху Нового времени обратимся к таким авторитетным авторам, как З. Бауман и Ю. Хабермас, в работах которых интересующие нас характеристики представлены в концентрированном виде. Безусловно, есть немало иных текстов, однако в силу небольшого объема статьи мы оставляем их за пределами нашего внимания.

В ставшем классическим труде «Текущая современность» З. Бауман высказывает мысль о том, что современность начинается, когда пространство и время отделяются от жизненной практики и выступают как не связанные между собой стратегии, они имеют однозначное соответствие. В современности время получает историю в связи с изменением длины пространства, которая может быть преодолена за единицу времени. Идея скорости предполагает изменчивость отношений между пространством и временем. Использование механизмов вместо конских ног привело к разрушению прежних ограничений [2, с. 15]. Далее Бауман развивает эти мысли и отмечает, что отделение времени от пространства стало возможным, когда с изобретением механизмов оно стало управляемым, с пространством этого не случилось. Прежнее «пользовательское» обеспечение не давало никому преимуществ в перемещении, «аппаратное обеспечение» стало источником конкуренции и неравенства. Бауман дает следующее определение современности: «...это такое время, когда время имеет историю» [2, с. 120]. И далее продолжает: «Современность была рождена под звездами ускорения и завоевания земли, а эти звезды образуют созвездие, которое содержит всю информацию о ее характере, поведении и судьбе» [2, с. 123]. На следующем витке, с возникновением мира «программного обеспечения», пространство становится доступным в любой момент из любой точки, оно может быть пересечено в «нулевое время» и потому теряет свою ценность. Развивая мысли Коэна, Бауман пишет, что это «новая неуместность пространства, замаскированная под полное уничтожение времени» [2, с. 128]. Поскольку ценность пространства определялась временем, которое требовалось на его преодоление, то теперь стерлось всякое различие в ценности пространства. Впрочем, Бауман отмечает некоторую иллюзорность данного построения, указывая на то, что каким бы малым ни было время, затрачиваемое на преодоление пространства, оно не исчезло вовсе, и какими бы мощными ни были процессоры, они все же тратят время на вычисления, подлинная мгновенность не достигнута.

Ю. Хабермас вслед за Г. Р. Яуссом отмечает, что слово «modernus» начало употребляться с конца V века для разграничения христианской современности и римско-языческого прошлого. Позднее термин «modernitas» употребляется для указания на разрыв, на переход от «старого» к «новому», и всякий раз речь идет о различных трансформациях культуры, которые субъективно переживаются сходным образом. Хабермас пишет: «И это касается не только Ренессанса, с которого начинается Новое время для нас. Люди считали себя “современными” (modern) и в эпоху Карла Великого, и в XII веке, и в эпоху Просвещения, т. е. всякий раз, как в Европе через обновленное отношение к древним формировалось сознание той или иной новой эпохи» [7, с. 8].

В следующей работе, развивая тему модерна, Хабермас переходит к анализу дискурса современности как эпохи. Он отмечает, что модерн становится философской проблемой в работах Г. В. Ф. Гегеля, который ставит себе целью постижение мысли своего времени. Для философа на первое место выступает субъективность, именно в ней видится специфика эпохи: «Величие нашего времени в

том, что признана свобода, собственность духа, заключающаяся в том, что он есть в себе и у себя» [8, с. 17]. Далее Хабермас переходит к анализу взглядов В. Беньямина, которые характеризует следующим образом: «Беньямин так резко разворачивает вокруг оси “сейчасного времени” характерную для Нового времени радикальную ориентацию на будущее, что она превращается в еще более радикальную ориентацию на прошлое» [8, с. 23]. Философ разрабатывает понятие «сейчас» как предельно насыщенное, наполненное ожиданием обновления. Далее Хабермас обращается к идеям Р. Козеллека, который обосновывает ориентацию Нового времени на будущее, которое возникло после разрушения прежних установок крестьянского мира и привело от ориентации опыта предков к ориентации на опыт прогресса. При этом Хабермас подчеркивает, что открытость современности к будущему определяет доступ и само отношение к прошлому. С одной стороны, современность связана с прошлым «цепью общей сквозной судьбы», с другой стороны, при этом доминирует «горизонт ожидания». Беньямин, по мнению Хабермаса, переворачивает изложенное выше соотношение. И тогда прошлое описывается как наполненное несбывшимися ожиданиями, в то время как настоящее наполняется таким переживанием прошлого, что его накал приближается к «мессианской силе».

Выделим значимые характеристики изменений понимания времени, предлагаемые Бауманом и рассмотренные Хабермасом. Бауман отмечает: 1) отделение времени от пространства; 2) подчинение времени, 3) возникновение идей скорости и ускорения, 4) появление истории времени. Хабермас выделяет: 1) философское самосознание и обоснование эпохи, 2) интенсивность наполненности переживания «сейчас», 3) ориентацию на будущее, 4) перевернутую связь прошлого с настоящим.

Для дальнейшего разбора этих представлений о времени введем два важных замечания. Первое связано с исторической дистанцией, которая влияет на восприятие времени, второе касается неоднородности носителей культуры.

О. Шпенглер в «Закате Европы», рассуждая о принятой периодизации истории, указывает на проблему дистанции, т. е. преувеличение значимости недавних событий: «XIX столетие кажется нам бесконечно более богатым и важным, чем, скажем, то же столетие до Р. Х., но ведь и Луна кажется нам большей, чем Юпитер и Сатурн» [9, с. 249]. Подобное искажение связано с предрассудками, увязанными с определенной позицией наблюдателя, которую Шпенглер характеризует как случайно-современную, обусловленную «сиюминутно значимыми идеалами и интересами».

Позднее эту проблему вновь поднимает Л. Гумилев и вводит понятия «абerrация близости» и «абerrация дальности». Под первой понимается искажение восприятия времени, ведущее к оценке близких событий как более значимых по сравнению с более дальними [3, с. 155]. Вторая предполагает преуменьшение значимости удаленных эпох [3, с. 161]. Ученый показывает, что в любую эпоху можно обнаружить свидетельства переживания текущих событий как масштабных, особо значимых по отношению к предшествующему культурному опыту. При этом значимость эпохи измеряется интенсивностью изменений, происходящих в культуре, и здесь значение могут иметь явления разномасштабные: «На самом деле история Китая развивалась не менее интенсивно, чем история стран Средиземноморского бассейна. Но, чтобы увидеть эту страстную напряженность жизни этносов, возникавших и пропадавших на территории Китая, надо оторваться от любования предметами искусства и зигзагами абстрактной мысли и последовательно проследить перипетии тысячелетней войны на рубеже Великой стены с кочевниками Великой степи» [3, с. 162–163].

Еще один момент, который следует учитывать, – это огромная дистанция, которая существует между осмыслением мира интеллектуалом и простецом, если принимать терминологию и деление, используемое в медиевистике. Большинство письменных свидетельств о самосознании эпохи принадлежат художникам и ученым, людям, которые специально занимались определенными вопросами, а потому переносить их взгляды на простых людей можно только условно [4, с. 8–10].

Вернемся вновь к характеристикам времени, выделенным Бауманом.

Вопрос об отделении времени от пространства представлен Бауманом следующим образом. Он утверждает, что старая система, увязывавшая эти две категории, перестала действовать, и приводит следующий пример: на вопрос «Как далеко отсюда?» в прежние времена можно было услышать ответ «Около часа хода или немного меньше, если идти быстрым шагом»; сегодня ответу будет предшествовать уточнение: «У Вас автомобиль? Или Вы пойдете пешком?». Безусловно, знания физики у людей присутствуют, однако невозможно согласиться с тем, что подобный способ отвечать для повседневного сознания утратил свое значение. Даже если мы уточняем, на автомобиле намерен передвигаться наш собеседник или пешком, разрыв в представлениях о перемещении будет не столь велик, если предположить уточняющий вопрос, намерен ли он совершить путешествие верхом на лошади или пешком. Можно предположить, что представление о различной скорости преодоления пространства существовали и до появления технических средств передвижения. Иное дело, что скорости эти действительно выросли и постоянно идет работа над их увеличением. При этом в повседневной жизни отнюдь не произошло полного отказа от прежнего способа отношения между пространством и временем. Мы продолжаем ходить пешком дома, на работе, в магазине, то есть существуют пространства, где продолжает использоваться исключительно «пользовательское обеспечение». У нас не вызывают непонимания указания «в пяти минутах ходьбы», «в получасе езды на машине». При этом, что характерно, указания на модель машины совсем не требуется, вероятно, по той причине, что правила дорожного движения местами уравнивают возможности мощного автомобиля с его менее резвым собратом. Если посмотреть на перемещения при помощи общественного транспорта, то также можно сделать любопытное наблюдение. Так, расстояние между Екатеринбург и Москвой на самолете преодолевается примерно за 2 часа, на поезде в среднем за 28 часов: не видно никаких разительных перемен за последние полстолетия. Остается предположить, что и развитие техники идет постепенно, скорости перемещения успешно сохраняются в течение длительных сроков, что позволяет к ним привыкнуть и до определенной степени на бытовом уровне воспринимать как аналогичный дотехническому набор соотношений пространства/времени.

Следующий пункт связан с получением человечеством власти над временем. С одной стороны, речь идет о достижениях в развитии науки, предоставившей возможность измерять время с высокой точностью. С другой стороны, вместе с вхождением в обиход механических часов появилась возможность более точно планировать свое время, а отсюда возникла замечательная фраза Б. Франклина «Время – это деньги». Власть над временем позволяет подчинять пространство. Но как это коррелирует с повседневным опытом? Чувствует ли себя победителем пространства и управляющим временем житель мегаполиса, который стоит в «пробке» или ждет застрявший где-то трамвай? Безусловно, у него есть представление о времени и необходимость в него уложиться, но не оказывается ли при этом, что время и пространство продолжают сопротивляться, а идея господства над ними остается только недостижимой мечтой? Постоянная публикация все новых руководств по тайм-менеджменту служит в пользу этой мысли.

Следующий момент связан с возникновением идей скорости и ускорения. Действительно, появление машин привело к увеличению скорости перемещения, но опять же возникает вопрос: в какой степени обыватель XXI века может оценить разницу между «днем конного пути» и преодолением того же расстояния на поезде? Учтем, что скорость движения поездов не меняется продолжительное время, а появление скоростных «ласточек» добавляет еще один вариант перемещения между тем же поездом и самолетом. Возможно ли в наши дни пережить то же впечатление от смены лошадей на паровозы, как было в XIX в.? Ощущает ли в этих условиях обыватель ускорение времени именно через скорость перемещения в пространстве? Или ускорение для него увязывается со скоростью работы гаджетов? Иными словами, не происходит ли очередная смена параметров измерения интенсивности жизни, не относится ли скорость к «сиюминутным идеалам» по Шпенглеру? Скорость в повседневной жизни связана с перемещением в пространстве, с работой электронной почты, появлением интернет-магазинов, онлайн-банков и т. д. Это удобно, это экономит время, но является ли ускорение отдельных операций ускорением времени на фоне медленного развития сфер этики и права?

Следующий пункт, касающийся истории времени, отчасти увязывает идеи Баумана и Хабермаса. Это вопрос об уникальном самосознании эпохой самой себя, обнаружении и обосновании своей специфики. Для сравнения с рассмотренными выше идеями Гегеля и Бенямина приведем всего один пример из текста другой эпохи. Так, историк Полибий пишет о своем времени: «Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели; согласно с этим и нам подобает представить читателям в едином обозрении те пути, какими судьба осуществила великое дело <...> И в самом деле, изобретая много нового и непрестанно проявляя свою силу в жизни людей, судьба никогда еще по настоящее время не совершала ничего подобного и не давала такого свидетельства своей мощи» [6]

Здесь стоит отметить, конечно, что текст не носит философского и столь фундаментального характера, как изыскания, приведенные ранее. Здесь также нет черт, полагаемых характеристиками эпохи Нового времени. Однако здесь налицо осознание собственного времени как специфического, уникального, особо значимого на фоне предыдущей истории, здесь также есть указание на силу, которая управляет жизнью людей. Отсюда можно сделать вывод, что вопрос об уникальности своего времени на фоне истории уже ставился и задолго до Нового времени, хотя ответы были иными.

Следующего пункта – интенсивности переживания времен – мы уже касались в связи со взглядами О. Шпенглера и Л. Гумилева, которые предлагают учитывать разные формы наполнения времени, которые обеспечивают интенсивность переживания своей эпохи. В этой парадигме и судьба, подчинившая все цели завоевания Римом всей ойкумены по Полибию, и достижение познания своей свободы и возвращение к себе Абсолютного Духа по Гегелю, и возникновение нового искусства, порождающего модерн как «отрицание того, что уже не имеет права на существование» по Адорно [1, с. 34], и многие другие феномены, при всем их несхождении, могут рассматриваться как сопоставимые по интенсивности переживания.

Вопросы об ориентации на будущее и о связи прошлого с настоящим мы рассмотрим вместе, а для создания контекста вновь обратимся к работе Гумилева. Он увязывает восприятие времени в культуре со стадиями существования этносов. Первую он называет «пассеизм» и характеризует как ощущение приращения прошлого, носители такого восприятия времени полагают, что продолжают тра-

диции предков, хотя и создают нечто новое в действительности. Следующая стадия – актуализм, при котором люди сосредоточены на своем «здесь и сейчас» и не хотят знать ни прошлого, ни будущего. Третий тип восприятия времени, футуризм, предполагает отказ от прошлого и настоящего во имя будущего: «Прошлое отвергается как исчезнувшее, настоящее – как неприемлемое, реальной признается только мечта» [3, с. 98]. На четвертой стадии интерес ко времени исчезает полностью.

Безусловно, отождествление направленности в будущее в восприятии эпохи Нового времени с футуризмом Гумилева выглядит достаточно спорно. Тем не менее на уровне постановки проблемы видится вполне возможным: поиск указания на состояние культуры через ее отношение ко времени, через анализ отношения прошлого и современности может быть интересен и достоин отдельного исследования.

В качестве итога вышесказанному отметим, что отделение времени от пространства представляется не столь радикальным и многие черты этого отношения сохраняются только в другом наборе скоростей перемещения. Что касается власти над временем, то и она достаточно условна и касается лишь некоторых областей. Далее, не вполне понятно, как измерять изменения в глобальной перспективе, ведь речь идет об изменениях, доступных специалисту, а не простому обывателю, для которого этот опыт недоступен. Но тогда возникает вопрос: в какой степени можно говорить об ускорении времени, если многие изменения в повседневном опыте не представлены, т. е. не существуют для большинства людей? Что касается осознания уникальности своей эпохи на фоне всего исторического процесса, то подобные прозрения случались и до Гегеля, хотя имелись в виду иные смыслы, иные параметры для обоснования беспрецедентной значимости именно своего времени. Собственно, интенсивность переживания «сейчас» характерна не только для Нового времени, но и для любой эпохи больших перемен. При этом специфичность восприятия времени как открытости будущему, особая связь прошлого и современности, характерная для эпохи Нового времени, может быть пересмотрена в контексте интерпретации восприятия исторического времени Гумилевым как указания на возраст и состояние культуры.

Таким образом, попытка разграничения собственных черт эпохи и специфики субъективного восприятия современности в аспекте временных характеристик является скорее постановкой проблемы, чем обнаружением удовлетворительного ответа на нее. При этом стоит отметить, что ряд черт, интерпретируемых авторами как свойство исторического периода, сохраняет свое значение, другие же оказываются под вопросом при анализе и сопоставлении с описанием восприятия своего времени в другие эпохи. Представляется, что дальнейший поиск в предложенном направлении может стать плодотворным и затронуть иные аспекты восприятия современности.

Литература

1. Адорно Т. В. Эстетическая теория / пер. с нем. А. В. Дранова. – М. : Республика, 2001. – 527 с.
2. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – М. : Рольф, 2001. – 560 с.
4. История уродства / под ред. У. Эко; [пер. с итал. А. А. Сабашниковой, И. В. Макарова, Е. Л. Кассировой, М. М. Сокольской]. – М. : Слово/Slovo, 2007. – 456 с.: ил.
5. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. – М. : РОССПЭН, 1998.
6. Полибий. Всеобщая история [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1445001000> (дата обращения: 04.09.2019).

7. Хабермас Ю. Модерн незавершенный проект [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (дата обращения: 30.08.2019).

8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. – 2-е изд. испр. – М. : Весь мир, 2008. – 416 с.

9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М. : Мысль, 1998. – 663 с.

Elena Aleksandrovna Fominykh,

Candidate of Philosophical sciences, associate professor of Philosophy,
Culturology and Art history chair of Russian State Vocational Pedagogical University
(Yekaterinburg)

To the problem of modernity in the context of historical time

The article attempts to interpret Modern times as an epoch reflected on as an individual experience by the example of perceiving historical time. The author singles out some features of time perception presented by Z. Bauman and J. Habermas as specific characteristics of the era of Modern/New Times. The analysis showed that only a part of these time perception characteristics could be referred to the shifts that define the epoch specificity (emergence of vehicles, instruments for time measurement, etc.). The other ones could be taken as a kind of individual experience of modernity, in particular, the intensity of “now” experience which can possibly act as an indicator of major cultural shifts. And a sensation of time as unique and accelerated should be viewed in the context of the “aberration of proximity” as an inclination to overestimate closer-in-time events. There is the necessity to take into consideration an observer's degree of awareness about the events beyond his daily experience, his theoretical instruction including insights into other cultures' history. This is helpful to avoid “aberration of distance” as the underestimation of the past.

Key words: Modern/Contemporary time; Modern times; historical time; individual experience; intensity of “now” experience.

Коммеморативные практики в образовании и конструирование культурной идентичности

Статья посвящена актуальным для современности способам конструирования культурной идентичности через коммеморативные практики, воспроизводящиеся в современном российском образовании. Логику и процессы в современном образовании автор рассматривает в контексте общей модели кризиса культуры и угрозы социальной аномии. Методологической основой интерпретации выступает *memory studies*. В статье анализируются особенности реализации политики памяти в образовании. Делается вывод о задачах, которые решают педагоги: через эмоциональное переживание формировать ценностное отношение к истории своей страны, создавая фундамент для гражданской и культурной идентичности. На примере коммеморативных практик, посвященных событиям Великой Отечественной войны, раскрывается двойственность отношения к историческому событию. Отмечается, что участие в различных коммеморативных практиках является действенным механизмом формирования идентичности через приобретение социального опыта в единстве переживания, познания и действия.

Ключевые слова: коммеморативные практики; образование; идентичность; *memory studies*; кризис культуры; аномия.

Сегодня едва ли не каждое событие, происходящее в образовании (будь то изменения в ЕГЭ или введение «культурных нормативов», цифровизация или вопросы воспитания, новые федеральные образовательные стандарты или зарплаты педагогов), вызывает бурную реакцию в СМИ, социальных сетях и родительских сообществах, что свидетельствует, с одной стороны, о фокусе общественного внимания, а с другой – о внутреннем неблагополучии и институциональном кризисе. Проблема в том, что негативное отношение к происходящему в образовании воспроизводит латентный внутренний конфликт в обществе, которое не до конца определилось с путями собственного развития и ценностными ориентирами. В то же время образование выступает той сферой, которая хранит и воспроизводит социально-культурные стереотипы и создает мост между прошлым и будущим, обеспечивая механизм культурной наследственности. Можно допустить, что анализ отдельных образовательных практик можно экстраполировать на другие социальные процессы, выявляя их сущностные противоречия.

Цель нашей статьи: раскрыть актуальные для современности способы конструирования культурной идентичности через коммеморативные практики, воспроизводящиеся в современном российском образовании. Логику и процессы в современном образовании можно интерпретировать в контексте общей модели кризиса культуры и угрозы социальной аномии.

Кризис культуры – явление, достаточно хорошо изученное в философско-культурологическом дискурсе, раскрывается через ключевое понятие кризиса ценностей. Почти век назад Н. А. Бердяевым в известном докладе «Духовное состояние современного мира» отмечалось: «...европейский человек... не верит больше в прогресс, в гуманизм, в спасительность науки, в спасительность демократии, он сознает неправду капиталистического строя и изверился в утопии совершенного социального строя» [3, с. 56–57], – и это в полной мере можно отнести к современному российскому обществу. В ситуации ценностной множествен-

* Ирина Яковлевна Мурзина, доктор культурологии, профессор, директор ООО «Институт образовательных стратегий» (г. Екатеринбург).
E-mail: email@instos.ru

ности, ведущей к дезориентации личности в системе социальных связей и коммуникаций, вопросы воспитания молодого поколения становятся все более острыми, а избираемые средства находятся под пристальным вниманием общественности. При этом онтологический статус личности во внимание практически не принимается.

Кризис культуры можно рассматривать в проекции теории об аномии (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, Р. Маккайвер и др.). Это позволяет выявить ряд характеристик современного человека, которые можно было бы определить как значимые для образования.

Аномию рассматривают в нескольких проекциях: как отсутствие/разрушение норм, обеспечивающих консолидацию в обществе, и как рассогласование целей и средств в социальных практиках. Она характеризует дезинтеграцию и разрыв устойчивых социальных связей в ситуации усиливающихся кризисных явлений в индустриальную эпоху. Для нашего исследования важен набор личностных характеристик, которые отличают аномичного человека, а именно: дезориентация и дезадаптация в социальном пространстве, обусловленные отчужденностью и нравственной пустотой, социальная безответственность, связанная с «духовной стерильностью» (Р. Мертон) и неспособностью к эмпатии, крайним случаем которой являются девиации вплоть до самоубийства. Аномичный человек в ситуации кризиса культуры, когда устоявшиеся формы трансляции социального опыта либо разрушены, либо не работают, утрачивает цель жизни, находясь в круговороте разноректорных интересов и постоянных изменений. Спектр реакций – от конформизма до мятежа – определяет социальное поведение индивида в ситуации разорванных связей и выступает в системе образования знаком для педагогического воздействия и, если необходимо, коррекции.

Поскольку аномия представляет собой серьезную угрозу общественному благополучию, постольку вопрос о ее преодолении выступает на первый план. Для образования как социальной институции, настроенной на обеспечение смысловой наполненности существования человека, задающей векторы для его саморазвития и выступающей механизмом трансляции-приобщения к социальному опыту, очень важно найти позитивные сценарии личностной актуализации. Не случайно одной из целей Национального проекта «Образование» стало «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций» [9]. Если оставить «за скобками» недостаточную конкретизацию задач и описание результатов достижения поставленной цели, то можно увидеть, что за привычными еще с советских времен словесными формулами сквозит желание создать ценностные основания для нравственного поведения и действия. Буквально в соответствии с риторическими вопросами, сформулированными Э. Дюркгеймом: «Естественным образом мы не склонны стеснять и принуждать себя. Поэтому если нас непрерывно не побуждают к тому, чтобы принуждать себя, без чего нет морали, то откуда возьмется у нас эта нравственная привычка? Если в процессе занятий, заполняющих почти все наше время, мы не следуем никакому иному правилу, кроме, разумеется, нашей выгоды, то как появится у нас склонность к бескорыстию, самоотдаче, самопожертвованию?» [6, с. 8].

В силу того что в ситуации кризиса культуры найти в актуальной современности устойчивые ориентиры оказывается проблематичным, поиск нравственных основ ведется в исторической ретроспективе. Одним из направлений становится формирование позитивной культурной идентичности через приобщение к историческому прошлому страны, региона, семьи.

Для понимания этих процессов стоит обратиться к концепции *memory studies*, акцентирующей вопросы формирования, трансляции и репрезентации историче-

ской памяти социальных групп и обществ. Даже если согласиться, что «прошлое – другая страна» (Д. Лоуэнталь), то вопрос о возможностях его познания и конструирования/мифологизации все еще остается актуальным.

Мы согласны с А. Г. Васильевым, который констатировал, что «...ключевым положением исследований социальной (культурной) памяти является принцип взаимной зависимости памяти сообщества и его идентичности» [4, с. 143]. Более того, развитие исторического сознания и исторической памяти мы можем определить как один из магистральных трендов в современных российских образовательных практиках. Однако остается вопрос о качественных характеристиках этого процесса. Если продолжить мысль А. Г. Васильева, то мы увидим механизм, который «запускается» в процессе формирования идентичности, – манипуляцию с «образами “нашего” прошлого» и становление «мемориального канона», который «сам начинает активно поддерживать идентичность и препятствовать ее произвольному изменению» [4, с. 143].

Как отмечает А. В. Дахин, «специфика коллективной памяти в том, что она непосредственно связана с групповыми или массовыми действиями людей, которые подчиняются определенным правилам, проходят по определенным маршрутам, создают определенный хореографический, звуковой, пластический рисунок и декорации для него» [5, с. 204]. Опираясь на работы, посвященные анализу исторической памяти (М. Хальбвакс, Я. Ассман, П. Нора и др.), мы можем раскрыть потенциал коммеморативных практик в контексте формирования культурной идентичности.

Общность исторической памяти, репрезентированная в артефактах, текстах, обрядах и традициях как воплощенное единство исторической судьбы, выступает консолидирующим началом для социальных групп и обществ. Соответственно, понимание событий, героев или явлений, маркированных в коллективной памяти как «своих», становится условием формирования культурной идентичности, что, в свою очередь, является «руководством к действию» для системы образования: познакомить с историческими коллизиями и сформировать позитивный образ коллективного прошлого.

Остается актуальной мысль А. Ассман о связи прошлого и будущего как условии благополучия культуры: «Благополучие всякой культуры зависит от ее способности актами памяти и поминовения привносить свое прошлое в настоящее, причем не только чтобы приобрести необходимый опыт и ценное знание, получить образцовые модели и воспользоваться непреходящими достижениями, но и чтобы помнить о негативных событиях истории и не терять чувства ответственности перед ней. Без прошлого немыслимы никакая идентичность, никакая ответственность, никакая ориентация» [2].

Функцию «опрокидывания» прошлого в настоящее выполняют коммеморативные практики – способы увековечивания памяти в виде монументов, памятных мест, музейных экспозиций, создания календаря памятных дат и празднования значимых событий коллективной истории. Как отмечал А. Мегилл, «коммеморация *возникает в настоящем* (выделено автором. – И. М.) из желания сообщества, существующего в данный момент, подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [8, с. 115].

Традиционно связывают два процесса – коммеморации и политики памяти, при этом последнюю рассматривают как «целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков,

учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» [1, с. 36]. В образовании происходит реализация политики памяти.

Одним из направлений выступает такая образовательная практика, как «приобщение к историческим традициям». Она осуществляется и на уроках социально-гуманитарных дисциплин (истории, литературы, основ религиозных культур и светской этики), и во внеурочной деятельности (музейно-экскурсионные и туристско-краеведческие практикумы), и в воспитательной работе (организация мемориальных мероприятий). Приобщение к традициям раскрывается на двух уровнях: информационном (знания об исторических событиях, о «героях» прошлого, о местах сражений и т. п.) и деятельностно-событийном (создание исследовательских проектов, творческая деятельность или участие в мемориальных действиях). Важным условием приобщения к традициям становится эмоциональное переживание прошлого (коллективное, совместное *со-переживание*), обеспечивающее «живую связь» с настоящим.

Собственно перед педагогами и стоит задача: через эмоциональное переживание (*со-чувствие*) формировать ценностное отношение к истории своей страны, создавая фундамент для гражданской и/или культурной идентичности. Справедливости ради отметим, что так сформулированная задача – не собственно российское «изобретение»: подобные задачи решают практически все образовательные системы, но в силу кризисных явлений в отечественной культуре мы воспринимаем эти действия довольно болезненно, особенно если вспомнить постоянно довлеющий над нами травматический опыт индоктринации советского времени.

Если обратиться к коммеморативным практикам, развивающимся в последнее время, то мы увидим в большей степени воспроизведение форм советского времени, которые в силу зафиксированности в коллективной памяти педагогов становятся доминирующими. Нельзя не согласиться с Н. И. Чуркиной, которая подчеркивает, что «несмотря на смену идеологии, отработанная схема проведения коммемораций в образовании сохранялась (с дореволюционного времени. – *И. М.*): вместо богослужения проходил митинг, также проводились торжественные акты, возложение цветов, проведение праздников и вечеров. К традиционным формам коммемораций в последнее время добавились акты, связанные с распространением массовой культуры, – флешмобы, конкурсы видеороликов, онлайн-конференции и др.» [10, с. 43].

2020 год объявлен в России Годом памяти и славы. В связи с празднованием 75-летия Победы в Великой Отечественной войне запланировано множество мероприятий, многие из которых ориентированы на детей и молодежь в контексте патриотического воспитания и формирования гражданской идентичности. Остается актуальной задача оценки эффективности этих практик. Сошлемся на проведенное М. А. Красноборовым несколько лет назад исследование практик конструирования и репрезентации исторической памяти о Великой Отечественной войне в современной российской школе, в котором сделан неутешительный вывод о том, что в школе события войны преподносятся как торжественные и значимые, но скорее деперсонализированные; война воспринимается школьниками как «героический экшн», а не как страдание и горе; репрезентации войны свидетельствуют о «преобладании “торжествующего” меседжа над меседжем благодарности и мира» [7, с. 18].

Таким образом, эффективность коммеморативных практик в формах участия в конкурсах, конференциях, встречах с еще живущими ветеранами войны, создании школьных СМИ на военно-историческую тему и пр. не позволяет говорить о решенности педагогических задач.

Возможно, одним из путей восстановления эмоциональной связи с трагическими событиями Великой Отечественной войны могло бы стать включение

школьников в создание проектов «живой истории», основывающейся на воспоминаниях участников тех событий – как на фронте, так и в тылу, сборе артефактов-свидетельств времени, сохранении мест памяти. Пока же мы наблюдаем направленную деятельность по созданию образов памяти, плохо соотносящихся с горькой исторической правдой о войне.

Подводя итог, отметим, что участие в различных коммеморативных практиках является действенным механизмом формирования идентичности, поскольку позволяет связать опыт-переживание, опыт-познание и опыт-действие воедино. Однако для российского образования все еще актуальной задачей остается поиск адекватных форм реализации, которые будут осознаны обществом как позитивный сценарий преодоления кризисных явлений в социально-культурной жизни.

Литература

1. Аникин Д. А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. Сер : Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. – С. 34–38.
2. Ассман А. Трансформации нового режима времени / пер. с англ. Вл. Кучерявкина под ред. А. Скидана // НЛО: Новое литературное обозрение. – 2012. – № 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/4/transformaczii-novogo-rezhima-vremeni.html> (дата обращения: 28.08.2019).
3. Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира // Путь. – 1932. – № 35. – Сентябрь. – С. 56–68.
4. Васильев А. Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13, № 2. – С. 141–167.
5. Дахин А. В. Коллективная память сообщества: невидимые структуры неизвестного знания // Метод. – 2016. – № 6. – С. 198–214.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Предисловие ко второму изданию // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. – М. : Наука, 1990. – 575 с.
7. Красноборов М. А. Визуализация Победы: практики конструирования и репрезентации исторической памяти о Великой Отечественной войне в современной российской школе // Общество: социология, психология, педагогика. – Краснодар : Изд. дом «Хорс», 2017. – № 6. – С. 15–19.
8. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
9. Национальный проект «Образование» // Стратегия РФ : федеральная деловая сеть. – 2019. – 10 янв. – URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsional-nyu-proyekt-obrazovaniye> (дата обращения: 28.08.2019).
10. Чуркина Н. И. Коммеморативные практики в российском образовании как метод историко-педагогических исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2016. – № 6 (33). – С. 37–44.

Irina Yakovlevna Murzina,

Doctor in Culturology, professor, director of LLC “Institute of Educational Strategies”
(Yekaterinburg)

Commemorative practices in education and construction of cultural identity

The article outlines contemporary methods of constructing cultural identity through commemorative practices reproduced in modern Russian education. The author considers the logic and processes in modern education in the context of the general model of the crisis of culture and the threat to social anomie. The methodological basis of interpretation is memory studies. The article analyzes the peculiarities of memory policy implementation in education. The article concludes on the tasks that teachers address: to form a value attitude to the history of their country through an emotional experience, creating the foundation for civil and cultural identity.

By the example of commemorative practices devoted to the events of the Great Patriotic War, the author reveals the duality of attitude to the historical event. The author also states that participation in various commemorative practices is an effective mechanism for the formation of identity through acquiring social experience in the unity of sensation, knowledge, and action.

Key words: commemorative practices; education; identity; memory studies; crisis of culture; anomie.

Ностальгия по непрожитому: привлекательность мифа о советском прошлом для поколения Z

В статье рассматривается феномен ностальгии по советскому прошлому среди россиян: как тех, кто советское прошлое застал, так и тех, кто родился после распада СССР – особое внимание уделяется поколению Z. Автор сравнивает ценности советского человека и представителя «цифрового поколения» и подробно рассматривает причины этой ностальгии. Рассматривает тезис о том, что синдром ностальгии по времени Советского Союза строится прежде всего на реконструкции романтизированных символов и мифологизации советской культуры.

Ключевые слова: поколение; концепции поколений; личностные особенности поколения; ценностные установки; ностальгия; мифологизация.

Ностальгия по советскому прошлому до сих пор живет во многих россиянах и представителях бывших союзных республик, но в последние годы к новой волне теплых воспоминаний о том, что «тогда было лучше», присоединились даже те, кто никогда в советском прошлом не жил.

Со страниц журналов, с экранов телевизоров, из многочисленных социальных сетей и вездесущих блогов всё чаще звучат ностальгические нотки по ушедшему строю. Количество подобного контента зашкаливает. Телевизионные проекты на эту тему варьируются от развлекательно-познавательных программ до полноценных документальных циклов. Неослабевающий интерес телевизионных сценаристов и редакторов к тематике советского прошлого прежде всего можно объяснить отражением настроений современного российского общества, которое находится в процессе затянувшегося прощания с ценностями уходящей эпохи. Развлекательные передачи делают упор на что-то приятное, «родное», знакомое с малых лет, предлагая тем, кто в сознательном возрасте эту эпоху не застал, в том числе красивые и милые ностальгические картинки, этакий «запах прекрасного детства». Количество передач на советскую тематику, идущих на современном ТВ, перечислять можно долго: цикл передач «Намедни. Наша эра. 1961–1991» Леонида Парфенова; цикл «Сделано в СССР», идущий под лозунгом «Эстетика советской эпохи: чем жили и о чем мечтали в СССР!»; передача «Рожденные в СССР», в прямой эфир которой приходят знаменитые и успешные люди той эпохи, а ведущий строит диалоги так, чтобы заретушировать негативное отношение героев к советскому периоду и подчеркнуть их неотъемлемую принадлежность к «союзу нерушимому», и т. д.

Но кто формирует запрос на этот контент? Как правило, не только те, кто этот период пережил. И даже не их дети. В аудитории подобных проектов всё больше возрастает доля «внуков перестройки», так называемого «Поколения Z». Согласно адаптированной Теории поколений Хоува и Штрауса, к «зетам» в России относятся дети, рожденные в 2000 году и позднее. Этому поколению за подобным контентом даже не нужно уже идти к телевизору: социальные сети переполнены группами со сделанными как под копирку названиями: «СССР. Вспомнить всё» (757 332 подписчиков в социальной сети «ВКонтакте»), «СССР – вспомним лучшее» (570 173 подписчика в социальной сети «ВКонтакте»), «СССР: Ностальжи –

* Елена Владимировна Шлегель, аспирант направления «Философия, этика и религиоведение» АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: shleg-elena@yandex.ru

как это было» (327 973 подписчика в социальной сети «ВКонтакте»). Целевая аудитория этих сообществ – в основном люди в возрасте от 12 до 35 лет. Напомним: Советского Союза не стало 28 лет назад. Вот одно из описаний подобных групп, которые выставляют сами организаторы: «Эта группа для тех, кому есть, что вспомнить... Эта группа – ностальгия, дающая возможность увидеть всем желающим то, чем жили рожденные в СССР, что окружало их в детстве, юности... Как мало нам надо было для счастья!» [4].

Сегодня действительно можно говорить о целом поколении, выросшем вне социокультурных реалий советского времени. И новое поколение воспринимает эпоху Союза несколько мифологически и, если мы говорим о понимании исторических реалий, весьма поверхностно. Хотя надо отметить, что и старшее поколение иногда несколько романтизирует ушедший строй. Исследователь М. В. Петрова пишет: «...надо признать, что для большей части населения России советская действительность актуальна и поныне своим очень личным набором воспоминаний, в которых все, как правило, ярче, вкуснее, оригинальнее, душевнее... И дело даже не в банальном, что тогда были молоды, задорны и полны надежд, а в том, что, при всех сложностях существования в тоталитарном режиме, в Советском Союзе было что-то, что безвозвратно утеряно в современной действительности, аналога этому так и не найдено до сих пор. Именно это чувство безвозвратной потери и породило все чаще звучащую на современном телевидении тему, которая позиционируется как ностальгия по времени СССР» [13, с. 51].

Философы, социологи и культурологи, исследуя природу ностальгии, охватившей постсоветское пространство, пытаются объяснить природу этих переживаний. С. Бойм определяет ностальгию следующим образом: «Ностальгия (от греч. *nostos* – возвращение домой, и *algia* – тоска) – это тоска по дому, которого больше нет, или, может быть, никогда не было» [1]. Современная ностальгия понимается учеными не столько как тоска по утерянной реальности, сколько как сознательная миграция в прошлое, основанная на отказе от действительности. Именно события настоящего времени, невозможность понять и согласиться с существующим миропорядком, отсутствие важных для себя ценностей заставляют человека в поисках главных жизненных смыслов обратиться к прошлому [6, с. 327].

Если обратиться к статистическим данным, то, согласно опубликованному в декабре 2018 года опросу «Левада-центра», две трети россиян сожалеют о распаде СССР. Специалисты утверждают, что это – 66 % – самый высокий показатель за десять лет. Тренд на усиление ностальгии по Советскому Союзу становится все заметнее – в 2018 году доля «сожалеющих» в 2,5 раза превысила тех, кто не скучает по советским временам. Рост числа ностальгирующих за истекший год зафиксирован во всех возрастных группах, включая молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Если рассмотреть иерархию причин, которыми респонденты характеризуют свои сожаления о распаде СССР, то можно увидеть весьма интересную картину. Каждый второй (52 процента) считает, что была «разрушена единая экономическая система». Каждый третий (36 процентов) объясняет свою ностальгию потерей «чувства принадлежности к великой державе», еще 31 процент – возросшим недоверием и жесточенностью в обществе. За прошедший год с 52 до 60 процентов выросло число тех, кто считает, что Советский Союз «можно было сохранить» [12].

Иными словами, со взрослыми всё понятно, но почему современные подростки грезят идеальным образом Советского Союза, при этом весьма критично оценивая окружающую их действительность? Ответ, с одной стороны, весьма прост: тот романтический образ великой страны, где всё сделано для человека, формируется у них под влиянием рассказов их родителей, которые застали СССР исклю-

чительно детьми. А детские воспоминания – они всегда самые светлые и радужные. Пирожок – 5 копеек, лимонад – 10 копеек, пломбир – 15 копеек, и можно весь день гулять на улице. А сколько замечательных фильмов и книг, идеализирующих сам строй и живущих в нем людей, до сих пор греют нам душу. Советское кино рисовало миф – практически совершенный мир, стать частью которого ты обязательно захочешь, если обладаешь хоть немного тягой к светлому и прекрасному. «Зеты» готовы к эмпатическому погружению в ностальгию по советскому прошлому, хотя это даже не связано с их личными воспоминаниями. Их привлекает винтажный дух эпохи. Одним из самых модных современных трендов стало возвращение к ретро: виниловые пластинки, валенки (правда, украшенные стразами), джинсы с высокой посадкой – за всё это подростки готовы порой отдать львиную долю своих накоплений. Но только ли в идеалистически нарисованных картинках скрыта причина странной ностальгии по СССР «цифровых аборигенов»? Казалось бы, наоборот: подростки редко воспринимают то, что говорят и навязывают им старшие, как правило встречая многое в штыки, отрицая и высмеивая. Возможно, тут дело в чем-то ином: потребительский образ жизни (один из основных маркеров нового поколения, по мнению целого ряда исследователей) к 15–20 годам делает большую часть современной молодежи уже несколько пресыщенной материальными ценностями, и она обращается к ценностям иного характера. Современные исследования говорят о том, что Поколение Z в целом активнее в общественном плане, чем его предшественники. Представители цифровой эпохи выходят на протесты и митинги, создают успешные каналы коммуникации, в которых обмениваются идеями и пропагандируют свои идеалы, участвуют в волонтерских движениях и т. д. Можно согласиться с Е. Джанджугазовой, которая констатирует, что «у нынешнего молодого поколения есть четкий запрос на социальную справедливость и желание жить в самостоятельной, великой стране, а это невозможно без солидарности поколений и отождествления сегодняшней России с Советским Союзом» [7, с. 51].

Через 10–15 лет представители цифрового поколения станут основными игроками на политической арене, активными общественными деятелями и законодателями культурных трендов. В связи с вышеизложенными мыслями возникает вопрос: не захотят ли очарованные романизированными советскими образами и реалиями нынешние подростки построить в современном им обществе новый прообраз ушедшей эпохи? Леонид Парфенов дал очень интересную характеристику периоду первого десятилетия нового века: «Мы живем в эпоху ренессанса советской античности. В 90-е годы нам казалось, что все советское ушло, и чем дальше, тем меньше его будет в нашей жизни... Советское никуда не ушло, оно оказалось матрицей, на которую наложилась новая реальность» [8]. Наложится ли советская матрица на тот политический и общественный строй, который будут формировать сегодняшние «зеты»? Полагаем, что всё же нет. Ибо разрыв в мировоззрении и ценностях нового поколения даже с ближайшим к нему «Поколением Y» слишком велик. Что уж говорить о «Поколении X»: тяжело представить, что индивидуализм «зетов» может уступить место идеям коллективизма. Давайте постараемся проанализировать ценности «зетов» и так называемого «Поколения семидесятников», как «наиболее “типичного” советского поколения».

Каким был советский семидесятник? Одна из главных ценностей советского человека того периода – приверженность идеологии. Коммунизм предполагал приоритет общественных ценностей над индивидуальными. Конечно, «оттепель» внесла свои коррективы в видение социализма, появилась надежда на «социализм с человеческим лицом». Огромный советский коллектив, где все одинаковы и равны, заменяется коллективами «своих», дружескими неформальными объединениями [10, с. 136]. Но, тем не менее, в приоритете всё равно «мы», а не «я». Что

мы видим у современных «зетов»? Практически, чистой волны индивидуализм. К примеру, исследования А. В. Гавриловой четко показывают, что новое поколение имеет тип ментальности, «которому присущи такие социально-психологические характеристики, как независимость от группы, нестабильность, индивидуализм. Респонденты охарактеризовали свое поколение индивидуалистичным, разобщенным, самостоятельным...» [2, с. 61].

Если продолжать говорить о ценностях духовных, то 70-е – это в том числе культ образования и знаний и почти всеобщий (особенно среди молодежи) атеизм. В книге Б. Грушина «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения» респонденты «из советской эпохи» в своих приоритетах во многом отдают предпочтение образованию. На вопрос «Что Вы должны сделать для достижения своей цели (в жизни)?», 63 % ответили «образование», поставив «упорный труд» существенно ниже (29 %) [5]. Как относятся к необходимости высшего образования представители «цифрового поколения»? Зачастую вопросом «А зачем сейчас высшее образование?». Молодежь начала 2000-х в большинстве своем считает 4 года (или 5 лет) обучения в вузе «просиживанием штанов». Ибо с помощью цифровых технологий практически всю информацию, необходимую для получения тех или иных компетенций, можно получить напрямую из всезнающей Сети. Практика – это да, практика нужна. Но для этого есть невероятное количество всяческих курсов повышений квалификаций, онлайн-тренингов и т. д. Можно ли раньше было предположить, что высшее образование можно получить дистанционно? В 2019 году один из достаточно популярных у молодежи вузов – университет «Синергия» – набрал на дистанционное обучение (!) 95 000 человек. Для сравнения – в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (одном из крупнейших федеральных вузов) в год обучаются около 35 000 человек (на всех формах обучения).

Нельзя не сказать еще об одной ценности советского человека – ценности семьи, одной из высших моральных ценностей общества. Сожительства и другие суррогатные формы брака, конечно, в 70-х имели место, но всё-таки традиционная форма семьи, в которой одновременно уважительно сосуществуют представители двух, а то и трех поколений (бабушки/дедушки, мамы/папы и дети), передавая друг другу опыт, традиции и ценностные жизненные ориентиры, преобладала. Представление же «цифрового поколения» о семье дают основания говорить о грядущей тенденции кардинальной трансформации этого социального института. Результаты сразу нескольких современных исследований говорят о том, что брак и семья больше не являются одной из приоритетных ценностей молодежи. На первый план всё чаще выходят материальное благополучие, профессиональное развитие и личные достижения. Один из ярких «свежих» примеров: немалая часть современных девушек убеждена в том, что возможность карьерного роста может компенсировать неблагополучное супружество [9, с. 51]. Претерпевает изменение и традиционное распределение гендерных ролей в браке. Лидирующую позицию всё чаще занимают представительницы когда-то «слабого пола». Сегодня легко можно встретить не просто так называемые «гражданские браки», но и «семьи выходного дня». Статистика по разводам также зашкаливает (по данным Росстата, в 2018 году на 863 039 заключенных в РФ браков пришлось 583 942 разводов – это 68 %). Есть мнение, что ухудшается не только количество семей, но и их, если позволите, качество. Всё реже люди собираются за одним семейным столом, семейный круг уступает место коллективному общению в Скайпе или созданию семейного чата в Телеграме или Вайбере, куда и стекаются все новости, события, фотографии членов семьи, где происходит обсуждение важных вопросов и проблем. Семейные посиделки переходят в онлайн, коммуникативная дистанция между поколениями увеличивается, и цепочка передачи опыта прерывается.

Есть еще целый ряд ценностей, которые ставят между этими двумя поколениями такие «пограничные столбы непонимания», через которые очень трудно перейти: «клиповое сознание» у «зетов» против основательности их предшественников, культ потребительства против бытовой неприхотливости, инфантилизация против ответственности «за себя и за других» и так далее. Семидесятники были покорены духом романтизма, «зеты» же чистые реалисты; первые стремились к материальным ценностям, но не ставили их во главу угла, а потребительский образ жизни вторых становится чуть не главным маркером поколения. Но нельзя не отметить и часть сходных черт.

Объединяющий фактор советских «семидесятников» и современных «зетов» – это готовность к изменениям, к веянию нового. «Мы ждем перемен!» – эта фраза в равной степени может относиться и к тем и к другим. Сорок-пятьдесят лет назад диссидентское движение, оппозиция, «открыто не провозглашая своего несогласия с официальной линией партии, в действительности жила, творила, действовала без оглядки на партийные установки. Причем творчество носило “домашний”, “кухонный” характер. Многие творческие личности не могли презентовать свои творения, входить в официальные творческие союзы. Но, как позже отмечали многие художники и поэты того времени (Э. Булатов, В. Немухин, И. Кабаков и др.), при внешней цензуре они ощущали необыкновенную свободу творчества и самовыражения» [11, с. 405]. «Зеты» на 100 % открыты переменам, они устремлены в будущее, своевольны и не доверяют власти и авторитетам. Правда, на кухнях уже не ютятся. У них есть великолепная альтернатива – Всемирная паутина.

Обоим поколениям также свойственны протестные настроения, наличие ярких субкультур – в субкультурах, кстати, проявляется схожий с ценностями «зетов» дух индивидуализма и у старшего поколения (вспоминаем стилинг и смотрим на современных хипстеров – похожи, не правда ли?), предпринимательская жилка (а как еще можно было достать вещи в Союзе, «хочешь жить – умей вертеться»), а также ценность возможности выбора, ценность свободы и демократии.

Конечно, ценности у каждого поколения свои, это не вызывает сомнений, и изменение этих ценностей от поколения к поколению вполне закономерно и логично. Но вот способ трансляции этих ценностей изменился, увеличился поколенческий разрыв, обострилась проблема преемственности, проблема передачи традиций. Можно согласиться с Г. Гадамером, который говорит, что традиция – это не воспроизведение прошлого, а связь прошлого с настоящим. Говоря о герменевтике и традициях, Гадамер упоминает «строительство мостов через человеческую или историческую пропасть между духом и духом» [3, с. 61]. Нельзя сказать, что мосты между поколениями сейчас разрушены, но вот тот факт, что их всё чаще перестают «ремонтить» и строить новые, сомнению не подлежит. Почему же при всех различиях молодое поколение всё чаще смотрит назад, на своих предшественников и пытается романтизировать и культивировать (зачастую искусственно) ценности и образ жизни советского периода? Запрос всегда идет от настоящего. Возможно, это результат общего роста неуверенности в завтрашнем дне и неудовлетворенности жизнью, которые наметились у молодежи и обострились после последних общественно-политических событий в стране (экономические проблемы, санкции, принятие непопулярной пенсионной реформы, сокращение реальных доходов населения, ряд законопроектов, направленных на усиление контроля за деятельностью в Интернете, принятие «пакета Яровой», ситуация с выборами в Мосгордуму, так активно транслируемая во всех социальных сетях, и т. д.). Так возможно ли, что нынешние подростки захотят сконструировать в возводимом ими обществе некий ремейк советской эпохи? Полагаем, что всё-таки нет. Несмотря на то что история – это своего рода колесо и многое в периодах человеческого существования идет по кругу, повторение тех же самых реалий (даже

приближенных) невозможно. Новое поколение с его ценностями, его ментальностью и жадой свободы никогда не пойдет на серьезное возвращение эпохи социализма. Та ностальгия, которую испытывают «зеты», – это всего-навсего ностальгия по культурному мифу, ностальгия, вызванная хорошими и добрыми воспоминаниями родителей об их детстве, ностальгия, истоки которой – в прекрасных романтизированных историях о «светлом прошлом» из книг и фильмов. Но никак не ностальгия по настоящим советским реалиям.

Человек по природе своей не любит пребывать в шаткой системе, нам подсознательно хочется стабильности. «Завтра будет лучше, чем вчера» – в это мы хотим и готовы верить. А если в какой-то момент возникают сомнения, что впереди всё хорошо, мы оглядываемся назад и «вспоминаем», «как хорошо было там». Поэтому «ностальгия по непрожитому» у поколения Z вполне понятна и объяснима. «Золотой век» вновь перемещается из будущего в прошлое.

Литература

1. Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 5 (39). – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgii.html>
2. Гаврилова А. В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 58–63.
3. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991. – 368 с.
4. Группа «Мы из СССР – вспомним лучшее» [Электронный ресурс] // ВКонтакте : социальная сеть. – URL: https://vk.com/petro_ccsr
5. Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 619 с.
6. Даутова Р. В. Феномен ностальгии на российском телевидении // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур : материалы Междунар. научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Ф. Агзамова. – Казань : Казанский ун-т, 2016. – С. 327–335.
7. Джанджугазова Е. Бытовая романтика СССР: «старые-новые бренды» // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2016. – Т. 3, № 4. – С. 50–63.
8. Лекция за 5 минут: Леонид Парфёнов о ренессансе советской античности [Электронный ресурс] // Theory & practice. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8103-parfenov>
9. Маленова А. Ю., Самойленкова А. В. Представления о брачно-семейных отношениях студенческой молодежи: социально-психологические риски и ресурсы // Вестник Омского университета. Серия : Психология. – 2014. – № 1. – С. 43–51.
10. Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л. Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.
11. Мясникова Л. А. Трансформация ценностей российского человека от советского к постсоветскому // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 403–407.
12. Ностальгия по СССР [Электронный ресурс] : пресс-выпуск // Левада-центр. – 2018. – 19 декабря. – URL: <http://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgia-po-sssr-2/>
13. Петрова М. В. Культурный феномен ностальгии по СССР на российском телевидении // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 51–55.

Elena Vladimirovna Shlegel,

Postgraduate Student in Philosophy, Ethics and Religious Studies,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

**Nostalgia for the unlived: the attractiveness
of the myth of the Soviet past for Generation Z**

The article deals with the phenomenon of nostalgia for the Soviet past among Russians including those who caught the Soviet past, and those who were born after the collapse of the USSR, – special attention is paid to Generation Z. The author compares the values of the Soviet man and the representative of the "digital generation" and examines in detail the reasons for this nostalgia. The author considers the thesis that the syndrome of nostalgia for the time of the Soviet Union is built primarily on the reconstruction of the romanticized symbols and mythologization of the Soviet culture.

Key words: generation; concepts of generations; personal features of generation; value installations; nostalgia; mythologizing.

Нейронаука и философия о будущем человеческой природы

В статье исследуется взаимосвязь нейронауки и философии в исследовании грядущих трансформаций природы человека. История человечества под воздействием научно-технического прогресса убыстряет свой бег, подвергая при этом врожденные природные качества человека, его сложившуюся духовно-личностную идентичность необратимым изменениям. Есть ли при этом положении дел у человека надежда на помощь как со стороны клинической практики нейронауки, так и со стороны философии с ее опытом духовной терапии? Возможно ли, что при трансгуманистическом повороте нейронауки и философии на путь управляемой эволюции человека не произойдет худшее: бытие человека станет его небытием в теле рукотворных киборгов, а произойдет лучшее – бытие человека станет инобытием более совершенного его существования? В неоднозначности этого трансгуманистического хода современной эволюции человека возникают вопросы о логосе нейронауки и философской этике этого логоса.

Ключевые слова: логос нейронауки; модусы методологии нейронауки; философско-онтологические; методологические и биоэтические начала философии сознания; холодинамика.

Успехи современной нейронауки несомненны. Известный физик Митио Каку, хорошо знающий положение дел с нейронаукой в США, в передовых клиниках мира, свидетельствует в своей книге «Будущее разума» о поразительных результатах этой науки. По его мнению, проводимые в настоящее время масштабные и очень интересные эксперименты на мозге человека могут кардинально изменить научный ландшафт в этой науке. Ученые получили возможность зондировать при помощи электромагнитных сил человеческие мысли. Возможно, недалек тот день, когда мы сможем улучшать свои умственные способности, телепатически общаться и создать аналог «инопланетного» разума на базе «нано-пыли», инертных газов и на других материальных носителях. «В будущем, возможно, мы станем взаимодействовать с окружающим миром силой разума. Но ученые не хотят ограничиваться только чтением мыслей, т. е. пассивным процессом. Они хотят играть активную роль – двигать объекты силой мысли. Способность к телекинезу обычно приписывают богам. Только божественной силе дано по желанию формировать реальность. Это высшее выражение мыслей и желаний. Скоро и мы получим такую возможность» [4, с. 105–106]. Именно так предполагает с большой силой уверенности Митио Каку.

Успехи нейронауки в США не случайны, так как государство, ведущие корпорации США вкладывают огромные средства в создание искусственного интеллекта, в технологии нейронауки. «Декада Мозга» – яркий тому пример. («Декада Мозга» – название, данное президентом США Джорджем Бушем десятилетию (1990–2000), в течение которого осуществлялось широкомасштабное финансирование исследований мозга) [1, с. 205].

* **Валентин Михайлович Князев**, д-р филос. наук, профессор кафедры философии, биоэтики и культурологии, ФГБОУ ВО Уральский государственный медицинский университет Минздрава России (г. Екатеринбург).

E-mail: kn.va.m@yandex.ru

** **Андрей Владимирович Белкин**, старший ординатор отделения реанимационной реабилитации Клинического института Мозга; аспирант Уральского государственного медицинского университета (г. Екатеринбург).

Нейронаука, достигшая в своем развитии превосходных результатов и замахнувшаяся на разгадку тайны человеческого мозга и даже самого сознания, объективно вошла на Олимп современной научно-технической мысли. И, получая поддержку и щедрые вознаграждения от верховной власти, может горделиво заявить, что она более не нуждается в мифологемах и интуициях философского мировоззрения, в духовно-нравственном совершенствовании человека и его устремлениях к обществу справедливости. Ей, достаточно хорошо работающей научной методологии, опираясь на логику которой ученый может преуспеть в практике жизни и инновационных успехах на рынке высоких технологий.

Практически понятная, аксиологически приятная мысль о философской значимости научной методологии стала повседневной реальностью современной нейронауки. И эта естественная приверженность нейронауки в методологическом мастерстве получила мощную поддержку от философии сознания. Современная философия сознания является, фактически, философией современной нейронауки. Эта философия сознания берет начало в философии позитивизма, в особенности в методологии эмпириокритицизма Э. Маха, Р. Авенариуса и в логическом позитивизме Венской школы, а затем развивается в тесном сотрудничестве с аналитической философией Бертрانا Рассела, философией языка Людвиг Витгенштейна. Она представлена ныне такими именами, как Дени Деннет, Дэвид Чалмерс, и целой армией когнитивных психологов, специалистов по кибернетике, нейропрограммированию и активно действующего отряда биоэтиков, работающих в парадигме Джейса Джерома Гибсона (1904–1979), основателя новой парадигмы для философии сознания, – парадигме «динамического подхода», в широком размахе экологического сознания.

Претензия нейронауки стать Логосом современной культуры имеет под собой весомое основание, так как ее идеи, технологии инновационны и востребованы на глобальном рынке современной экономики. Самый успешно продаваемый товар на современном рынке услуг – это рабочая сила. А нейронаука, как известно, напрямую занята проектом по улучшению человеческой природы. Представители нейронауки, заучив рукава и актуализировав свои умственные способности, работают над тем, чтобы продлить долголетие и благополучие ныне живущих людей. Работают также над тем, чтобы создать для людей будущего трудовую армию биороботов, киборгов, слаженно действующих в режиме «аутопоэзиса» информационно-коммуникативного общества времен техногенной цивилизации (термин «аутопоэзис» взят из социологии Николаса Лумана, который он заимствовал из трудов когнитивного психофизиолога Франсиско Варела и нейробиолога Умберто Матурана).

Идея «аутопоэзиса» в переводе с греческого читается на русском как «самопроизводство» и означает, что артефактная действительность социума «живет» по аналогии с самоорганизующейся жизнью биологически существующих на земле тел. Из этой идеи следует, что общество – большой, разряженный организм жизни, который структурно подобен жизни человека. Из этой системно-структурной аналогии жизни человека, фактически, биологически укорененной в естестве жизни с артефактной, историко-культурной, технологически и машинно-искусственной жизнью общества, выводятся далекоидущие технологические, трансферные аналогии, которые позволяют практически превращать человека в машину, а Логос культуры общества в машинное действие искусственного интеллекта.

При таком положении дел нейронаука получает мощный импульс для самостоятельного, чисто сциентистского, прагматического развития своей мысли в некоем беспамятстве и отчуждении от традиции развития философской мысли.

Однако такое головокружение нейронауки от технологического прогресса чревато фундаментальной, онтологической ошибочностью и потерей духовно-нравственного алиби на прогресс в деле эволюционного улучшения первозданной природы человека. Как пишет современный философ сознания Дэвид Чалмерс, проблемы нейрофизиологии мозга решают, идя легким путем. Обсуждается, «как мозг обрабатывает стимулы, идущие из окружающей среды? Как он интегрирует информацию? Как мы формируем отчеты о внутренних состояниях? Это важные вопросы, но ответ на них не решает трудной проблемы: почему все эти процессы сопровождаются переживаемой в опыте внутренней жизнью? Поскольку сознание и столь фундаментально, и так плохо понято, решение этой проблемы может оказать глубокое воздействие на наши представления о мире и о самих себе» [11, с. 10].

Самый известный оппонент Чалмерса – философ сознания Дени Деннет, крепко стоящий в вопросах изучения предметности сознания на позиции физикализма, а в вопросах методологии – на позиции логического позитивизма, крайне скептичен к метафизике, видя ее исток в произволе интеллектуальной интуиции. «Помпа интуиции», по его мнению, рождает мифологемы и медитативное состояние психики, сопряженное с верой в «философского зомби». И это мешает качеству научного мышления.

Неоспоримо, Дени Деннет высказывает свои критические суждения против метафизики убедительно и аргументированно. Но кто спорит с тем, что современное мышление философии должно быть более строгим, логически, структурно и математически выверенным. А также оно должно стремиться к полноте и целостности выражаемого в контексте смысла, которые будут понятны другим, иначе мыслящим людям. Вопрос о понимании глупости, мудрости – важнейший для практики жизни. Качественность «квалио-» сознания предельно субъективна, ее невозможно выразить объективно. Ее можно выразить только голографически как персонифицированное единство и целостность бытия Универсума. Ментальная форма мысли всего лишь эпифеномен повседневной логики жизни человека. Ментальное состояние психики – остров в океане трансперсонального сознания, поверхность бездонного океана эволюционной памяти жизни, архетип коллективного бессознательного. Если М. Хайдеггер прав и родной, разговорный язык человека – это его «дом бытия», то потенциальность языка может быть актуализирована через обыденную речь. Может выражаться через метафору, аналогию, следуя значению и смыслу того Слова, которое, – согласно Писанию, – было у Бога и через которое начало все быть. А может выражать значение и смысл Логоса античной философии. И тогда желающий достичь знания Истины будет придерживаться в деле познания не субъективного мнения, а знания объективного, астральным образом выраженного порядка жизни горнего мира, мира Космоса.

Сам генезис методологии современной нейронауки свидетельствует о том, что дискурс гносеологического развития науки, движимый одиноким мыслителем, уходит в прошлое, чтобы дать простор эпистемологическому дискурсу институционально оформленной нейронауки, вставшей на путь тесного взаимодействия с господствующим в сфере общественного сознания типом культуры.

Мишель Фуко, анализируя процесс рождения клиники, отмечает: как в ходе истории существенно меняется исследование мозга человека, меняется перцепция клинициста. Фуко задается вопросом об археологии знания, об исторически различных эпистемах – исторически-конкретных и разных по своей точности прочтениях клиники мозга, в целом клинической практики. И особо отмечает роль государственной, общественной власти в становлении института клиники [10, с. 19].

По авторитетному суждению Виктора Антоновича Садовниченко – ректора МГУ, будущее науки куется в университетах. Садовнический говорит о трех миссиях

Университета: Образовательная миссия призвана проявить в человеке его атрибутивное свойство разумности – помочь ему стать человеком, *homo sapiens*, который отличает ложь, обман от правды и истины и проводит линию демаркации между наукой и паранаукой. Научная миссия призвана дать разумному человеку логику и методологию системного, структурного мышления, воспитать из студента, аспиранта ученого, технолога, инноватора; социальная (культурно-историческая) миссия призвана разбудить в человеке его духовно-личностную идентичность и дать его духовной воле те идеалы, ценности, ради которых следует жить и работать.

Говоря в целом о логосе современной нейронауки, следует сказать, что ее топика адекватно читается с позиции структурно выверенной метафоры о трех мирах человеческого сознания, в которых он одновременно пребывает, когда пытается научно мыслить. Троичная природа мысли – архитектурная для богословского, философского и научного разума. Это и единосущие трех ипостасей Бога, это неплатоническое учение о Едином, Уме и Душе, это диалектическая триада гегелевской диалектики, это и модель холодинамики Дэвида Бома, где структура Универсума понимается как единство трех начал: материи (вещества), энергии (силы) и информации (знания).

Рассматривая эпистемологическую ситуацию в науке XX века, Карл Поппер предложил рассмотреть вопросы современной научной методологии с позиции единства трех миров, владеющих нашим сознанием и определяющих его познавательное развитие. Мир № 1 – физический мир. Мы имманентно включены в него через нейрофизиологию своего тела. Мир № 2 – мир артефактной реальности, второй нашей природы – культуры. Мы трансцендентальным способом включены в него, так как находимся с рождения в объятиях любви и заботы со стороны культурно ответственных перед нами людей общества. Мир № 3 – субъектный, приватный мир нашей психической жизни и духовно-разумной воли. Мы, как это ни парадоксально, отъединены всесилием трансцендентного бытия от очевидной данности нашего субъектного мира. Наше выстраданное одиночество творца, наше мужество и отвага духовной воли, устремленной в экстазе чувств – к красоте, в зорком умозрении – к истине, в витальном порыве воли – к благу и силе бессмертной и совершенной жизни, всегда бывает остановлено молчанием и потаенностью подлинного бытия жизни. В акте веры мы предстоим перед Богом. В акте познания мы предстоим перед знанием Истины, и нам необходимо умудренное незнание, отрезвляющее гордыню разума опытом ошибки и гносеологического поражения, чтобы не обманутся в очередной раз. В акте прагматического действия, живущего вождением цели, грезами побед, необходимо искусство мягкой силы, необходим метод непротивления злу силой, но без фанатизма, а с решимостью воина, исполняющего свой священный долг и побеждающего зло силой.

Словом, чтобы человеку быть в мгновения своей жизни «венцом природы», надо, как минимум, что-то подлинно знать о законах и подлинном бытии природы. И этот минимум нам дан непосредственно на психическом экране собственного сознания. Но этой данностью обыкновенного чуда надо умным образом распорядиться. К примеру, в зеркале нашей психики единый и всесильный центр солнечной системы – Солнце – дан нам в образе солнечного зайчика. Этот фантом нашего представления и есть очевидное (видимое очами духа) Солнце, которому, как богу, поклонялись и поклоняются люди. Эта очевидность психических образов, несущих в себе смысл универсалий культуры, и есть действительный исток нашего сознания, это и есть то «квалио-», качественность сознания, о природе которой и дискутируют философы сознания. Оказывается, они дискутируют о верном, адаптивном и духовно значимом отношении человека с миром физической реальности и с миром социально-культурной реальности. Без нахождения едино-

сушия и органической целостности этих миров не понять и ноуменальную качественность человека – феномен его сознания и его путь к истинному знанию.

Итак, точкой сборки, центром единосущего является третий мир, который через психическое отражение души человека включает два первых мира и самостоятельно конструирует свое отношение с ними. Конечно, «сто талеров» И. Канта в воображении и в собственном кармане – это разные реальности. Но нейролингвистика мозга человека связана с первым и вторым миром опосредованно через образы психического отражения. Поэтому фактор «души» рождает у человека чувство относительной независимости, свободу для творчества.

Эта энергетика свободы, энергичное зерно человеческого духа, расправляет крылья для вдохновенного полета ума, наполняет пространство души образами позитивного воображения и сублимирует страх перед смертельно опасным бытием жизни, которое в своей потаенности совершенно неведомо нам. Но, как уже сказано великими философами эпохи Просвещения, свобода суть оборотная сторона необходимости, а случайность случается не случайно, а по воле невидимой нам необходимости. И наши предки, мудрецы прошлого, об этом знали хорошо, и их мудрый опыт жизни хранится в памяти культуры общества. И пренебрегать этим опытом мудрецов, гениев было бы в высшей степени опрометчиво.

Всё же настораживают слова Сократа, определившего знание прошедших времен как «мертвое знание», записанное «мертвыми буквами» на шкурах убитых животных. И классик немецкой философии И. Кант увидел в априорном знании культуры тот фактор познавательной деятельности, который ввергает горделивый ум человека в унылое пространство агностицизма. И Н. А. Бердяев, экзистенциальный философ свободы, терпеть не мог состояния объективации и мыслил о познании как об эмерджентном процессе творчества. Для Бердяева объективное сильным образом субъективно, и потому эта творческая субъективность меняет по своему усмотрению объективный мир.

Тотальность объективной субстанции может быть понята по-гегелевски как субъектность Абсолютной идеи. И монадология Г. Лейбница – учение о субстанции мира, явленной в множестве монад в мир predetermined гармонии, не является утопичным проектом в темном свете догматичного, априорного знания прошлого, с его претензией быть всегда на вершине истинного знания. Последователь Лейбница, русский религиозный философ Н. О. Лосский, «оживил» абстрактный образ «монады», дав ей имя «субстанциональный деятель», и предложил мыслить в методологии конкретного реализма. Согласно такому ходу мысли, в субъектном мире человека обнаруживается ноуменальное начало, тождественное по своей сути и структуре ноумину бытия Универсума. Для «субстанционального деятеля» трансцендентное бытие мира нисходит с высот «горного мира» в имманентность нашей психической жизни. И мы, подобно Лосскому, стоящему недвижно из-за густого тумана на улице Санкт-Петербурга, ничего не видящему вокруг, но хорошо слышавшему все звуки и голоса окрест, можем воскликнуть в ситуации слепоты и противоречивости умозрения: «Всё имманентно всему». Если это так, то мы обязаны искать свой, уникальный способ сопричастности ноуменальному миру бытия, опираясь на субстанциональные основы своего субъектного мира.

Эти основы не обязательно иррациональны, они могут быть предельно логичны, как мы видим это в философии В. С. Соловьева – основателя теории всеединства русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. Логика всеединства Соловьева максимально приближена к пониманию реалий человеческой жизни и названа Соловьевым «органической логикой».

Современный последователь философии всеединства В. И. Моисеев выбрал в себя логос органической логики В. С. Соловьева и создает, опираясь на строгий

язык математики, на фундаментализм онтологии метафизики философии всеединства, особый теоретический вариант философии жизни – виталогию. Биология – наука о жизни, но с позиции естественных наук, а виталогия – тоже в дословном переводе «наука о жизни», но с позиции всеединства. Это методологическое намерение В. И. Моисеева не противоречит здравому смыслу любого мыслящего человека и согласуется особым образом с современной логически выверенной философией сознания. Для Моисеева логика философии не есть только полет Софы в сером небе закатного дня, но утренняя, по-весеннему живая мысль логически понимаемого бытия. По мысли Моисеева, «в стихии логического есть своя неуничтожимая жизнь, своя душа, интуиция и вдохновение. За внешне скупыми и жесткими логическими символами мерцает огонь разума, выступают из бездны очертания растущей и живой мысли. Логос – это жизнь, данная нам в формах логического бытия. Это нечто чрезвычайно родное и существенное для разума, здесь его суть, его ойкумена» [7, с. 9].

А. Г. Дугин, осмысливая будущность сегодняшней российской философии после гениального начала, свершенного В. С. Соловьевым еще в конце XIX века, видит это будущее в руках «радикального субъекта» философии, в смыслах океанического поля «темного Логоса», питаемого жизненным порывом бога Диониса. Мартин Хайдеггер, знаковый философ для Дугина, особо вчитывался в мифопоэтические тексты Фридриха Ницше [3, с. 477]. Энергетика нигилизма, аксиология зла, вероятно, необходима, когда предстоит вычистить авгиевы конюшни абсурда нашей жизни. И Карл Поппер, давший в качестве лоции самостоятельно мыслящему человеку методологию «критического рационализма», делает ставку на духовно-личностную качественность третьего мира в топике философского логоса.

Но, поставив все на возможности человека, мы забыли о действительности мира с его объективными законами, необходимым порядком вещей. Мы забыли об онтологически исходном отношении к миру физической природы. Круг силы физического мира природы для нас непреодолим: из земли пришли и в землю уйдем. В пространственных реалиях этого мира мы действительным образом заявляем о себе практически значимым образом. По результативности практических дел нас взвешивают на весах жизненной значимости. Поэтому правда материализма, физикализма в мире физической реальности правит бал. И естественные науки всё почитают за истину. Нейронаука, или клиническая практика мозга, не является в этом повороте ума к миру физической реальности исключением.

Но так как правда всего лишь сильный порыв человека к истине, то она эгоистична и слепа в своей страсти. Она не смотрит в зеркало правды другой методологической позиции, не учитывает, что с позиции высокого уровня самосознания две враждующие правды – это две стороны жизни самого человека: его внутренней, духовной и внешней, телесной. Дени Дэннет, критик интуитивных прозрений метафизиков, не замечает в пылу критики оппонентов, что по сути сам «фонтанирует» интуитивными прозрениями, метафорически их выражает в стилистике метафизического мышления. К примеру, метафорическое отождествление биохимии мозга в черепной коробке головы человека с брожением дрожжевого теста в кухонной кастрюле бодрит догматический ум по-хулигански своим метафизическим сравнением. Отождествление синхронно работающих нейросетей мозга с мелодией музыки, виртуозно сыгранной оркестром, вызывает эстетический подъем у оппонентов. И, наконец, шедевр метафизически космического воображения – понятийное истолкование ключевой абстракции философской антропологии человеческого Я «как центра нарративной гравитации». И возникает вопрос о критике метафизики: не является ли он в глубине своего воображения интуитивистом метафизики?

Более того, как мы отмечали раньше, человек непосредственно не соприкасается с первозданной природой, так как живет автономным образом жизни в информационно-коммуникативном обществе. И, живя от мира природы относительно самостоятельно и автономно, он чувствует и мыслит реальность объемлющего его бытия посредством данной ему сегодняшней культуры техногенного, далекого от естества жизни общества. Знание современной физики, повествующее о «холодинамике» мира, утверждает, что нет ни баобабов, ни обезьян, ничего материально-вещественного, а только полевая реальность квантового поля, двояко реагирующего на позиции наблюдателя, имеющего в своем распоряжении высокотехнологические устройства и видящего благодаря этим устройствам волновым образом существующие элементарные частицы. Реальность этого мира существует только при технологическом всеисии наблюдателя (физика). А для атеиста в этой реальности нет ни бога, ни черта.

Но поскольку физики в душе лирики, а метафизики любят хорошо и богато жить, то встает вопрос: как перепрыгнуть пропасть непонимания в один прыжок, или как соорудить мост между берегами разных картин мира? Возможно, гении как-то научились прыгать туда и обратно, а что делать нам, «простым смертным»? Строить мост, и строить его особым образом, в пространстве своего воображения, привнося в жесткую дихотомию материализма и идеализма релевантную онтологию бытия жизни. Витализация материи идет полным ходом: о материи мыслят как о динамичности энергии, как о матричной голограмме Универсума.

Таким образом меняется картина мира, и в соответствии с этим меняется самосознание человека. Человек пытается в своем мышлении встать на позицию наблюдателя и по воле своего духа атомарную косность отчужденной жизни превращать в полевую реальность волнового ритма совершенной жизни. В условиях психологической войны, а также неизбежных в нашей суматошной жизни стрессов каждый ищет себе гуру, или сам, овладевая той или иной психотехникой, пытается стать духовно сильным человеком.

Надо заметить, что в вопросах духовной культуры мы – как дети, живущие в отчужденном мире, где нет утешителя и не всегда есть родной, близкий и сильный человек. Поэтому и востребована духовная мудрость традиции, мудрость метафизики. Автор теории «холодинамики», чтобы прояснить метафизические, духовные смыслы своей теории, вступает в переписку с претендентом на роль мессии Джидду Кришнамурти [5, с. 55].

Известный российский философ и физик С. С. Хоружий разрабатывает теории синергийной антропологии на основе методологии и психопрактики исихазма афонских монахов. Дж. Диспенза, американский исследователь мозга, доктор хиропрактики, ставший известным благодаря книге «Сила подсознания, или Как изменить жизнь за 4 недели», наоборот, на основе теории холодинамики выстраивает методологию нейронауки, квантовой психологии. В. В. Налимов, математик высшего класса, посвященный в рыцари ордена Тамплиеров, пишет книгу «Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и архитектура личности» и с трудом издает ее во времена СССР. Примеров несть числа.

Итак, топика современного логоса науки рассмотрена с позиции Карла Поппера, его рассуждений о динамическом единстве «трех миров» в его исповедальной статье «Как я понимаю философию?» [9, с. 5–9]. Идеи Карла Поппера указывают нам путь к пониманию современного логоса нейронауки. Ключевое начало, субъектность пути – «критический рационализм». Априорная база критического рационализма – для нас это теория виталогии с ее органической логикой (логикой всеединства). Физический мир предстает в динамическом единстве физикализма современных теорий физики и онтологии философии всеединства, берущих начало в философии Платона.

Следует заметить, что обращение к философии Платона знаменательно для развития всей западноевропейской философии. Даже бытует мнение, что все развитие западноевропейской философии есть не что иное, как «заметки на полях диалогов Платона». Это мнение суггестивно в своем смысле, и к нему можно отнестись критично, проигнорировав его. А вот факты серьезного обращения к философии Платона таких авторитетных философов, как Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Поппер, отечественных философов В. С. Соловьева, А. Ф. Лосева и современных философов, работающих в парадигме философии всеединства, нельзя игнорировать. Поэтому в постоянстве интереса к философии Платона есть то, что по настоящему истинно, интересно для нас.

Особую роль для сильного возвращения философии Платона в мыслительную жизнь Европы сыграл Э. Гуссерль. Эдмунд Гуссерль (1859–1938), хорошо знавший математику – главный язык современной науки и основательно изучивший психологию человека, остановил свой методологический взгляд на феноменологии сознания, понятой в контекстуальности мыслителей Древней Греции и европейского Средневековья. Гуссерль, наблюдая методологический плюрализм, опытно-экспериментальную ситуативность эмпирического мышления тогдашней науки, констатировал ее теоретический кризис.

В условиях кризиса научной мысли разумно остановиться и войти в состояние умудренного незнания, совершить по примеру древних «эпохе» – методологически практическое действие – как способ воздержания от суждений. Важно в ситуации постоянного говорения, спора остановиться и перейти от дискурса страстных речей к молчанию потенциальных смыслов языка, а затем в состоянии покоя и сосредоточенности актуализировать интенциональность своего медитативного сознания, увидеть в смысловой потенциальности интеллигибельного мира культуры смысл феномена своей мысли, явленной нам на экране собственного сознания. Как это сделать современному человеку?

Гуссерль полагал, что это возможно осуществить посредством логосного мышления древнегреческого философа Платона. Платон, повествуя о человеке как узнике пещеры, видящем посредством чувств только многоликость и текучесть чувственной достоверности, определял качественность знания «человека пещеры» как ситуативный, субъективно слабый опыт «мнения». А вот знание философии как «любви к мудрости» ведет человека путем самопознания – к ноуменальной памяти его вечной души, где он может созерцать ноуменальные, подлинные сущности мира в форме идей, знание которых свидетельствует о «чтойности» и «таковости» мира.

Согласно философии Платона, человек, познающий жизненность своей жизни – душу, приступает имманентно к познанию тайны трансцендентной жизни Космоса – Логоса (слова, языка Космоса). И наоборот, человек, познающий фундаментальные законы мира, создает теоретико-методологические основания для познания глубинной сущности человека. Процесс познания глубин личностной жизни и познание высот космического Логоса синхронично.

Главный вопрос философии – о единстве Я и не-Я, идеального и телесного, мышления и бытия – решался Платоном самостоятельно, без помощи Учителя, Бога, посредством анамнеза собственной души человека. Топика платоновской души соединяет уровень имманентного существования человека с бытием трансцендентного через трансцендентальный опыт логосного умозрения. Естественная познавательная субъектность человека, запечатленная в витальности, интенциональности его сущностных сил (чувств, мышления, волевых побуждений) под воздействием социально-культурного логоса древнегреческого полиса, академии Платона, лица Аристотеля трансформируется в трансцендентальный субъект, мысль которого бытийствует в интеллигибельном мире интеллектуальной куль-

туры древних мыслителей и стремится к царственному духовному рангу участия в демократической жизни полиса. Это живое, духовно взрослеющее состояние души человека, восходящего от зоологического индивидуализма до духовно-нравственного поведения субъекта истории греческого полиса, опосредованного знанием законов космоса, – это и есть логос древнегреческой философии.

Надо заметить, что логос древнегреческой философии является органическим единством двух миров: 1) мира космического закона – Логоса, слова Космоса; 2) мира культуры, в которой философия, как любовь к мудрости, играла мировоззренчески и методологически ведущую роль в интеллектуальной жизни Древней Греции. А референтным субъектом тогдашней социально-культурной динамики общества был человек, способный мыслить, опираясь на превосходное знание идей (эйдическое знание), взятое из вечной памяти своей собственной души.

В качестве «точки сборки» различных универсалий, метафизических начал интеллектуальной культуры Древней Греции был утвержден умный субъект исторического действия – философ, который силой своей любви к мудрости получает знание откровения через анамнез собственной души от бытия объемлющего нас мира Универсума. Был явлен субъект человеческой истории, который действительно может в силу своего истинного знания управлять государством, совершенствовать знание культуры и силой умного знания культуры управлять сознанием людей, различных телесно, социально и культурно, но потенциально в силу наличия в них душевно-духовного начала способных откликаться на зов истины подлинного бытия Универсума.

Это сильная заявка «философа» на власть в обществе, где традиционно духовными властителем были представители касты «брахманов». Феномен «осевого времени истории» как времени самосознания человечества в свете и силе человеческого разума произведен от метафизики – логически выверенного мышления властной элиты древнего общества. Принц Гаутама в Древней Индии, Конфуций, Лао-цзы в Древнем Китае, Аристокл (Платон) в Древней Греции – все они осознали эффективность, великую силу духовно-нравственной суггестии вероучения, мифа и соединили ее с силой социального института власти, представленной потомственной кастой царей, императоров, воинов и тогдашним экспертным сообществом в виде врачей, астрологов, советников и лояльных власти жрецов.

Социально-культурный эксперимент по усовершенствованию духовно-нравственного состояния власти частично удался, создав прецедент появления, говоря языком Конфуция, «благородного мужа», с атрибутами неотразимой харизмы. Аристокл стал легендарным «божественным» Платоном, основателем Академии, его гениальный ученик Аристотель был приглашен в качестве учителя для духовного становления будущего завоевателя мира Александра Македонского. Гаутама стал Буддой, привнес в касту воинов духовную силу обновленной им религии ведической традиции – силу созданного им вероучения буддизма. После величественно духовного подвига Гаутамы, ставшего Буддой, уже не кажется странным, что царь Милинда приглашает для интеллектуального спора легендарного учителя буддизма Нагарджуну. Не кажется удивительным, что среди воинственных, несклонных к метафизике императоров Рима появляется император Марк Аврелий, вошедший в историю мировой философии как классик философии позднего стоицизма.

Такая высокая ранговая оценка философии Древнего мира, давшей нам знание осевого времени человечества, наделяет ее метафизическое знание силой безусловного начала, к смыслам которого будет вечно возвращаться рефлексивная мысль взрослеющей философии исторически меняющегося человека. Возвращаться так же, как взрослый человек, идя по дорогам трудной жизни, возвращается в минуты потерянности и одиночества в потерянный рай детства. Юрген Ха-

бермас, авторитетный немецкий философ XX века, реагируя на духовную пустоту, атмосферу отчуждения современного человека от человека и общества, заметил, что в мире прогрессивной, потребительски-пресыщенной современности не хватает чего-то сакрального. Предсказанный Фридрихом Ницше рост «пустыни» стал явью современного мира.

Чего же нам не хватает в логосе философии сознания, которая так преуспела в развитии методологии и инновационных технологиях современной нейронауки? Определенно не хватает мировоззрения весны, проистекающего из доверительности и открытости детской души, чувствующей родство с душой жизни, объемлющей нас жизни Земли и Космоса. Нам не хватает мировоззрения гилозоизма, при котором чувствуется, что все одушевлено и является различными формами жизни, не хватает жизненности чувств, проистекающих из естества нашей биологической природы.

Нам не хватает субъекта, который занимает высоту самосознания, осуществляет рефлексивный ход мысли, чтобы в процессе самопознания достичь знания истины человеческого сознания. Нам не хватает метафизической смелости Сократа, свято веровавшего в предсказание Дельфийского оракула: «Человек, познай самого себя, и тогда тебе откроется Вселенная и боги, ее населяющие». Существует устойчивое мнение, что те, кто устремлен к познанию мира, и те, кто устремлен к глубинам самопознания, встретятся в одной точке, достигнув пределов осознания. Разгадка всего – в познании разума человека как фокуса бытия, ибо в нем, как в зеркале, отражаются законы мироздания.

Современной нейронауке определённно не хватает широты и жизненности философского мировоззрения, смелости философской методологии. Не хватает объективно, так как по мере своего развития нейронаука все более специализируется, ветвясь в древе технологического разделения труда, теряет в узости тоннельного сознания широту видения. А в крепких объятиях высоких технологий нейронаука теряет биоэтическую чуткость к вопросам клиники мозга, нейрофизиологии, нейролингвистики живого в своем естестве человека. А вдобавок ко всему перечисленному, нейронаука уже не чувствует величия гуманистической ответственности за историческую субъектность человека, который по-прежнему является «альфой и омегой» социально-культурной динамики исторически развивающегося человечества.

И тем не менее специалисты из сферы нейронауки, совмещая в одном лице и клинициста, и когнитивного психолога, технолога, программиста, биоэтика и философа, постоянно решают сверхсложные вопросы жизни смертного в своем существовании человека. Как же это возможно, ведь они не философы?

Философ не тот, кто ловко жонглирует ответами, полученными гениями мировой философии, а тот, кто практически, при выполнении сверхсложной и ответственной работы, решает вечные и неразрешимые вопросы. Неразрешимые в силу того, что истина конкретна и живет в бегущем времени истории до того момента, когда появится новая в своей конкретности истина. Знание истины не есть застывшее в догмате знание, а есть живое, творческое движение мысли от незнания к знанию относительной истины, от относительной истины к объективной истине конкретно-исторического времени. А далее уже слышны зовы грядущего времени. И эстафетная палочка истины передается потомкам.

Вопросы философии неразрешимы потому, что они задаются от имени того человека, который ставит себя на вершину осевого времени истории, он решает взвалить на свои плечи ношу великих учителей – Будды, Платона, Пророков, Отцов Церкви, Лейбница, Канта, Гегеля, Маркса, Ницше, Хайдеггера, Поппера. И, естественно, это редко кому удастся. Но для всех открыта книга их знаний, бери и читай.

И здесь третий момент сложности философского знания: знание философии есть знание любви к мудрости. Кто же в век прагматики, потребительства, утилитаризма и поклонения богу Мамоны будет любить мудрость, этот признак чудачества, а может быть, вырождения и неадаптивности человека? Тогда почему гении человечества стремились к знанию философии и были философами? Или можно совместить любовь к жизни и любовь к мудрости? Вопросов много, их решить теоретически невозможно, а только практически, совершенствуя практику жизни до искусства жизни.

Когда мы смотрим на работу клиницистов, излечивающих пациентов от тяжелых, почти неизлечимых болезней мозга, то мы видим, как они практически решают вечные вопросы жизни и смерти, вопросы понимания основной проблемы философии – проблемы сознания человека в обусловленности его степенью физического благополучия мозга. Вопрос философии сознания имманентно, трансцендентально и трансцендентно вплетен в клиническую практику институтов мозга, где основательно исследуют болезни мозга.

Аспект имманентного присутствия философской проблематики дан через предметность клинической практики клиницистов мозга. Клиницисты мозга реально исследуют физиологический субстрат нейролингвистики. Они анализируют и познают динамические состояния мозга, начиная с состояния смерти мозга, до нормального психосоматического его функционирования, и до измененных состояний сознания, прошедшего воздействие психотропных, хирургических, технологических (чипирование, подключение к Сети, к пультам внешнего управления и т. д.) средств. В экспериментальных клиниках опосредуют процесс создания ИИ (искусственного интеллекта) на основе аналоговых моделей нормально функционирующего мозга человека. Работа по принципу функционализма и физикализма приводит к действию воплощения онтологии человека в онтологию киборга, в техносферу мира машин. Это важнейший элемент технологий трансгуманизма времени техногенной цивилизации.

Аспект трансцендентального (априорно обусловленного знания) присутствия философии мы видим в методологии нейронауки. Приверженность клиницистов эмпирическому методу исследования и познания тайн мозга, метод описания, метод бихевиоризма, мыслительный эксперимент, клинический эксперимент, верификация как способ определения истины знания и многое другое – всё это не от ума клиницистов, а от той или иной методологической базы той или иной философии, все это через восприимчивую душу клинициста к логике и этике духа культуры, к многоликому и требовательному логосу культуры.

Аспект трансцендентного бытия дан нашему сознанию через знание метафизики бытия. Знание, игнорируемое эмпирической наукой, но с неизбежностью возникающее в момент гносеологического поражения разума, бегущего от одной степени незнания фундаментальных законов к более сложной. И приходящее в момент прозрения к мудрости умудренного незнания, говорящего мне смиренно: я знаю, что ничего не знаю, но зато я всегда в начале вдохновенного порыва к знанию, готового после очередного поражения иметь мужество задавать вопросы бытию мира и отвечать на них бытийственно сильно.

Трансцендентное знание, находящееся по ту сторону невозможного для нас бытия, есть, по сути, молчаливое свидетельство смерти из страны, из которой никто не возвращался, но все туда уходят. И потому невольно спрашивают себя и свою память об умерших. А состояние смерти – это небытие или инобытие? Можно ответить, что небытие, но зачем тогда на памятниках умерших и взявших с собой часть нашей души, мы пишем: «будем вечно помнить»?

Очевидно, что вопросы, которые задает нам трансцендентное бытие, решаются не разумом, а всем существом человека. Решаются с позиции интенциональ-

ных, эволюционно сильных витальных устремлений жизни рода, а не отдельного существа. Закон жизни – закон трех моментов развития: первый момент – это рождение из зародыша, в котором весь потенциал и разум родовой жизни; второй – это развитие до полноты и рассвета жизни, до плодоношения; третий – это уход в смерть.

Существует единосущее этих трех разных моментов жизни живого существа, на основе взаимного перехода филогенеза в онтогенез и, наоборот, онтогенеза в филогенез. Для человека этот естественно эволюционный переход осуществляется на уровне иного качества жизни – на уровне социальной формы развития материи, и осуществляется уже под водительством господствующей на данный исторический момент времени той или иной культуры. Властный субъект власти, исходя из насущной необходимости укрепления верховной власти – гаранта стабильности и развития в условиях постоянной борьбы различных претендентов на власть, вынужден постоянно осуществлять выгодную и единственно приемлемую для себя ротацию кадров.

И чтобы сделать это основательно и убедительно для всех и каждого, власть монополизировать право на культуру, на смену ее ценностного и целеполагающего духа. Это важно сделать своевременно, исходя из наличия революционной ситуации, из угрозы, что сильные претенденты на власть смогут использовать недовольство народа в своих интересах и нанести господствующей власти смертельный удар. Поэтому, если надо разжечь огонь революции, культуру переводят в режим чувственной культуры, которая транслирует через свои технологии воспитания, образования способы социализации в сознании людей ценности гедонизма, индивидуализма, эмансипированного инстинкта, свободу без берегов, с лозунгами «Требуем невозможного! Все, что не запрещено, то разрешено».

Если надо в обществе установить мобилизационный режим власти, то культуру переводят в режим идеационной культуры, по терминологии П. Сорокина, которая таким же образом через технологии образования, воспитания, социализации транслирует в сознание людей ценности и целевые установки. Но уже с иным значением и смыслом. Идеационная культура призвана мобилизовать в человеке его социальное должностное, пробудить в нем чувства солидарности, коллективизма, патриотизма. Воспитать из человека труженика, воина, святого, живущего жертвенно во имя горнего мира.

Таким образом, человек биологический осуществляет свою жизнь социальным образом, постоянно порождая неустрашимое и потому постоянно во все время его жизни решаемое противоречие между безусловным инстинктом духа (дух чувственной культуры) и духом условного инстинкта (дух идеационной культуры).

Инстинкт духа и дух инстинкта – это уже не социальное и не биологическое свойство человека, это его эмерджентное качество автономного, самостоятельного, ни от чего не зависимое в его ментальном творческом воображении действие. Это духовная протяженность его мыслительного бытия, благодаря которой возникает та самая метафизическая топика платоновской души, с ее вечной памятью. Возникает, потому что разумная воля человека уже живет в умообразном пространстве духа, логоса культуры. И духовная воля свободно мыслящего человека причастна к силе бытия, неподвластная силе все пожирающего необратимого времени. Так время в протяженности духа становится способностью человека помнить сейчас и здесь то, что уже прошло, и представлять здесь и сейчас будущее, которое еще не настало. И находясь в силе этой памяти и в силе ясновиденья будущего «над», «под» быть в сосредоточии здесь и сейчас вечно бегущего и объемлющего через нас времени.

Именно сила духа определяет уровень, качественность социального существования человека. Человек асоциальный в силу того, что он брошен на дно со-

циума, – это «маугли», «бомж», не имеющий социального места, это больной человек, неспособный к социализации. Человек социально послушный, конформист, одномерный человек, винтик в системе исполнительского труда – подобен биороботу, из которого можно без особого ущерба для него делать киборга. И только человек, который живет в осознании значимости своей миссии, – это духовный человек.

И мы думаем, что клиницисты института мозга – это люди духовной воли, и зовы философии они хорошо слышат со всех уровней своей профессионально выполняемой деятельности: и с земли эмпирического опыта, и из интерсубъективности своего мышления, и с небес трансцендентного бытия; и, фактически, они являются практиками клинически действенной философии.

Это хорошо видно на примере, как они в ходе клинической практики решают основной, знаковый вопрос философии сознания. Философская суть вопроса о человеческом сознании в истолковании понятия «квалиа». «Квалиа» (от лат. *qualia* – мн. ч. свойства, качества) – термин, введенный американским философом К. И. Льюисом, используется в философии, преимущественно в англоязычной аналитической философии сознания, для обозначения сенсорных, чувственных явлений любого рода. «Квалиа» – термин для обозначения того, что является самым близким для нас, наших восприятий. Это качественные характеристики наших сознательных состояний: мучительность боли, «краснота красного, “горечь”, обиды, сладость, наслаждения. Квалиа – специфические субъективные переживания, которые составляют весь наш внутренний опыт. Из них состоит “каково это быть мной”».

Каково быть собой пациенту, когда он основательно болен и ждет помощи от лечащего врача? Очевидно, что инициатива ответа на этот вопрос переходит на сторону врача. Но так как врач лечит не болезнь, а больного, то он должен ответить на вопрос о том, «каково больному быть собой». Опытный клиницист, зная о риске психического выгорания, о трудности психического понимания, не будет прислушиваться к беззвучным зовам души больного, хотя отчетливо слышно, как кричит и стонет его тело. И все-таки при лечении мозга будет нелишне учесть степень бодрствования сознания больного. И тогда надо будет к соматической картине болезни добавить диагностическое знание о сознании больного.

Но врач не делает этого, так как по умолчанию исходит из приверженности духу эмпиризма, мыслит и действует по методологии эмпириокритицизма Рихарда Авенариуса и Эрнста Маха. Скорее всего, врач ничего не знает о создателях этой методологии, но логика опыта ведет его путем эмпириокритицизма. Суть этой методологии – в критике эмпирического опыта, «загрязненного» образностью, метафоричностью гуманитарного знания, оторванностью от конкретности эмпирического эксперимента, от ощущений и чувствования изучаемого предмета.

Определённо опыт науки должен быть событием встречи субъекта и объекта по выяснению конкретной предметности объекта. Научное знание материи дается нам в момент нашей встречи с ней в пространстве эмпирического опыта. В его динамике возникает «гносеологическая координация», при которой нет субъекта без объекта и, наоборот, нет объекта без субъекта. Получаемое знание в ходе такого опыта описательно и согласуется с методологией бихевиоризма. При умозрительном осмыслении, структурной систематизации данных эмпирического знания уместны умственные эксперименты, ментальные модели по разрешению возникших вопросов. В текстуре эмпирического опыта действует принцип «экономии мышления», порожденный естеством адаптивного образа жизни в среде его проживания. Поэтому наработанные, привычные способы исследования живут долго и работают надежно. Вопрос о верификации, сведение абстрактного содержания понятий к сенсорным значениям фактологии опыта решается в духе фи-

зикализма. Поэтому для Маха психическая реальность ощущения – это оборотная сторона физической реальности энергий материального мира. Момент «квалиа-» качества сознания в форме ощущения воплощен в физическую качественность энергетической волны.

Привычный ход методологически четко работающего мышления дает сбой, чтобы запустить эмпатийное мышление биоэтики. «Человек-растение» – это ниже по рангу, чем «человек-животное». По траве мы ходим, выкашиваем ее, особо не переживая при этом; с животными сложнее, особенно если эта животина в существе своем для нас является любимой и преданной собакой. А с человеком еще сложнее и ответственно и юридически действенно.

Это ведь только литературная метафора, когда говорят о человеке «живой труп», «человек-растение». Однако когда философы сознания живописуют с помощью мыслительных экспериментов, то складываются такие представления о живом мозге человека. К примеру: «мозги в бочке», «философский зомби» отождествляют по аналогии процесса брожения множества дрожжевых клеток в кастрюле с процессом жизни множества человеческих клеток в коробке головного мозга. Здесь нет расплывчатого смысла метафоры, здесь однозначность и решительность в преодолении дуализма души и тела.

Здесь есть ясное и четкое утверждение, что в «человеке-траве», в пациенте, клиническое состояние которого принято определять как вегетативное, нет никакого управителя из потустороннего мира, а есть реальный, естественный процесс слаженной работы множества живых клеток, создающих жизнь живого существа. «Ныне налицо распространенное соглашение между учеными и философами, – пишет гурู современной философии сознания Дени Деннет, – в силу которого дуализм просто ошибочен (и должен быть таковым): все мы состоим из неразумных роботов и ничего иного, никаких не – физических, не-“рабочих” составляющих вообще нет» [1, с. 29].

Но это все теория, господа-теоретики философии. А на практике глаза пациента, находящегося в вегетативном состоянии, смотрят, они живы. Мы, конечно, не знаем, есть ли тот, кто смотрит через эти глаза. Но опыт гуманитарной культуры нам говорит: глаза – это зеркало души. Нам сказали, что в теле, кроме хоровода миллиона клеток, ничего похожего на душу нет. Но по определению метафизики душа не материальна и в ней есть сила бытия, которое своим ноуменальным единством все объемлет и все содержит в себе. Это бытие противоречиво. По авторитетному мнению В. И. Моисеева, современного представителя философии всеединства, «отношение Высшего Начала и относительных (которые не являются Высшим Началом) мыслится двойственно – Высшее Начало и выходит за пределы любых относительных начал и включает их в себя. Можно сказать и так, что Высшее Начало лежит не вне относительных начал, а включает их в себя, превышая любое их единство (принцип Превышающего Включения)» [7, с. 27].

Душа, являясь бытийственным высшим началом, может быть вне тела, вне мозга, объемля его спасительным покровом бытия, а может быть не суммативным единством жизни, сила которой превышает силу распадающегося единства едва живого тела. Поэтому не все так теоретически просто. А под давлением биоэтических императивов и присущей эмпатии врача к жизни пациента появляется другое ментально знаковое определение состояния больного – «синдром безответного бодрствования». Клиницист вопреки теоретической философии сознания Деннета, видящего в жизни мозга только физикализм машины, почувствовал «безответственность бодрствующего сознания». А если есть в объекте тела субъектность тела, то возможны начала для духовно-практического взаимодействия с пациентом.

Естественно, что это взаимодействие врача и пациента регламентировано императивами биоэтики, профессиональными нормами медицинской этики и норма-

тивной базой договорного права, согласно которому осуществляется информационное согласие пациента на предложения лечащего его врача. Биоэтика – это и есть практическая философия клинициста, методология которой позволяет ему занять сильную позицию наблюдателя, сравнимую с позицией наблюдателя физической реальности квантового поля, которое от зоркости взгляда наблюдателя показывает себя в качестве энергетической волны или частицы электрона. Правда и ложь этой позиции в верном или неверном понимании. Копенгагенская интерпретация квантовой теории, которую сформулировали Нильс Бор, Вернер Гейзенберг и Вольфганг Паули, утверждает среди прочего, что реальность есть совокупность наблюдаемых единиц (это, помимо прочего, значит, что когда нет наблюдателя, нет и реальности).

Да, действительно, в Швейцарии при помощи Большого электронно-позитронного коллайдера обнаружили «Бозон Хиггса» – «частицу Бога», но физики при этом не стали богами. И наблюдатель квантового поля не управляет силой своей внимательной мысли волновой функцией квантового поля Вселенной.

Сила этой позиции наблюдателя в том, что физики совершили гениальное открытие в познании тайн Вселенной, а слабость в том, что технологии внедрения и управления не в руках этих физиков и не во власти любого человека, кто усвоил методы медитации по изобретенной Дж. Диспенза квантовой психологии. И, находясь в трассовом состоянии от хорошо свершаемой медитации, сможет управлять в своих интересах энергиями квантового поля, чтобы из пустоты мечтаний получить богатство, власть, счастье в материальном мире жизни нашего тела.

Сильная и верная позиция биоэтика, как всегда, – в истинном знании реально-го положения дел. А в данном случае он видит и понимает двойственный, пограничный характер человеческого тела. С одной стороны, тело человека все более объективируется – становится товаром рабочая сила, цена которого все более понижается работодателями до статуса говорящего орудия труда, мощь высоких технологий размывает границу естественно приобретенного и технически внедренного в тело и образ жизни человека до исчезновения биологического в механической, чипированой жизни человека. А с другой стороны, либеральная идеология, став руководством в жизненном самоопределении человека, убедила его в том, что он мера всех вещей, существующих и несуществующих, он правомочный хозяин своей жизни. И в то же время происходит отрезвление человечества от мифологии научно-технического прогресса, который, как оказывается, несет не только благо удобств, но экологически запрограммированную смерть.

Он понимает, что в свете новой экологической парадигмы для логоса нейронауки Джеймса Гибсона «традиционная теория стимул – реакция, позаимствованная из точной науки, каковой считается физиология, помогла избавиться от учения о душе в психологии, но по-настоящему она никогда не работала. Ни ментализм (это с одной стороны), ни условно-рефлекторный бихевиоризм (с другой) не отвечают требованиям современной науки. Необходим новый тип мышления, зачатки которого появляются в работах по теории систем» (цит по: [8, с. 96]). И он понимает, что опора на философию традиционного позитивизма и даже неопозитивизма вне контекста современной философии всеединства не делает позицию наблюдателя по-настоящему сильной.

Под воздействием этих противоположных действий предметность тела пациента обрела статус «биоэта», и от врача требуется хорошее видение в природе человека объектного и субъектного, машинно-мертвого и естественно-живого. Необходимо с позиции наблюдателя управлять модусами этого пограничного «биоэта», в одном контексте отнестись к нему этично, в другом – отчужденно-прагматично, в одной ситуации прислушаться к либеральной или консервативной оценке. К примеру, как оценить пограничный характер процесса «эвтанизии», по-

граничный статус эмбриона в ситуации амбивалентности решения: сохранить или аборттировать плод и т. д.

Противоречивость позиции биоэтического наблюдателя еще обусловлена не-локальностью его места в сетевом пространстве Интернета. Это место суть «глоболок», оно одновременно и везде и в точке актуализированной Сети. К примеру, Институт мозга ведет консультативную работу в точке его локализации в городе Березовский, а реальную спасительную помощь получают пациенты многих районов Свердловской области. Но все эти сложности преодолеваются благодаря сильной позиции биоэтического наблюдателя, научившегося мыслить в логике неклассической научной рациональности, с позиции которой и возможно новое теоретическое видение наблюдателя квантового поля Вселенной, от взгляда которого волновая функция превращается в частицу электрона.

В профессии клинициста физикализм, функционализм чреваты смертью пациента или трансформацией его в мертвое тело киборга, управляемое извне, быть может, чуждой ему силой. Поэтому и актуальна этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера. Он писал: «Моя жизнь в самой себе носит свой смысл, который состоит в том, что я живу высшей идеей, проявляющейся в моей воле к жизни, — идеей благоговения перед жизнью. Благодаря ей я придаю значимость своей жизни и всем окружающим меня проявлениям воли к жизни, побуждаю себя к деятельности и создаю ценности. Этика вырастает из этого же корня, что и миро- и жизнеутверждение. Ибо и этика не что иное, как благоговение перед жизнью» [12, с. 79].

При таком этическом уклоне и нейронаука, и философия возродят нашу надежду и веру в научный прогресс нейронауки и философии. И мы сможем мощный ход техногенной цивилизации направить по руслу духовно-нравственного развития истории человечества.

Литература

1. Деннет Д. Сладкие грезы: чем философия мешает науке о сознании / под ред. М. О. Кедровой ; пер. с англ. А. Н. Ковалю. — М. : URSS, 2017. — 292 с.
2. Диспенза Дж. Сила подсознания, или Как изменить жизнь за 4 недели. — М. : Эксмо, 2013. — 400 с.
3. Дугин А. Г. В поисках темного логоса: философско-богословские очерки. — М. : Академический Проект, 2013. — 515 с.
4. Каку М. Будущее разума / пер. с англ. Н. И. Лисовой. — М. : Альпина нон-фикшн, 2015. — 502 с.
5. Кришнамурти Д. Окончание времени. Будущее человечества. Беседы Джидду Кришнамурти с Дэвидом Бомом. — М. : Ганга, 2016. — 600 с.
6. Моисеев В. И. Логика всеединства. М. : Per Se, 2002. — 414 с.
7. Моисеев В. И. Человек и общество: образы синтеза : в 2 т. — Т. 1. — М. : Компания Навигатор, 2012. — 711 с.
8. Моисеев В. И. Человек и общество: образы синтеза : в 2 т. — Т. 2. — М. : Компания Навигатор, 2012. — 760 с.
9. Поппер К. Как я понимаю философию? // Поппер К. Как я понимаю философию : Иммануил Кант — философ Просвещения / пер. с нем., вступ. ст. и прим. И. З. Шишкова. — М. : Кн. дом «Либроком», 2009. — 104 с.
10. Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А. Ш. Тхостова. — М. : Академический Проект, 2010. — 252 с.
11. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. Васильева. — 2-е изд. — М. : Кн. дом «Либроком», 2015. — 512 с.
12. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / сост. и послесл. А. А. Гусейнова ; общ. ред. А. А. Гусейнова, М. Г. Селезнева. — М. : Прогресс, 1992. — 572 с.

Valentin Mikhailovich Knyazev,

Doctor in Philosophy, professor at Philosophy, Bioethics and Culturology chair,
Ural State Medical University (Yekaterinburg)

Andrey Vladimirovich Belkin,

senior resident of the Department of Intense Care Rehab of Clinical Institute of Brain;
postgraduate Student, Ural State Medical University (Yekaterinburg)

Neuroscience and philosophy about the future of human nature

The article explores the relationship between neuroscience and philosophy in studying future transformations of human nature. Under the influence of scientific and technological progress, the history of mankind accelerates its run exposing the innate natural qualities of man, his developed spiritual and personal identity to irreversible changes. Is there any hope for man in this situation to receive assistance from both the clinical practice of neuroscience and philosophy with its practices of spiritual therapy? Is it possible that with the trans-humanistic turn of neuroscience and philosophy to the path of the controlled evolution of man, the worst will happen: the existence of man would become his another form of existence in the body of a man-made cyborgs, and if the best happens human being will become another, more perfect form of his existence? The ambiguity of this trans-humanistic course of modern human evolution raises questions about the logos of neuroscience and the philosophical ethics of this logos.

Key words: logos of neuroscience; modes of methodology of neuroscience; philosophical-ontological; methodological and bioethical principles of philosophy of consciousness; holo-dynamics.

Связь сердца и ума как процесс воспроизводства целостности человеческой личности (на материале искусства)

В статье проясняются особенности интеграции эмоционального и рационального аспектов личностной идентичности. В центре внимания – символический контекст воспроизводства целостности человеческой личности как предмет литературно-философского осмысления искусства, с опорой на тексты Ж.-К. Гюисманса и О. А. Седаковой. Рассматривается символика готического храма и синтез эмоционального и рационального в поэзии. Типы целостности человеческой личности описываются в призме методологической установки, восходящей к онтологии дара М. Хайдеггера.

Ключевые слова: связь сердца и ума; храм; дар; целостность человеческой личности; поэтическое творчество; символическое искусство; связь светского и конфессионального.

Переживая переходные периоды исторического развития, человечество приходит к новому пониманию путей воспроизводства целостности своего существования в природно-технологической среде. При этом обнаруживаются все новые механизмы саморегуляции социальной жизнедеятельности на планете, согласующиеся с космическим масштабом планетарного со-бытия. Выработка таких регуляторов обычно растянута во времени и охватывает не только внешний, но и внутренний мир человека. В силу этого исторически сформировались основополагающие типы социальных институтов, регулирующих взаимоотношения людей с миром, обществом, друг другом и самими собой. Среди них главенствующее положение веками занимала церковь и свойственные ей регуляторы духовной жизни людей, а также государство и политико-экономические регуляторы материальной человеческой жизнедеятельности. Предназначение первых – придание устойчивости поступательному развитию общества (его духовная стабилизация, консервация), вторых – модернизация этого развития.

Еще одной сферой, формирующей и регулирующей человеческую жизнь, является искусство, в котором, пожалуй, единство разума и чувств, ума и сердца представлено наиболее полно и ярко. Попытаемся осмыслить именно искусство со свойственными ему особенностями символического воспроизводства целостного человека. А именно: имманентное культурной среде разнообразие способов связи сердца и ума, эмоций и интеллекта, чувственного и рационального. Ограничив свои рассуждения рамками символики католического храма и поэтического искусства, определим специфику установления гармонической связи между чувствами и разумом в метафизическом пространстве готического собора и поэтического творчества.

Обратимся в данной связи к литературно-философским текстам Ж.-К. Гюисманса и О. А. Седаковой – с тем, чтобы выявить особенности воспроизводства целостности личностной структуры индивидуального бытия, проясняя процесс связи сердца и ума, инициируемый посещением храмов и прочтением поэтических текстов. На данном основании мы можем определить типы целостности человеческой личности, руководствуясь при этом методологической установкой, восходящей к онтологии дара М. Хайдеггера. Исследовательская оптика такого рода по-

* **Ирина Андреевна Оглоблина**, старший преподаватель кафедры социальной философии департамента философии УГИ Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: 2805-10@mail.ru

может распознать область общих смыслов светского и конфессионального, расширив при этом возможности диалога представителей разных религиозных конфессий.

Связь сердца и ума в готическом соборе

Выделим особенности религиозного способа установления гармонической связи между чувствами и разумом (эмоциями и интеллектом) в символическом пространстве католического храма. Покажем, что это достигается в силу действенности установки метафизической преемственности западноевропейских ценностей дохристианского и христианского типа.

Подробное описание символического пространства готического храма, отсылающее к тонкостям католического вероучения, содержится в романе Ж.-К. Гюисманса «Собор», где главное действующее лицо – собор в Шартре. Описание храмовой христианской символики Гюисманс начинает с метафизики структурного построения католической церкви: «Как правило, у церкви три портала в честь Пресвятой Троицы; портал главного, центрального портала, именуемый Царским, разделен надвое простенком, столбом, на котором покоится статуя Господа, сказавшего о Себе в Евангелии: “Аз есмь дверь”, или Богоматери, если храм ей посвящен, или даже святого, во имя которого освящена церковь. Этим разделением портик указывает на два пути, между которыми человек волен выбирать. Кроме того, в большинстве соборов этот символ дополняется изображением Страшного суда, помещаемым над наличником. Таковы порталы в Париже, в Амьене, в Бурже» [3, с. 111].

Подтверждая высказанную мысль, Гюисманс раскрывает аллегории частей храма: «Взгляните на церковь во всех подробностях. Ее кровля – символ милости, покрывающей множество грехов; черепицы на ней – воины и всадники, защищающие святыню от неверных, карикатурно представленных грозами; сложенные вместе камни, согласно святому Нилу, выражают союз верных душ, а по рационалию Дуранда Мендского скопище верующих, причем самые крепкие камни являются собой наиболее продвинутые по пути совершенства, не дающие более слабым братьям, представленным малыми камнями, отторгнуться из стены и упасть; но для Гуго Сен-Викторского, монаха обители того же имени, жившего в XII веке, такое смешение означает просто совокупность мирян и клириков. С другой стороны, булыжники неравного размера скреплены раствором, значение которого указывает Дуранд Мендский. Раствор, пишет он, составлен из извести, песка и воды; известь – это пламенная любовь, а посредством воды, т. е. разума, она сочетается с песком, с делами земными. Сложенные таким образом камни образуют четыре больших стены собора – четырех евангелистов, как утверждает Пруденций из Труа; согласно другим литургистам, они запечатлевают в камне четыре основные церковные добродетели: Справедливость, Мужество, Благоразумие и Умеренность, представленные также четырьмя стенами Града Божьего в Апокалипсисе» [3, с. 109].

Затем Гюисманс обращает внимание на загадки нумерологического богословия: «Внимательно изучая систему эмблем, мы не можем не исследовать явления чисел; невозможно раскрыть секреты храмов, не принимая во внимание, что таинственная сущность единицы – единство и Сам Бог, что двойка указывает на две природы Сына, два Завета, а кроме того, по Блаженному Августину, выражает любовь, а по Григорию Великому – двойную заповедь любви к Богу и к ближнему; тройка – число божественных ипостасей и богословских добродетелей; четверка олицетворяет главные добродетели, четырех великих пророков и Евангелия; пятерка – число ран Христа и наших чувств, прегрешения которых Он искупил равным количеством язв; шестерка напоминает о времени сотворения мира Бо-

гом, определяет число заповедей церковных и, по святому Мелитону, выявляет совершенство деятельной жизни; семерка – священное число Моисеева закона; это число даров Святого Духа, таинств, слов Спасителя на кресте, канонических часов и возложений рук на посвящаемого при хиротонии; восьмерка – по святому Амвросию символ возрождения, по Августину – воскресения, это же память и о восьми блаженствах; девятка говорит о числе чинов ангельских, количестве особых дарований Духа по исчислению апостола Павла, а также цифра часов, на протяжении которых испускал дух Иисус Христос; десятка дает число заповедей Иеговы, Закона страха, но Блаженный Августин разъясняет десятку иначе, говоря, что она есть свидетельство богопознания, поскольку раскладывается таким образом: три – символ Бога в трех лицах, семь – день отдыха после сотворения мира; одиннадцать, по свидетельству того же святого, есть образ превосхождения Закона, щит от греха; двенадцать – число мистическое по преимуществу, число патриархов и апостолов, колен Израилевых, малых пророков, добродетелей, плодов Святого Духа, членов Символа Веры. И так можно было бы продолжать до бесконечности» [3, с. 113].

Комментируя вышеизложенное, Гюисманс уточняет: «Символика происходит из божественного источника... с человеческой точки зрения, эта форма отвечает одной из самых бесспорных потребностей человеческого разума, который испытывает некоторое удовольствие, давая доказательство сообразительности, разгадывая предложенную загадку и запечатлевая разгадку в зримой формуле, в долговечных очертаниях. Блаженный Августин об этом прямо сказал: “Вещь, обозначенная аллегорией, несомненно, более выразительна, более приятна, более многозначительна, чем та, которую обозначают специальными терминами”» [3, с. 105]. Из этого следует, что символическое оформление храма по самому своему назначению позволяет эмоциям, чувствам, рассудочному интеллекту, абстрактному разуму и интуитивному уму слаженно взаимодействовать друг друга при погружении в предмет христианского учения.

Как прояснится далее, такого рода взаимодействие преследует метафизическую цель. Для Гюисманса является очевидным, что христианская церковная символика восходит к алхимическому гнозису: «Возьмите вещества, употребляемые Церковью при разных случаях: воду, вино, золу, соль, елей, миро, ладан. Помимо того, что ладан уподобляется Божеству Сына Божия, он также служит символом наших молитв, thus devotio orationis, как отзывается о нем майнцский епископ IX столетия Рабан Мавр... Вода, вино, зола и соль служат для изготовления драгоценного состава, применяемого епископом при освящении храма. Их амальгаму используют, чтобы оросить алтарь и окропить нефы; вино и вода означают две соединенные природы Христа, соль – премудрость Божию, зола – воспоминание о Страстях Господних. Бальзам же, символ добродетели и доброславия, сочетают с елеем – миром и благоразумием для приготовления священного мира» [3, с. 116–117].

Получается, что алхимия – одно из таинств церкви, не раскрываемое незрелому уму массового человека, но передаваемое его инстинктивному разуму (плотскому рассудку) на бессознательном уровне, через церковные притчи и обряды, на языке ритуалов (единственно доступном инстинктивному разумению). К этой же мысли подводит следующая ремарка М. Айванхова: «Церковь вынесла алхимии приговор, а ведь даже папы предавались этой практике. И если изучить скульптуры внутри и снаружи некоторых храмов, таких как Собор Парижской Богоматери или Собор Шартрской Богоматери, например, то можно открыть, какой у христиан была наука в эпоху строительства этих сооружений» [2, с. 181]. Не менее откровенен и В. Каспаров в предисловии к книге Гюисманса: «Соборы в плане имеют форму креста, но крест, как отмечает Фулканелли, – алхимический

иероглиф тигля. «В тигле первоматерия, подобно Христу, претерпевает мучения и умирает, чтобы воскреснуть очищенной, одухотворенной, преображенной». В тигле нашего внутреннего собора преображается наша душа» [3, с. 12].

Тексты Фулканелли не оставляют сомнений: готическому зодчеству Средневековья была доступна премудрость искусства храмостроительства, следы которого возможно обнаружить в алхимической символике, запечатленной в убранстве возводимых храмов. Айванхов, высоко ценящий символический язык [1], с этим полностью согласен: «Строители соборов обладали алхимическими знаниями, свидетельства о которых в большом количестве предоставляют скульптура и архитектура. Таким образом, они в камне записали все те фазы, через которые проходит материя во время приготовления философского камня» [2, с. 181]. Вышеприведенные цитаты убеждают в том, что средневековый храм (очевидно, не только готический) сохраняет в связи с раннехристианским алхимическим гнозисом. *Но каким образом сохраняется эта связь?*

Во-первых, метафизически. Храм символизирует собой процесс алхимического преображения человеческого естества и возводится не только как украшение города. Строительство в стиле «лакшери» способно отразить лишь внешнюю, формальную сторону церковно-соборной жизни. Содержательная же ее сторона есть сакральный метафизический процесс, протекающий на физическом, эмоциональном, ментальном уровнях сознания прихожан той местности, в социальном пространстве которой расположен храм. Более того: в тонких слоях его высокого эфира образуется духовное единство вышеперечисленных пространственных планов, в точности соответствующее небесному архетипу, по лекалам которого храм возводится: «Храм – земное воспроизведение модели высшего мира, копия небесного архетипа. Зодчий, приступая к строительству храма, испытывает мощное воздействие высших сил, а завершая строительство, становится неотличим от своего творения» [3, с. 8]. Поэтому «требуется усилие, чтобы понять: собор – квинтэссенция жизни, подробная подробность» [3, с. 8] (дополним: эфирная форма духовной жизни души; лестница, по которой душа возносится в небо). Регулярное участие в храмово-каноническом служении (в молитвенно-исповедальных практиках, литургиях и обрядах) позволяет прихожанам привносить в свою повседневность вышеотмеченное качество жизни, в силу чего в их поведении постепенно начинают проявляться свойства христианской добродетели. Процесс алхимического преображения (неразрывный с актом христианской веры) постигается подлинными учениками Христа, практикующими житейскую мудрость (*sophrosyne*, здравомыслие) существования в ладу с ближними, в событийствовании. Такой эффект – ветхозаветное наследие античных языческих мистерий, проявить которое в физической реальности предназначено христианской мистерии. Христианская добродетель, следовательно, восходит к метафизике Аристотеля и к его категории «мера» (как к непреложному и необходимому источку взращивания каждым в себе самом любви к ближнему). Следовательно, к умению обнаруживать золотую середину между двумя крайними проявлениями чувств, классифицированному Аристотелем как «арете» (этическая и дианоэтическая добродетель, высокие чистые чувства и свет умо-зрения). Получается, что христианские храмы – проводники древней ветхозаветной мистерии, по-особому проявляющейся в рамках Нового Завета, и что именно поэтому церковную службу в католическом соборе отличает качество квинтэссенции жизни.

Во-вторых, связь христианского храма с алхимическим гнозисом воспроизводится физически. Об этом свидетельствует данное Гюисмансом описание церковной католической символики, затрагивающее также вопрос о выборе места возведения храма: «Вместе со зданиями, увенчанными ими, они почти всегда стояли на господствующей над городом высоте» [3, с. 108]. Универсальный характер дан-

ной рекомендации подразумевает, что она приложима к строительству храмов не только католических. Поэтому Гюисманс вносит существенное уточнение: «Середина заалтарного обхода должна указывать на место, где восходит солнце в равноденствие, чтобы свидетельствовать, говорит епископ Мендский, что Церкви надлежит поступать с умеренностью как в победах своих, так и в невзгодах» [3, с. 110]. Иными словами, места христианского храмостроительства «высвечиваются» 21 марта и 23 сентября множеством точек на пути приращения линии солнечного восхода, огибающей земной шар. Иначе говоря, естественно-природным процессом «самоначертания» окружности «от Гринвича до Гринвича». Из этого возможно заключить: благодаря месту своего возведения не только единичный поместный храм, но и церковь как таковая оказываются способными к добродетели («арете») и, следовательно, демонстрируют качество умеренности (меры) в принимаемых решениях и поступках. Таким образом, в самой практике храмостроительства так же воспроизводится отмеченная выше связь Ветхого и Нового Заветов. Согласование двух традиций (христианской и языческой) на физическом уровне, как уже было сказано, достижимо простым способом: выбором местонахождения храма. Оно не должно быть случайным. Лишь в этом случае церковное служение, проводимое в храме, сохраняет свою связь с природой (с «естественным ходом вещей», со звездной картой неба) и тем самым поддерживает в прихожанах устремленность к христианской добродетели, сопричастной аристотелевской «арете». Именно поэтому испокон веков соборы возводились как радужные мосты, соединяющие Землю и Небо. И не каждая местность годится для храма, не каждое место способно служить «проводящей антенной» соборного таинства. Лишь сакральным местам присуще особым образом поляризованное электромагнитное поле с соответствующей интенсивностью, частотой и амплитудой колебаний энергетических импульсов, поддерживающих вертикаль духовного измерения эфирных слоев окружающего пространства. Причем не только в ходе литургического богослужения, но и в моменты, когда церковные обряды и ритуалы не проводятся.

Подведем промежуточные итоги. Аллегии и нумерологические загадки символического пространства готического храма – средство погружения чувств и разума в предмет христианского учения в целях установления между ними непротиворечивой связи. В рамках этой связи рациональность западного христианства характеризуется чувственностью и эмоциональностью восприятия особенностей молитвенно-духовной практики церковного богослужения. Эти особенности имеют символический характер, что соответствует средневековому монастырскому постулату: «Символ есть аллегорическое представление предмета христианского учения в чувственной форме» [3, с. 104]. Кроме того, символ здесь – это «фигура или образ, употребляемый как знак иной вещи» [3, с. 104]. Последнее относится к «притчам, т. е. к одному из способов указывать на одну вещь, чтобы ею обозначить другую» [3, с. 105]. Язык притч и чувственных аллегорий в доступной человеческому рассудку форме позволяет понять, что в здании храма «в общих чертах подытожено все: Писание, богословие, история человеческого рода... наша физическая и нравственная жизнь, наши добродетели и пороки» [3, с. 104]. История человечества запечатлена в символике убранства и метафизической структуры храма, поскольку «Ветхий Завет прообразовательно выражает события, о которых повествует Новый; Моисеева религия аллегорически содержит в себе то, что христианская показала нам в действительности» [3, с. 105]. Помимо литургического молитвенного погружения в символическое пространство готического храма существует и другой способ установления гармонической связи между чувствами и разумом (эмоциями и интеллектом). А именно: «Возведение храмов – процесс, в ходе которого писалась книга Священного Писания, доступная для не-

понятливых, заменяющая текст изображением. Собственно, эту самую мысль высказал собор в Аррасе 1025 года: «То, чего неграмотные не могут понять из Писания, да будет им преподаваемо живописанием» [3, с. 106]. Одним словом, Средневековые переводило на язык изваянных или рисованных линий Библию, богословие, жития святых, апокрифические евангелия, легенды; оно делало их общедоступными, пересоздавало их в знаках» [3, с. 106].

Но на этом пути существует опасность подмены Бога его образом, возникающим в сознании. Причина такой угрозы в том, что процессу воображения придается качество полноты духовной жизни. И тогда процесс преображения земной, чувственной энергии тела в энергию небесного духа может быть перенаправлен на путь обмирщения, вниз, к земле. Продвигаясь по этому пути, тот, кто стремится жить по образу Сына в Духе Святом, незаметно для себя обретает качественность энергии земного духа, наполняющую жизнью лишь его телесную природу. Ограниченный жизнью тела, он становится обладателем единичности «одного», «единственного». Именно здесь обнаруживает себя различие между католической и православной ветвями христианства. В православии, как известно, качество веры поверяется толкованием догмата Троицы как Единства христианской любви, указывающего на специфику соединения природ во Христе (неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно: земное вознесено на небо). Католичество же не опирается на догмат Троицы в полной мере. Митрополит А. Сурожский в данной связи обращает внимание на метафизику понятий «триединое», «двойное», «одно» [7, с. 216]. Помимо этого, линия демаркации между католической и православной традициями может быть проведена при определении их различия в отношении к христианскому искусству. Как к искусству, чья природа храмово-каноническая, или как к искусству художников, живописующих на христианские темы: «Православное скорее категорически противопоставит ватиканские росписи Рафаэля и Микаланджело иконному письму, чем соединит то и другое в общем понятии христианского искусства» [4, с. 337]. Как кажется, в данном случае вновь проявляет себя сопротивление малейшему отклонению от устремленности к любви, излучаемой Христом, то же самое нежелание поддаться «прелести» (вожделению, наслаждению, влечению, заблуждению).

Различить подмену искренне верующим помогает метафизика храма. Метафизическая структура храма символизирует процесс алхимического преображения естества человеческой души, трансмутацию ее ветхозаветной, языческой чувственности в христианское целомудрие. Последнее же является предтечей христианской всеобъемлющей жертвенной любви. Следовательно, правомерен тезис В. Каспарова: «Собор – квинтэссенция жизни». Таким образом, можно утверждать, что христианский католический собор – духовный преемник языческого института мистерий и что «всякое изображение в нем – слово, всякая группа – фраза, поддающаяся расшифровке; ключ к нему – знание символов (скрывающих тайну единения неба и земли, божественного и человеческого), на языке которых надлежит говорить о Духе, о Сущности, о том неисповедимом и не имеющем имени Существо, которое есть наш Бог» [3, с. 104].

В целом, основополагающей особенностью связи сердца и ума в символическом пространстве католического храма видится ее чувственно-образный характер. Последний же поддерживается и воспроизводится метафизической компонентой структурного построения готического собора, символикой его убранства, артефактами иконного письма и произведениями канонической живописи лучших мастеров мирового искусства, ежедневным литургическим богослужением, музыкальными композиционными построениями, мессами, ораториями, молитвенно-исповедальными практиками и духовными религиозными обрядами. Все это способствует погружению прихожан в предмет христианского учения и тонкости ка-

толического богословия. В итоге ум, разум, рассудок, чувства и эмоции обретают согласованную настройку на возвышенный лад и особую ритмическую структуру. Жизнь человеческой личности оказывается составной частью жизни храма, в силу чего обретает свойственное последней качество квинтэссенции, организующей дух, душу и тело в особую эфирную форму, свойственную духовной энергии метафизической души. С точки зрения антропологической особенность связи сердца и ума в рамках витальной квинтэссенции заключается в особой специфике формы чувственно-эмоциональной (нередко воображаемой) образности, присущей умственной активности. Специфика данной формы всецело определяется метафизическим (эфирным) качеством квинтэссенции, организующим жизнь в очертаниях человеческого тела.

Тип целостности человеческой личности в данном случае подлежит исключительно образно-символической идентификации, рациональная компонента которой локализована в смысловом контексте геометрической структуры пентаграммы – изображения человека, вписанного в окружность по принципу пятиконечной звезды.

Связь сердца и ума в поэтическом творчестве

Выделим особенности светского способа установления гармонической связи между чувствами и умом (эмоциями и интеллектом) в символическом пространстве поэтического творчества. На материале осуществленного О. А. Седаковой анализа поэтической мысли покажем, как именно данная связь формируется в рамках личностного художественно-образного восприятия сообщений из дома бытия.

Разгадывая способы проникновения мистического и религиозного в ткань светской поэзии, О. А. Седакова приходит к неожиданному выводу: «Мне кажется, что смысл стихотворной красоты, в отличие от красоты музыкальной или пластической, имеет в виду нечто необыкновенно тесным образом связанное с проблемой личности» [5, с. 86]. Размышляя об этой проблеме, Седакова ставит вопрос об антропологическом основании человеческой природы (по сути, об антропологической идентичности бытия человека-в-мире) и приступает к осмыслению особенностей авторского поэтического творчества. Дуальность творческого сознания – первое, на что она обращает внимание: «В голосе поэта мы слышим другой голос: его называют голосом Музы, голосом Орфея, одного во всех поэтах (эта тема обсуждалась в тройной переписке Пастернака – Рильке – Цветаевой), голосом самого языка, голосом того, что существует “внутри”, вдали человека, что для него в себе редкостно, но при этом – знакомее и роднее всего» [5, с. 164]. В такой оптике становится очевидным медиумический характер поэтического творчества: «это не создается человеком, а диктуется Музой (языком); является во сне; само (произведение) себя создает» [5, с. 103–104]. Вместе с тем, со стороны категориальной, примечательна классификация авторского личностного начала как «одного». Напомним: со времен Ф. Ницше в западной философии укоренилось понимание единого как «одного», последнее же, в свою очередь, восходит к категории «единственного», столь значимой для М. Штирнера в его апологии личностного «я» [12].

Седакова, однако, апеллирует к известной переписке с желанием подчеркнуть: поэт совмещает в себе два «я», и второе его «я» общается с целым, т. е. с космическим бытием универсума. Тот, кто ведет светскую жизнь, открывает в себе другого, вступающего в общение с вечностью. Важно, что такого рода общение создает чувственно-звуковой мир, открывающий неведомые смыслы и пути, преобразующие мир повседневности, хотя «контраст бытовой и творческой личности в одном человеке может быть совершенно скандален. Для Другой личности в авто-

ре находятся названия: “моментальная личность” (“моментальная личность, создавшая эти стихи...” Ст. Малларме), “музыкальный субъект” (А. Ф. Лосев) [5, с. 104]. Особенно важно, что беседа второго “я” поэта с космическим целым проявляет себя лишь при согласии первого “я” исчезнуть, умереть, следовательно, обезличиться: “Поэзия как антропологический опыт, опыт человека невероятного, homo impossibilis, встречающего в себе не столько “другого, неведомого себя”, “моментальную личность”, “музыкальный субъект”, сколько чистое согласие исчезнуть (“Я к смерти готов”) – на пороге, в начале, в обещании чего-то совершенного иного, что он узнает при этом как предельно родное. Сопоставимо ли это с тем, что называют естественным созерцанием, естественной мистикой?” [5, с. 112].

В данной связи О. А. Седакова размышляет о человеке как о новом начале, отсылая к воззрениям св. Августина. Человек создан для того, чтобы было начало. Он так задуман, чтобы через него в мир входило начало. Мир случается как событие, говорили древние греки, характеризуя момент рождения начала в уже родившемся человеке и называя этот момент ударом молнией, событием: «Целое является в наш мир, как замечали еще в досократовской древности, как удар молнии» [5, с. 164–165]. И с каждым человеком рождается новое начало мира, человек дает возможность ему проявиться. В этом – задание человека, указывающее на специфику его антропологической природы. Если это антропология, то это, можно сказать, и космология. Более того: космический масштаб “нового начала” проявлен в творчестве тех, кто «преуспел в выражении “своего” (а выражение здесь одновременно – постижение), и в глубине “своего”, как обнаруживается, живет не-свое, другое, новое» [5, с. 82].

В силу этого с каждым рождением этого «нового» может возникнуть новый мир. Вопрос в том, какова здесь воля самого человека. Задумываясь над аспектом свободы человеческой воли, Седакова подчеркивает согласие личностного «я» на исчезновение, смерть: «Творение из смыслового “ничто”, из личностного “ничто” – категорический императив свободного искусства» [5, с. 130]. Вместе с тем, «другой, не менее строгий закон свободного искусства – требование исходной непредвзятости художника, его безоружности перед своим предметом, который раскроется ему только в ходе глубоко личного, интимного опыта. Все “готовые”, “чужие” смыслы... могут только помешать этому событию совершенно нового познания, новой встречи – как, словами Цветаевой, “вечный третий в любви”. <...> Даже морализующие жанры не могут удаться без этой странной “свободы не выбирать”» [5, с. 129]. Речь идет о свободе духовной воли. Именно она присуща «новому» (другому, иному) человеческому началу, творящему шедевры, той «моментальной» личности, которая скрепляет в анонимном авторском единстве множество личностных проявлений, ролей, обитателей «я». При этом «личность» автора (автора удавшейся вещи), та личность, которую Поль Валери назвал «моментальной», а отец Павел Флоренский – «брачующейся с истиной», тоже представляет собой нечто выбранное из множества равно прекрасных, равно отзывчивых возможных «Я». И когда глубоко-своевыражено вполне, то оказывается, что выражено-то нечто другое, нечто, одевшее это «свое» другой одеждой, одеждой «чего угодно» [5, с. 82].

Приведенные цитаты проясняют обозначенную выше проблему. Напомним: личностное начало каждого отдельного художника отличается качественностью одного, единичного. Можно выделить по меньшей мере три варианта категориального «расклада» единичного в смысловом контексте «одного»: как единственного во множестве конкретных проявлений отдельного; как единственного, выражающего общее; как единственного, выражающего всеобщее. Раскроем, каким образом О. А. Седакова соотносит «одно», «единичное» и «общее».

На первый взгляд, она приходит к выводу, что личностное начало, воплощающее в себе «другого» как «одного», отсылает к народному духу, так как «“выразитель народного духа” не столько обобщает и величественно повторяет этот народный дух, сколько дарит ответ на его тоску. Этот ответ есть путь к общему, который идет не через типичное, а через единственное» [5, с. 53]. Здесь, как представляется, речь идет не о множественном единственном, а, скорее, о подстановке живущего в авторе «другого» (воплощающего в себе общее) на место «я». В результате авторская личностная значимость нивелируется силой голоса Музы, отзывающегося в поэте неличным звучанием внутреннего хора, выражающим народный дух. И в этом улавливается влияние античной традиции, свойственное поэзии Серебряного века: в основе греческой трагедии – хоры, говорящая музыка, тогда как «искусство Нового времени очевидно утратило хоровое начало» [5, с. 138]. Для Седаковой замещение такого рода – индикатор артикуляции в поэте нового начала. Но почему один эту возможность начала (вложенную в каждого) реализует, а другой нет? Ответ прост: по причине различия в отношении к реальности. Имеется в виду отношение к реальности, каким его проявляет творчество лирического поэта – например, Пушкина. Его лирика не «собирает, или обобщает, или возвышает тот смысл, который есть и без нее в “реальности”». Она действует с другой стороны: “И на бушующее море / Льет примирительный елей”. Этого смысла в мире нет, он в мире нужен. <...> Мир дан, он дарован. Елей свой поэзия берет не из бушующего моря как “суть” этого моря, а дарует ему – как то, что в его сути присутствует в виде нехватки, как предмета тоски и боли. <...> О том, чего не дано – и что может быть только даровано» [5, с. 53].

Повторим очевидное: поэт – медиатор, посредник между мирским и божественным (микрокосмом и макрокосмом, «я-Я»). Поэтому личностное начало лирического поэта отличается качественностью *одного*, выражающего общее, а общим является не только народный дух, говорящий через поэта, но и смысл, привносимый поэтом в мир как ответный дар на запрос народного духа. То есть примирение – смысл, которого в мире нет. Ответный дар поэта адресован бытию, но направлен в мир, сокрушенный тоской народного духа: «Пушкин выражает русское – но в том смысле, что подарен ему, а не другому, что на это бушующее море он льет свой елей» [5, с. 53–54]. Тем самым единичное («одно») утверждается и как единственное (личное), и как общее (народное, безличное) начало авторского поэтического творчества. Смерть автора в этом контексте очевидна: автор воплощает в себе выражение народного духа особым образом, устраняя самое себя, свое авторство: «прелесть поэзии и в том, что она – из немногих “неличных” дел, оставшихся на земле» [5, с. 95].

В данной связи «обнаружить какой-то закон поэзии можно не на обобщении сходного, а на углублении в – ... то, что при рождении совсем не имеет отношения как к сходствам и повторам, так и к несходствам и отталкиваниям от повторов» [5, с. 84]. И это не что иное, как «реальность живого центра, не предсказуемого ни в своем явлении и исчезновении, ни в том, что за его пульсирующим присутствием последует (...вероятно, я имею в виду что-то похожее на то, что Хайдеггер называл *Lichtung*)» [5, с. 143]. Вхождение в центр через *Lichtung*, просвет «как будто угрожает нашему существованию. Во всяком случае, чему-то в нем оно угрожает, и этим чем-то мы, видимо, особенно дорожим. Может быть, это что-то – безопасность... пресловутое *self-esteem*. <...> Но здесь-то, позволю себе предположить, инстинкт самосохранения делает фатальный, ошибочный выбор» [5, с. 143–144]. Подчинение зову духовной воли даруется свыше в награду за совершенный выбор, оборачивающийся свободой не выбирать. В противном случае, «выбрав покинутый смыслом и центром мир, мы сохраняем не себя и даже не наличный

status quo, а возможность беспрепятственно двигаться вниз и вниз. Во все более плоское, фрагментарное и бессердечное» [5, с. 144].

Опасность бессердечного существования неминуема, если поэтическое творчество не углублено в центр мироздания, будучи погруженным лишь в аналитическую процедуру самоописания через обобщение сходного. Новое же начало бытия (а с ним – понимание «одного» как «единственного») всегда рождалось именно во вселенском центре, причем «в той мере, в какой искусство оставалось искусством приобщения к миру и его сердцу. В той мере, к какой голос солиста-автора подхватывал внутренний хор, благодарное согласие его слушателя и читателя, которому то или иное соединение слов открывало просвет – *Lichtung* – в собственную даль. И слова позднего автора дарят нам взгляд в ту же даль – в ту же центральную сердцевинную даль, что и древнее заклинание или оракул» [5, с. 144–145]. Параллель между архаичным, античным и библейским не лишена изящества: «в русском языке сердце и середина – однокоренные слова, и это, между прочим, предостерегает нас от того, чтобы понимать сердце и сердечность слишком сентиментально. Сердечное, сердцевинное – просто центральное; центр жизни, в не меньшей мере смысловой центр, чем эмоциональный. Старые поэты (как Данте в «Новой Жизни») хорошо знали топос центра, знали о сферичности, как требуемом качестве живого в лучшем смысле пространства» [5, с. 142].

Только в этом случае личностное начало поэта-лирика рождает «общее» как «иное», «новое» начало. Исключительно потому, что «пространство поэзии имеет одну реальную координату: соотносённость с центром, с сердцевиной» [5, с. 142]. В силу этого для Седаковой, как и для Хайдеггера, общее рождается не в типичном, а в единственном, чье особенное состоит в сердечном, в центральной сердцевинной дали просвета (*Lichtung*). Его (единственного) собственность – особенное, только в *Lichtung* оно откроет свое общее: народный дух. Ведь здесь, как нигде, проявлено центрирование сердечной мысли в истине апофатического молчания: «Не что-то одно истинное, но целая для восприятия сбывающаяся истина, для просторного постоянства приглашает мыслящее сердце в простое долготерпение единственного великодушия благородного воспоминания» [10, с. 128]. Существует точка зрения, что М. Хайдеггер именно из памяти (*Gedenken*) выводит мышление (*Denken*), тогда как сама память выводится им из благодарности (*Dank*), последняя же – из благоговения, молитвы (*Andacht*). В конечном итоге, все эти значения восходят к слову *Gedanc*, означающему на древнем германском языке не только душу, но и сердце.

Здесь-то и возникает поставленный С. С. Аверинцевым вопрос о характерном для поэтического творчества способе связи эмоций и интеллекта, сердца и ума. О. А. Седакова интерпретирует последнюю как характерную для поэзии Нового времени связь слова и духа: «“Пусть слово зовется невестой, / Женихом – дух; / эту свадьбу знает тот, / Кто восхищается Гафизом”. Это гетевское четверостишие (*Geist*, «дух» означает здесь умственное дистанцирующее начало) описывает довольно общее свойство европейской поэзии Нового времени» [5, с. 496]. Добавим: *Geist* также отсылает и к аристотелевскому понятию «Нус» (божественный ум, или «дух»), указывающему на завершение восхождения поэтической мысли к полноте своего умозрительного бытия, доступной лишь просветленному индивидуальному сознанию, облаченному в общую форму народного духа. Не соглашаясь с природой *Geist* (видящего, но не чувствующего слово), Седакова отмечает: в отличие от духа рациональности западного поэтического творчества, поэтическая мысль Пушкина преодолевает рамки нововременной поэзии. Она отлична от последней, так как воплощает в себе общее как иное, особое, новое начало личностного бытия (народный дух и выстраданный им смысл примирения). Воплощает через единственное, через сердечную сердцевинную даль просвета (*Lichtung*).

Примечательно, что О. А. Седакова осмысляет и другой вариант решения леммы одного и единственного. Она полагает, что, будучи единственным и уникальным воплощением «общего» (сокрытой в сердце поэта энергией народного духа, транслирующей смысл примирения), *Lichtung* позволяет открыть в «единственном» суть этого «общего» еще глубже (внутрь, вверх и вдаль). И тогда в отсутствующем личностном, в не имеющем характера «единственном», открывается «всеобщее» – красота: «Личность же, которую я имею в виду, говоря о лирике, связана с характером отрицательной связью: отвагой не иметь характера. Забыть про всю сумму свойств, которые позволяют тебе делать то-то и то-то и не дают делать того-то и того-то. На месте характера здесь стоит красота – и предельные возможности любого характера ее видеть» [5, с. 87]. В данном случае лирическая поэтическая мысль воплощает в себе «больше, чем общее». Она воплощает всеобщее, суть которого – антропологически значимое единственное. Его универсальное особенное заключено в способности сердца вот только этого, одного-единственного, автора быть человеческим. Транслировать в мир не личностное «я», не «народный дух», а человечность, излучая красоту через сердце, вдохновленное служением не Музе, а Слову: «вся устроенность, со-образованность, все контрасты и повторы стихового целого служат слову. И не только некоему сверхслову, безымянному на том языке, которым написано стихотворение, и возникающему из суммы всех составленных и сообразованных слов как смутный, но реальный облик с почти угадываемой звуковой формой... такое ино-слово – просто смысл. Ведь в каждом из этих слов, если прислушаться, присутствует то самое сверхслово, которое может собрать вокруг себя множество других композиций» [5, с. 94].

Тем самым проявляется конкретно-всеобщий масштаб искусства, воплощающего качества, с одной стороны, единственного, уникального, а с другой – всеобщего, универсального. Это масштаб синтетического искусства стихотворной красоты, приобщенной к миру и его сердцу самым фактом рождения «нового начала» в человеческом сердце, когда оно пробуждается, как «Другое я», «я» вдохновения ... «это общий человек в человеке, само вещество человечности в человеке, в его сердце. Сердце, которое пробуждается, как сердце поэта» [5, с. 138]. Новое начало в человеке – само вещество человечности в человеке, чье сердце излучает красоту, и ее излучение – дар, которым дано бытие космическое, универсальное. Излучение красоты сердцем – примирительный елей, привносимый в мир как ответный дар поэта бытию. И тем мир спасается.

Здесь вновь угадывается влияние Ф. М. Достоевского и М. Хайдеггера. Варианты решения О. А. Седаковой леммы одного и единственного (входящей в категориальное соотношение общего, особенного, единичного) – онтологические, при условии, что онтологическое может быть прочитано как этическое. Оба они соответствуют представлениям Хайдеггера о даре, об онтико-онтологическом различии. О том, что бытие раскрывает себя дважды: во-первых, как таковое, т.е. космическое; во-вторых, как сущее событие пространства и времени. Согласно Хайдеггеру, дар – это способ, которым бытие дано как данность, как таковое, изначальное. Следовательно, оно «имеет себя», а потому может и дарить себя, само же бытие» [11, с. 204]. Именно этим способом дается бытие сущего – так, что самым актом этого давания (дара) оно самораскрывается, проявляет себя вовне, обращается в присутствие (*Dasein*), т. е. в способ подлинного существования индивида, историчный и этический.

Примечательно, что во втором варианте вышеупомянутого решения голос «второго» в самозабвенном «я» обретает не столько эпическую значимость (как в первом варианте решения леммы), сколько трагическую, так как «смысл этой красоты относится к смерти, поскольку “здесь” ему нет места – и он относится к бессмертию, потому что явлением своим делает это смертное “здесь” чужбиной» [5,

с. 88]. Следовательно, в этом случае «лирическое сознание (в серьезном смысле – в противопоставлении эпическому) связано с разломом событийности, с догадкой о пустотах и пробуждениях. В эпосе нам дается сказочный сон о реальности, о вещности» [6, с. 389], тогда как «лирика открывает в слове и в событии щели и провалы» [6, с. 390]. Получается, что разлом событийности, щели и провалы в слове и событии сопутствуют рождению в личности лирического поэта нового начала (угадываемого в «пятой стихии» вдохновения Мандельштама [5, с. 71]), обязывающего человека совершить выбор и по воле духа свободно следовать Слову. Служение Слову оказывается возможным там, где «язык относится к Творческому – в полном смысле – Слову как далекое Следствие к своей Причине. Существенное различие в том, что движение дантовской речи при этом центростремительно, мандельштамовской – повторяющее, идущее вслед. Речь стремится не к слову (дантовское движение), а вслед ему <...>. Знание является как возвращение, повтор, воспоминание» [5, с. 110]. Такая интуиция близка теме следа, получившей детальную разработку в неклассической философии Э. Левинаса и Ж. Деррида. В нашем случае важно осознать: служение Слову – особый дар, обретаемый в награду за выбор в личностном (в единственности общего, народного) красоты всеобщего – сердечной человечности. Художник обнаруживает себя на развилке выбора: какое начало продолжать развивать в себе – личностное или общечеловеческое? Его ум, достигший апогея зрелости, погружается в состояние, известное со времен Де ла Круза как «темная ночь души», и отдаленно напоминающее о мистерии Логоса в час Пана: «в середине пути нашей жизни мы поймем, разделяя с автором те значения “пути”, “жизни”, “середины” этого пути и связанной с этим моментом (“преполовинением дней”) особой опасности, о которой свидетельствуют библейские стихи. “В середине дней” смерть подступает к человеку особенно близко: грешников смерть похищает в “преполовинении дней”. <...> В переводе М. Лозинского: “Земную жизнь пройдя до середины...”» [5, с. 173–174].

До свершения выбора, предполагающего уничтожение «меня», «меры моей» на грани жизни и смерти – разломы, щели и провалы. Лишь «уничтожение “меня”, “меры моей” ... развязывает для бытия. В некатастрофические времена, не в “узле жизни”, человек гораздо более склонен к примирению с собственной мерой: мерой “невеличия”. В крайней ситуации ему не остается ничего другого, как быть великим, быть одним. Это – среди другого, конечно, и можно счесть антропологической темой поэзии: осуществление человека у предела его “меры”. Можно сказать, что эта мера – смертность; можно сказать, что это человечность» [5, с. 111]. Человек при жизни умирает, рождаясь во второй раз как сознающая себя бессмертная Душа. Возможно, наконец, заключить: пробуждение сердца в момент постижения красоты отмечено не только смыслом смерти, но и открытием (в определенном часе) в себе того, что тебя превосходит. Это открытие себя как Души, питающейся духом красоты (всеобщего). Это самоосознание разума сердца, чья поэтическая мысль пребывает в полноте своего бытия (в свете умо-зрения, сбросившего общую форму народного духа).

Что же побуждает поэта к известному выбору, что в нем выбирает – сердце или мысль? Ответ на вопрос позволяет решить лемму по третьему варианту (в общих чертах освещенному ранее), оставляя «единственному» множество конкретных проявлений «отдельного». И действительно: когда побеждает мысль, дальнейшая активность в прежнем ключе приведет «одного» к наделению внутреннего «общего» статусом «единственного» в смысле обособленности, отдельности. Общее – «народный дух» (умственное дистанцирующее начало), будучи присвоенным личностным «я», отделится и останется в центре, не покинув горнего. И тогда не что иное, как внешняя оболочка – status quo эго-формы самосозна-

ния, – начнет свое движение вниз, в бессердечное существование. С этого момента поэту предстоит обмирщение, угасание, потеря умозрения и расцвет рассудочного технического ума. В конце концов, калькулирующий интеллект в бывшем поэте продолжит свое (не поэтическое) существование самостоятельной единицы, отделенной своей единственностью от потенциальности всеобщего, от сокрытой в сердце огненной духовной энергии.

Но что именно при таком выборе заставляет умственное дистанцирующее начало (*Geist*, Нус) выйти из центральной сердцевинной дали просвета (*Lichtung*)? Парадоксальный ответ подсказывают рассуждения о «новом отношении к жизни», явленном творчеством Пушкина: «Пушкин был... состоянием любви; он был тем, что любит. <...> Россия до Пушкина любила как няня» [5, с. 54]. Свойства пушкинской любви – «новая здесь красота», отраженная в следующих характеристиках Татьяны: «Что любит без искусства, / Послушная влеченью чувства, / Что так доверчива она, / Что от небес одарена / Воображением мятежным, / Умом и волею живой, / И своенравной головой, / И сердцем пламенным и нежным» [5, с. 54]. Это следует адресовать также и пушкинскому вдохновению, ибо «вдохновение и есть внутренняя тема самых разнотемных и самых “проблемных” его вещей» [5, с. 56]. Однако чувственное вдохновение, обращающее дистанцирующее *Geist* в елей, примиряющий народный дух (граничащий в своих желаниях с античным Нусом), пришло к Пушкину не сразу. Борьба его сердца с умом происходила прямо противоположным привычному образом: «Ум ищет Божества, а сердце не находит» [5, с. 240]. И далее: «Его духовное знание получено экспериментальным путем: опытом на себе, уединенным опытом поэзии. “Часы неизъяснимых наслаждений! / Они меня любить, лелеять учат / Не смертные, таинственные чувства...”» [5, с. 241–242].

Смушает лишь одно: О. А. Седакова распознает чувственное начало пушкинского вдохновения (по-античному экстатического), предпочитая при этом интерпретировать пушкинскую связь сердца с умом в рамках оппозиции чувствующий/нечувствующий. Она подчеркивает: этой связи чужд «человек нечувствующего ума, т. е. ума закрытого, не входящего в отношения, не знающего вдохновения (того «божественного глагола», который ... «до слуха чуткого коснется»)» [5, с. 243]. Сопутствующий логический шаг вполне ожидаем: «Поразительным образом пушкинское представление об “уме” или “здравомыслии” как о правильном и чистом “чувстве” сближается с аскетическим учением о *sophrosyne*, здравомыслии, которое переводится также и как “целомудрие”. <...> Здравомыслие – иначе – чуткость, иначе – чувство: прямое и живое, чистое отношение со своим предметом» [5, с. 242].

Тем самым ретушируется причина, в силу которой единственное (раскрывшееся как «общее», как высшее умо-зрение, *Geist*, Нус) обречено на самообособление во множестве конкретных проявлений своего отдельного «Я». Исток этого видится в различии чувствования и чувственности, предписывающей покинуть центральную, сердцевинную даль просвета (*Lichtung*). Такое предписание обусловлено свойственным Нусу нарциссическим желанием притягивать к себе всех и вся. Ж. Деррида, как известно, уделил особое внимание последствиям такого притяжения. Вместе с тем необходимо признать: помимо чувственного нарциссизма, есть другая причина самообособления «единственного», и обусловлена она смысловыми оттенками *Geist*. Речь идет о выделенных Седаковой особенностях гетевского *Geist*: нечувствовании, закрытости, невхождении в отношения, незнании вдохновения. Здесь вступает в свои права фаустианство.

Нарциссизм и фаустианство, сопутствуя друг другу, чреваты метаморфозой умозрения, следовательно, метаморфозой личностного начала. Седакова допускает ее как следствие специфической причины – сбрасывания иллюзии лирического

самозабвения в имени единственного, т. е. в имени творца общепризнанного шедевра: «От художника мы *ждем* такой находки своего имени и своего дома в шедевре, а от лирика *требуем*, и ничего другого от него слышать не хотим» [5, с. 91–92]. Потому что способность к сотворению шедевра заложена в искусстве, оборачивающемся искусом и «во многом совпадает с расплывчатым представлением “вдохновения”, озарения, внушения. С открытием в себе того, что тебя превосходит. Ведь совершенная – скромнее, безупречная – вещь невозможная, но возможно вот что: исполнение задания, которого ты, исходя из своего прошлого и наличного, исполнить не способен» [5, с. 74]. Ирония весьма кстати, поскольку находка художником (лириком) своего имени и своего дома в созданном шедевре превращают «одного» в единственного, ставшего больше, чем общим.

Иначе говоря, подлинной личностной целостности здесь противопоставляется «расширение» неподлинной личностной оболочки. С одной стороны, «больше» – это «как, например, сжимается и расширяется рембрандтовский мир в “Возвращении блудного сына”». Здесь – цветок личности художника, оправдывающий существование особого «рембрандтовского пространства» тем, что оно уже «больше, чем «рембрандтовское» [5, с. 91]. С другой стороны, это фаустианско-нарциссическая эмоция, переживающая самое себя, извлекающая единичный корень из единственного: «Корень личности (и соотносящийся с ней стиль) – некоторая обреченность на себя. На себя, и ничего больше. Сколько людей, столько мнений. <...> Единичный смысл стал единственным (а это больше, чем общим); никакого, кроме *этого* единственного мнения, об *этом* предмете быть не может. И, стало быть, частичность уже не убога в сравнении с членимым на части целым: целое это в каждом своем предмете присутствует целиком» [5, с. 91]. Несомненно, источник такого целого – некто единственный, и его собственность, «я», и присвоенные этим «я» шедевры, отчужденные от оставшейся в центре «моментальной» личности. «Единственное» децентрировано, и при этом «гелиоцентрично» (солнцеподобно). Его целостность составляет ограниченное рассудочным интеллектом дневное самосознание личностного эго, скрепляющее авторским единством множество своих ролевых проявлений. Связь ума и сердца замещается связью эмоций и интеллекта.

Таким образом, на основании выделенных О. А. Седаковой способов связи ума и сердца, эмоций и интеллекта возможно выделить три типа целостности человеческой личности: умозрительный, душевный (сердечный) и рассудочный.

Особенности типов личностной интеграции

Из выделенных выше типов целостности человеческой личности только два (умозрительный и душевный) присущи как светскому, так и религиозному мироощущению. Такой вывод вытекает из очевидного сходства ранее описанных способов установления гармонической связи между чувствами и разумом (сердцем и умом) в символическом пространстве христианского храма и поэтического творчества. В обоих случаях данная связь опирается на присущее уму свойство испытывать удовольствие от познавательной деятельности, к результатам которой относится и богословская, и поэтическая мысль. Представление же об универсальном духовном уме, чувствующем и чувственным, склонном к разгадкам тайн богословия и к вдохновенности, восходит к учению Аристотеля о Благе и арете, неразрывного с искусством обнаружения золотой середины в крайних проявлениях чувств. Осуществленный О. А. Седаковой анализ особенностей генезиса поэтической мысли убеждает в том, что вышеупомянутому свойству ума сопутствует переживание озаренности вдохновением (и это не исключает правомерности приложения данного вывода к процессу богословской деятельности). Такая позиция позволяет (вслед за С. С. Аверинцевым) придерживаться положения о преем-

ственности библейской и античной культурных традиций. Такая преемственность указывает на генетическую связь религиозного и светского, имевшую место до каких-либо попыток ее морализаторского опосредования.

В данном смысловом контексте оба способа описания связи чувства и ума (в светском и конфессиональном ее проявлениях) демонстрируют еще одну общую особенность: чувствующий способ связи сердца и ума (пришедший на смену чувственному) свойственен как религиозному, так и светскому мироощущению. Об этом свидетельствуют проанализированные О. А. Седаковой произведения поэтического творчества, транслирующие своими текстами стихотворную красоту «центральной сердцевинной дали». Мы полагаем также, что всеобщий смысл интересующей нас связи – свойство не только красоты, но и жертвенной сострадающей любви. Подчеркнем: ортодоксальное христианство обращено к миру сущего в призме эсхатологической перспективы (как к преображенному в церковных таинствах), и этот смысл, как было отмечено, воплощен в рублевской «Троице». Написанная в той же, обратной, перспективе, она начинает проявляться объемно во внутреннем пространстве души, причем по мере роста любви, жертвенной и сострадающей. Очевидно, православная ветвь задает католичеству именно этот метафизический смысл, а с ним и вектор продвижения к огненному крещению.

И тогда станет актуальным смысл: «Любовь соответствует красному, а мудрость белому. Трансмутация металлов в золото и серебро является алхимическим процессом, который должен осуществляться в трех мирах, а не только в физическом плане. Чтобы превратить мысли в серебро, надо использовать свет мудрости, чтобы превратить чувства в золото, надо использовать тепло любви» [2, с. 154]. Поскольку золото в алхимии символизирует солнце, а серебро – луну, Айванхов уточняет: «Под символом солнца мы понимаем все, что стабильно, незыблемо, высшую природу; а под символом луны – все, что преходяще, изменчиво, низшую природу» [2, с. 154]. Другими словами, подвижность мудрой мысли, озаряемой серебряным потоком света ума, осуществима при условии ее сопровождения постоянством золотоносного тепла любящего сердца. Последнее же достигает огненной фазы в процессе перехода алхимической стадии «альбедо» (работы в белом) в стадию «рубедо» (работу в красном). В данной связи видится уместным осуществленное в первой части статьи обращение к алхимическому гнозису, скрывающему таинства крещения, водного и огненного, в триаде Великого Делания.

Более того: представляется возможным проведение параллелей, намечающих связь между христианством и буддизмом. В частности, на основании того, что Фулканелли придает один и тот же, сакральный, смысл индийскому символу божества огня («агни») и символу крестного распятия: «Божественный огонь, упавший с небес, заключенный в косную материю, чтобы вызвать ее эволюцию, направить ее на путь искупления, – это Иисус на кресте, образ огня, света и духа, сущий всем. Это Агнец... а также Агни, ведическое божество огня» [8, с. 228]. Это делает возможным вывод о принципиальной конфессиональной родственности христианства и буддизма, прежде всего в силу того, что за понятиями «разум сердца» (открываемый в христианстве умной молитвой) и «разум буддхи» [9, с. 75–76] (открываемый соответствующими практиками йоги) сокрыт феномен волящей разумной любви-мудрости (софийности). Мудрость здесь – это знание, полученное в опыте и используемое с любовью (жертвенной, сострадающей) согласно побуждению духовной воли.

До сего времени телесно-физическая, чувственно-эмоциональная, ментальная компоненты жизнедеятельности массового человека не были объединены в интегрированное целое, но веками поддерживались в мировоззренческой (идеологи-

ческой) монолитности государством и церковью. В наши дни, когда толпы людей увлечены вектором развития медийных и пр. технологий, неинтегрированное массовое сознание на наших глазах облекается в эго-форму коллективного «я» – ментальности, отражающей инстинктивные потребности и интересы массового человека. В силу этого из западной церкви наблюдается массовый исход, как и осознанный выбор иного предпочтения – посвящения себя Служению. Такого рода «раскол» помогает выявить суть переживаемого человечеством цивилизационного кризиса. В ее основании распознаваема тень нарциссизма. Именно здесь обнаруживает себя глубинное основание различия католической и православной ветвей христианства. Оно располагается на линии демаркации, проведенной между теми, кто осознанно развивает связь сердца и ума в практиках исихазма и умной молитвы, и теми, кто переживает пробуждение сердца в свете ясного ума. Последнее, как было показано ранее, свидетельствует о достижении умо-зрением апогея, полноты, в силу чего индивид обнаруживает себя стоящим перед духовным выбором. Достоевский, в легенде о великом инквизиторе (повествующей об искушении Христа в пустыне), мастерски описал экзамен духовного ума на зрелость.

Создается впечатление, что в наши дни мир выравнивается на глобальной метафизической шахматной доске полюсных противоположностей личностного «я». В нем выделяются индивидуальные единицы, часть из которых подчинена в своей жизни (действиях, поведении) желаниям личностного эго (массового или индивидуального). Другую же часть составляют человеческие единицы, чья личностная интеграция достигла уровня, позволяющего подчиняться зову сердца и души, развивая качества любви Христа (Буддхи) в сопричастности с духовным умом (Нусом, Манасом). Третью, последнюю, часть составляют люди, переживающие кризис духовного выбора. Для них важно умение находить равновесие между умом и сердцем, следуя в своих поступках «золотой середине». Но при этом понимать: балансирование на грани жизни и смерти разрешается (или нет) в спасительном выборе, совершаемом в рамках «одного» между *всеобщим* (человечностью) и *единственным* (личностным рассудочным самосознанием, опирающимся на эго-форму, отчужденную от своего психического ядра, от психеи).

Общие выводы

1. В рамках символики католического храма и поэтического искусства осуществлено описание способа связи сердца и ума, эмоций и интеллекта, чувственного и рационального. Обращение к литературно-философскому тексту Ж.-К. Гюисманса помогло обнаружить специфику установления гармонической связи между сердцем и умом, чувствами и разумом в метафизическом пространстве готического собора. Оказалось, что связь эмоционального и рационального аспектов целостности человеческой личности осуществляется в форме витальности, организованной по принципу геометрической структуры символической пентаграммы, обеспечивающей циркуляцию энергии двух типов – жизненной и духовной.

2. Обращение к искусству поэтического творчества позволило конкретизировать выявленный принцип витальной формы организации связи сердца и ума человека западноевропейской культурной традиции (различающей границы религиозного и светского в их непротивопоставлении друг другу). В рамках осуществленного О. А. Седаковой анализа поэтической мысли оказалось возможным приложить категориальное соотношение всеобщего, общего, особенного и единичного к различению типов личностной интеграции. Были выделены следующие типы целостности человеческой личности: единичное («одно») как единственное во множестве конкретных проявлений отдельного; единичное («одно») как единственное, выражающее общее; единичное («одно») как единственное, выражающее всеобщее.

3. С точки зрения антропологической напряжением переживаемого современным человечеством исторического момента (массовый исход жителей ряда стран из христианской церкви секулярного общества и пр.) обусловлено, на наш взгляд, тремя обстоятельствами:

- духовным кризисом части «продвинутого» человечества, переживающей экзистенциальный выбор способа существования на планете;
- индивидуализацией массового сознания людей, обретением планетарным человечеством целостности массовой личности, существующей в рамках эго-формы коллективного «я» (единичности «одного» как абстрактно общего);
- жизненно насущной для всего человечества перспективой выделения области общих смыслов светского и конфессионального, предполагающей возможность диалога представителей разных религиозных конфессий.

Литература

1. Айванхов О. М. Символический язык, язык природы. – М. : Просвета, 2011.
2. Айванхов О. М. Философский камень. От Евангелий до алхимических трактатов. – М. : Просвета, 2013.
3. Гюисманс Ж.-К. Собор. – М. : Энигма, 2012.
4. Седакова О. А. *Moralia*. – М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
5. Седакова О. А. *Poetica*. – М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
6. Седакова О. А. Переводы. – М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
7. Сурожский А. Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002). – М. : Ника, 2018.
8. Фулканелли. Философские обители. – М. : Энигма, 2003.
9. Хан Х. И. Мистицизм звука. – М. : София, 2004.
10. Хайдеггер М. Из разговора на проселочной дороге о мышлении // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник / под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высшая школа, 1991.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М. : Республика, 1993.
12. Штирнер М. Единственный и его собственность. – СПб. : Азбука, 2001.

Irina Andreevna Ogloblina,

senior lecturer at Social Philosophy chair of YGI,
the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)

The linkage of heart and mind is the way of reproducing the integrity of the human being (on the materials of the art)

The article discusses the characteristics of emotional and rational aspects of personal identity. The focus is on a symbolic context of reproducing the integrity of the individual as the subject-matter of literary and philosophical reflection on the art based on J.-K. Guismans and O. A. Sedakova's texts. The author considers the symbolism of the Gothic cathedral and the synthesis of the emotional and the rational in poetry. The paper describes types of human integrity in the prism of methodology dating from M. Heidegger's ontology of gift.

Key words: the linkage of heart and mind; cathedral; gift; the integrity of the human being; poetic artwork; symbolic art; relationships between the secular and confessional.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Современные художественные реалии народно-сценического танца (обзор материалов круглого стола)

В обзорной статье представлены основные идеи докладов и выступлений, ставшие предметом дискуссии, посвященной 100-летию со дня рождения хореографа, народного артиста СССР М. С. Годенко: вопросы о роли творчества Годенко в становлении и развитии народно-сценического танца в России; культурно-исторический анализ современного профессионального и любительского народно-сценического танца; проблемы трансляции хореографического наследия в контексте российской действительности и другие.

Ключевые слова: М. С. Годенко; народный танец; народно-сценический танец; авторский стиль; творческие интерпретации.

В контексте современных философских исследований важное место занимает обращение к практико-ориентированному опыту специалистов смежных направлений, в частности изучение актуальных тенденций в области современной хореографической культуры. Так, 2 мая 2019 г. в г. Красноярске, в рамках празднования 100-летия со дня рождения хореографа, народного артиста СССР, художественного руководителя и главного балетмейстера (1963–1991) Красноярского государственного академического ансамбля танца Сибири Михаила Семеновича Годенко состоялся **круглый стол «Танцевальная культура современной России: возможности диалога народно-сценического танца в жизни и на сцене»**. Имя Годенко известно многим исследователям хореографической культуры и в истории становления народно-сценического танца России сыграло важную роль. Возглавив в 1963 году «Сибирский ансамбль народного танца» (ныне Красноярский государственный академический ансамбль танца Сибири имени М. С. Годенко), Михаил Семенович, интерпретируя танцевальную культуру народов, живущих на территории Красноярского края, явился создателем стиля сибирского сценического танца. Данный стиль отличается от феномена «народно-сценический танец» (внутри которого он развивался) тем, что в нем нет привязки к слову «народный» (т. е. он не связан со специфической национальной лексикой – якутской, тувинской, хакасской, долганской и пр.), а является обобщенным воплощением сибирского танца. Ориентация на современность в традиционном народном танце, синтез сибирского танца и эстрадного танца (в том числе джаз-танца, мюзик-холла), невероятный темп исполнения, модернизация сценического костюма и внешнего облика артистов – вот те характерные черты, что были заложены М. С. Годенко и отличают его творческий почерк и по сей день. Исследователи считают такой подход к народному танцу в условиях советской действительности отчасти новаторским и смелым. Ведь развитие феномена «народно-сценический танец» было вызвано запросами времени: потребностью в реалистичном, народном, массовом искусстве, отвечающем идеологии Советского Союза и чествующем его многонациональность. А творческие работы М. С. Годенко во многом опережали то время, в котором создавались: хореография по темпоритму была созвучна нашим дням. Недаром его творчество тогда считалось авангардным, а сейчас входит в золотой фонд российской народно-сценической хореографии. Так, в настоящее

* Анна Сергеевна Полякова, старший преподаватель факультета современного танца АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).
E-mail: postfolkdance@gmail.com

время Красноярский государственный академический ансамбль танца Сибири имени М. С. Годенко является самобытным профессиональным хореографическим коллективом России и относится к числу особо ценных объектов культурного наследия Красноярского края.

Организаторами круглого стола выступили Красноярский государственный академический ансамбль танца Сибири им. М. Годенко, Краевая молодежная библиотека, Красноярский научно-учебный центр кадров культуры Красноярского края, Сибирский институт искусств имени Д. Хворостовского, Красноярский хореографический колледж.

С приветственными словами выступили директор Красноярского государственного академического ансамбля танца Сибири им. М. С. Годенко Е. Г. Паздникова и министр культуры Красноярского края А. В. Зинов.

В круглом столе приняли участие преподаватели художественных специализаций учебных заведений, артисты Красноярского государственного академического ансамбля танца Сибири им. М. Годенко, студенты и преподаватели ФГБОУ ВО «Сибирский институт искусств имени Дмитрия Хворостовского», участники Всероссийского конкурса любительских хореографических коллективов им. М. С. Годенко, а также приглашенные эксперты: заведующий отделением хореографии ГБПОУ «Нижегородское музыкальное училище (колледж) имени М. А. Балакирева», художественный руководитель и балетмейстер Заслуженного коллектива народного творчества Ансамбля современного танца «Ракета» (Нижний Новгород) Д. В. Верещагин; заместитель главного редактора журнала «Балет» (Москва) Т. В. Вольфович; директор Московского академического театра танца «Гжель» (Москва) М. Ф. Куклина; режиссер-хореограф Государственного театра танца «Казачьи Кавальеры» (Москва) Е. Л. Милованова; старший преподаватель факультета современного танца АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург) А. С. Полякова.

Модераторами круглого стола выступили главный редактор журнала «Балет», заслуженный деятель искусств РФ В. И. Уральская (Москва); профессор кафедры истории зарубежного театра ГИТИС, доктор искусствоведения Д. В. Трубочкин (Москва); хореограф, лауреат международных конкурсов и национальной премии «Золотая маска» В. В. Варнава (Санкт-Петербург).

Организаторами данного мероприятия были предложены следующие вопросы для обсуждения:

1. Роль творчества М. С. Годенко в становлении и развитии народно-сценического танца в России.
2. Особенности авторской концепции хореографии М. С. Годенко как создателя профессионального хореографического стиля народно-сценического танца.
3. Культурно-исторический анализ современного профессионального и любительского народно-сценического танца.
4. Народный танец этноса как основа создания хореографических произведений.
5. Современные художественные особенности народно-сценического, современного и классического танца, их взаимодействие в создании новых хореографических композиций.
6. Авторский стиль хореографа: догма или основа творчества?
7. Трансляция хореографического наследия М. С. Годенко в контексте российского шоу-бизнеса.
8. Специфика народно-сценического танца в региональной культуре Сибири.
9. Анализ включенности новых танцевальных композиций в репертуар авторской концепции М. С. Годенко.

10. Народно-сценический танец в современной молодежной хореографической пластике.

Главный редактор журнала «Балет», заслуженный деятель искусств РФ **В. И. Уральская** в своем выступлении наметила фокус обсуждаемых вопросов, в том числе о существующей проблеме поиска авторского стиля в области народно-сценического танца. В частности, она отметила, что время, когда М. С. Годенко руководил коллективом Красноярского государственного ансамбля танца Сибири, было достаточно революционным для развития ансамблей народно-сценического танца. Революционным для своего времени в связи с тем, что за многие годы сформировался определенный шаблон того, как должен складываться репертуар, как должен народный танец жить на сцене (и здесь можно упомянуть таких мастеров, как И. Моисеев, Т. Устинова, Н. Надеждина, П. Вирский и ряд других ярких хореографов). И конечно, не фольклор, как только фольклор, они приносили с собой на сцену. Они приносили образ танца, который развивал народную хореографию как направление и ее связи с фольклорной традицией, а не фольклором как таковым. Фольклорная традиция – более широкое понятие, охватывающее большие ареалы (народ, нацию), именно ощущение этой фольклорной традиции на сцене на пути к образу, танцу на сцене – только это и давало результат. Но постепенно, учитывая определенные обстоятельства, характер жизни ансамблей народного танца, яркие произведения ярких хореографов, – сложился определенный шаблон, структура народно-сценического танца. Более того, широко развитые самодельные коллективы не пытались создавать нечто свое, а в упрощенном варианте повторяли то, что было в профессиональных коллективах: своими, не всегда достаточно сильными возможностями, упрощая и распространяя технику довольно усредненного качества. И в той обстановке, когда это принималось государством на официальном уровне, поскольку ему были нужны ансамбли народного-сценического танца, было очень трудно и рискованно повернуть это на ощущение времени и даже опередить это время. И создать то, что будет восприниматься как яркое, современное, а не только традиционно сложившееся и чуть ли не ставшее равным слову «фольклор», чем страдало большинство коллективов, не создавая чего-то нового, что могло бы волновать и исполнителей, и зрителей. Несомненно, важно было воспитывать исполнителей, умеющих создавать сильные произведения на сцене, было такое обще-массовое выдвижение, и только лишь отдельные трюки позволяли кому-то выделяться в солисты в отдельно взятых танцевальных коллективах.

В. И. Уральская резюмировала, что сегодня вопрос стоит так: М. С. Годенко предложил театр танца своего времени. И вот этой смелости, этому умению заявить свое собственное лицо, этому опыту создания авторского коллектива и мастерству в создании своего собственного хореографического языка, своего «я» – то, чему нужно учиться современным хореографам. С другой стороны, творческая деятельность современных коллективов должна не только отвечать духу настоящего времени, но и учитывать, что искусство должно нести особую духовность, свое понимание задач, свое понимание внутренних (генных) традиций в народном искусстве не только в хореографии, но и в искусстве народов России. Необходимо найти то общее, что может объединять различные танцевальные направления. Прежде всего, дух традиционного начала, который для хореографического искусства всегда важен и всегда значим; знание традиций, с одной стороны, и понимание пластической выразительности времени, с другой стороны. Эти качества, в том числе, были присущи и авторскому стилю М. С. Годенко.

Лауреат международных конкурсов и Национальной театральной премии «Золотая маска» **В. В. Варнава** заметил, что все вопросы, вынесенные на обсуждение в рамках круглого стола, объединены одной заботой – существованием ав-

торского коллектива после ухода мастера, в том числе определением дальнейших творческих стратегий в его деятельности. Так, он выделил два возможных пути подобного развития: поиск нового хореографа и вместе с тем нового лица (и, как следствие, нового пластического языка) или поиск новой структуры, основой которой становится менеджер, формирующий новый репертуар. В качестве примера он упомянул Театр танца «Вупперталь» Пины Бауш, который также какое-то время был на распутье, где с приходом нового менеджера изменился репертуар (приглашаются не только хореографы, но и пластические режиссеры). Смелость такого решения открывает новые перспективы развития.

Профессор кафедры истории зарубежного театра ГИТИС, доктор искусствоведения **Д. В. Трубочкин** в своем выступлении обратил внимание на противопоставление авангардного и традиционалистского искусства на примере творчества М. С. Годенко. Так, он упомянул историю формирования коллективов народно-сценического танца в России, которую условно можно разделить на два периода: первая волна – до 30-х годов и вторая волна – после Великой Отечественной войны. В действительности, формировать коллективы, которые существовали при государственной поддержке, – это с точки зрения современного либерального мышления достаточно амбициозный проект. С 1963-го по 1991 г. (от так называемого «застоя» и до года распада СССР) – то время, когда коллективом Красноярского ансамбля танца Сибири руководил М. С. Годенко – время, когда искусство не было амбициозным по своей сути. Так, танцевальное искусство этого периода изобилует множеством художественных открытий, в частности открытием феномена Годенко, который смелее, быть может, многих соединял традиционные виды искусства: ограниченный художественным мышлением фольклор, народный танец – с джазом, с мюзик-холлом, с современным эстрадным танцем. Недаром многие его творения называли авангардом, через некоторое время они вошли в золотой фонд народно-сценической хореографии как яркий пример современных интерпретаций народного танца.

В частности, Д. В. Трубочкин отметил, что одной из важных черт нашей современной ситуации является противоречие между традиционным и авангардным искусством. Считается, что это два вида художественного мышления, которые противостоят и взаимоисключают друг друга: или ты авангардист, или ты приверженец традиционного мышления. Но сейчас, если вдуматься, и то и другое – это такие направления мышления, в основе которых лежат различные отношения к новому. Авангард, который явился в начале XX века, заявляет: новое возможно только тогда, когда мы полностью демонтируем старое и начнем с чистого листа, только так мы можем начать новое. Традиционалистское мышление заявляет: новое возможно, но путем присоединения ко всему накопленному материалу, оно должно пройти некоторый отсев, некоторое переосмысление, но присоединиться не отрицая. И вот тут-то, на что обращает внимание докладчик, возникает чрезвычайно интересная перспектива нового взаимообмена между авангардистами и художниками традиционалистского мышления. К слову, Д. В. Трубочкин упомянул мнение известного режиссера Роберта Уилсона, который считал, что отношение к новизне в глобальном пространстве вновь обращает нас к чувству уважения к традиционным культурам, которые внутри себя содержат первичную интуицию движения и всюду присутствуют как данность – в танцевальных школах, которые работают с этническим материалом, с фольклорным материалом, практиках и т. д. Недаром даже Марта Грэм свою автобиографическую книгу назвала «Память крови», поскольку для нее очень важна память крови – эта первичная интуиция тела, то знание, которое передается телу (так называемое «умное тело») от предков, и это знание рождает первую интуицию танцевального движения. Ровно то же самое происходит на этническом материале, порождающем различные направ-

ления народно-сценического танца. В XX веке, пройдя стадию резкого противопоставления авангарда и традиционалистского искусства, после 60-х годов, эта стадия была преодолена. И самое интересное, что в 60-х годах М. С. Годенко уже понимал, что новые танцевальные формы не противоречат тому, что составляет глубинную интуицию народно-сценического танца, существовавшую еще до соединения его с джазовой музыкой и ненецким танцем, до выдумывания различных, очень остроумных танцевальных сценок из жизни сибирского народа.

В завершение своего выступления Д. В. Трубочкин отметил, что у М. С. Годенко есть чему поучиться даже и будущим художникам, потому что в официальное время, время трудное, идеологизированное, он нашел место искусству, которое не кричало, что оно «преодолевают этот разрыв между традиционализмом и авангардом», – а просто делало так. В то время как художники постперформативного переворота с трудом открывали для себя то, что было уже несомненным для М. С. Годенко: оказывается, искусство традиционное и авангардное не противоречат друг другу; оказывается, переход может быть в обе стороны.

Заведующий отделением хореографии ГБПОУ «Нижегородское музыкальное училище (колледж) имени М. А. Балакирева», художественный руководитель и балетмейстер Заслуженного коллектива народного творчества Ансамбля современного танца «Ракета» **Д. В. Верещагин** представил свое видение современных реалий народно-сценического танца. Он отметил, что смелость, поиск являются основными моментами для творчества. Сейчас очень много споров (на различных конкурсах и фестивалях) о том, как найти новое, когда все найдено. На сегодняшний день есть основная идея для творческой реализации – копирование, трансформирование, генерирование и существует множество вариантов, с которыми можно работать на практике, в том числе различные технологии поиска нового. В частности, докладчик акцентировал внимание на том, что область его профессиональных интересов – современный взгляд на народный танец, на народно-сценический танец. И в этой связи творчество М. С. Годенко он рассматривает как революционное для своего времени: М. С. Годенко был смел и не боялся. И это не понималось в обществе. И то, что сейчас пытаются делать современные хореографы, работающие в этом направлении, сталкивается с огромным противодействием. По мнению Д. В. Верещагина, сейчас в танцевальном искусстве не меняются смыслы – меняются формы, нужно пробовать и пытаться создавать работы на стыке современных танцевальных направлений и народного танца, и новаторский опыт М. С. Годенко в этом поможет. Докладчик поделился опытом работы с артистами ансамбля им. М. С. Годенко (в рамках проекта «GODENKODANCE»), где столкнулся с некоторыми трудностями, вследствие чего обозначил несколько проблем: в технический арсенал артистов народно-сценического танца в XXI веке необходимо включать изучение современного танца. Это совершенно другая технология движения, которая помогает развивать иначе тело танцовщика, тем более что движенческие принципы русского народного танца очень схожи с современным танцем: по работе с пространством, по технологии движения, по некоторой амплитуде исполнения, т. е. у них (танцев) очень много технологических пересечений. К слову, сейчас существует определенная сложность: в России возникла новая музыка, на которую народно-сценический танец вообще не обращает внимания (к примеру, это направление, которое современные музыканты называют *freefolk*, воспринимается с трудом, или это традиционная музыка в современном исполнении). Что касается направления «народно-сценический танец», то сейчас, в 2019 году, в понимании данного явления стало очень мало «сценического» (в композиционном построении, в поиске лексического материала, в работе с музыкальным материалом, в работе с темпоритмикой) и не совсем много «народного». Все стало оторванным от «народного»: такое глянцево.

Как считает Д. В. Верещагин, актуальным остается вопрос: имеем ли мы «народно-сценический» сейчас? По его мнению, сделав два шага назад и посмотрев на тот же аутентичный фольклор, можно много нового сделать уже сейчас. Аутентичный фольклор – это бездонное море интересной информации, так как в нем заложено много смыслов: в движении, в костюме, в презентации и прочее. В настоящее время мы учим народно-сценическому танцу, делаем экзерсис, но не всегда понимая, почему это движение исполняется определенным образом, почему в нем так много смыслов. Нас, современников, почему-то больше волнует форма.

Заместитель главного редактора журнала «Балет» **Т. В. Вольфович** в своем выступлении обратила внимание на важность роли личностного начала и на то, должен ли быть у хореографа собственный стиль. В частности, она отметила, что если у какого-либо серьезного автора есть свой собственный стиль, то после его ухода в коллективе сразу возникает проблема переходного периода – поиска нового творческого языка. Автора, владеющего своим собственным стилем, очень трудно заменить. Но самое интересное, что в самом обществе к этому явлению отношение очень разное. Так, основной характеристикой эпохи индустриального общества можно считать массовизацию сознания, где наблюдалось практически отсутствие творческого начала. А что происходит сейчас? Западные социологи, философы фиксируют ситуацию, когда процесс несколько оправдан. Если раньше было модно быть, как все, в едином порыве (к примеру, в ансамбле И. Моисеева по 20 человек танцуют ровными рядами), то сейчас всё чаще мы видим, как ровные ряды начинают дробиться и популярным становится желание быть наособицу, проявлять свою индивидуальность. Т. В. Вольфович отметила, что этот процесс еще не очень заметен в российском обществе, но в европейском обществе он уже очевиден.

Подводя итоги, Т. В. Вольфович отметила, что наступление новой эпохи и новой тенденции – именно стремления к собственному самовыражению – произойдет в обществе только тогда, когда эта тенденция проявится в среде профессионалов-отцов, т. е. хореографов, и, самое главное, когда она проявится и как ожидание у публики.

Директор Московского академического театра танца «Гжель» **М. Ф. Куikliна** в качестве основной проблемы авторских коллективов (в том числе в случае отсутствия автора) указала на необходимость сохранения традиций в условиях дальнейшего современного развития коллектива. Так, она отметила, что в «золотой век» народно-сценического танца (30–70-е гг. XX в.) профессиональные коллективы народного танца создали неисчерпаемую коллекцию лучших образцов национальной культуры, задачей которых на сегодняшний момент является сохранение уникального генетического кода нашего народа. В частности, великие творцы, сильные личности (И. Моисеев, Н. Надеждина, Т. Устинова, М. Годенко) определяли дальнейшую жизнь и развитие своего коллектива, его творческую концепцию. Понятно, что когда коллективом всецело руководит один человек, то в случае его ухода возникает вопрос: что делать коллективу, как ему развиваться дальше, кто его возглавит? Так, М. Ф. Куikliна поделилась, что для нее, как для руководителя такого коллектива, встает проблема необходимости обращения к институции художественного руководства им. Нежелание решать этот вопрос приводит к тупиковой ситуации. В частности, в качестве предложений докладчик обозначила несколько моментов: 1) художественное руководство; 2) творческий поиск; 3) репертуарная политика; 4) реалии повседневности, в которых существуют коллективы (все подобные коллективы имеют государственную поддержку и существуют для выполнения государственного заказа).

М. Ф. Куклина поделилась опытом руководимого ею коллектива, в частности практикой создания такой формы сценического действия, как спектакль. Она отметила, что, занимаясь вопросами репертуарной политики, необходимо учитывать и понимать, что такой спектакль должен быть ориентирован на определенного зрителя: взрослые люди, зрители школьного возраста, спектакль для семейного просмотра и пр. В то же время новым способом обновления репертуарной политики может быть обращение к новым формам фестивального движения, конкурсам и к таким проектам, как «Платформа народного танца». Такой проект позволяет искать новые имена, новых балетмейстеров.

Режиссер-хореограф Государственного театра танца «Казачьи России» **Е. Л. Милованова** заметила, что основным творческим приемом М. С. Годенко можно считать совмещение современной хореографии и смысловой нагрузки народного творчества. Она пояснила, что в настоящее время народный танец – некая «мертвая точка», поскольку во многих номерах (плясках, переплясах, массовых действиях) он наблюдается не в полной мере. Так, докладчик обозначила несколько актуальных вопросов, в частности отсутствие нарратива в постановках народно-сценического танца, который мог бы продемонстрировать историю и самобытность русского народа. Также она отметила, что необходимо менять методику обучения танцовщиков народно-сценического танца, предложив добавить в образовательные программы дисциплину «Актерское мастерство». Подытожив, Е. Л. Милованова отметила, что народный танец должен меняться, чтобы заинтересовать людей современного мира: «мы не можем ходить в старом костюме, мы уже выросли из него».

Старший преподаватель факультета современного танца АНО ВО «Гуманитарный университет» **А. С. Полякова** в своем выступлении отметила, что творческий почерк М. С. Годенко отличен тем, что в его авторской интерпретации народный танец умело сочетается с различными танцевальными направлениями XX в. Это очень напоминает ситуацию, наблюдаемую в современной хореографической культуре. В частности, она обратила внимание на то, что на сегодняшний день в рамках исследований развития современных телесных практик и современного хореографического искусства в целом актуальна проблема изучения опыта иного включения элементов «фолк» в движенческую структуру современного танца (contemporary dance). Так, она наметила цели этой инкорпорации: во-первых, включение фольклорных движений в лексику современного танца (к примеру: «гармошка», широкие шаги с каблука, положения рук «подбоченься», присядки и хлопучки, дробные удары каблуком и пр.) вновь актуализирует и дает возможность народному танцу существовать в новой для себя художественной форме; во-вторых, элементы народного танца служат дополнительным «строительным материалом» и возможностью обогащения, усиления специфичности и характерности лексики современного танца; в-третьих, хореографы современного танца в своем творчестве намечают и выражают общее состояние современной культуры.

А. С. Полякова пояснила, что для обозначения подобных явлений предлагается использовать термин «танец постфолк» как определенную разновидность направления современного танца и, одновременно, как следующий этап профессионализации народного танца. Данный термин позволит описать наблюдаемые в современном российском танце примеры обращения к элементам народного танца и дать точную оценку породившей их современной художественной культурной ситуации. Так, термин «танец постфолк» употребим только в том случае, когда в движенческой модели современного танца присутствуют элементы народного танца не в качестве декоративно-орнаментальной огранки, а как важный структурный элемент, который придает произведению качества образной объективности, вносит в композиционные решения принципы вариативности.

Подводя итоги, докладчик отметила, что в контексте постмодернистской художественной логики, с ее стремлением включить в современное искусство весь накопленный культурой опыт, хореограф, создающий произведение в направлении «танец постфолк», инкорпорирует в лексику, композицию, художественный образ, концепцию произведения современного танца элементы народной хореографии. Причем в рамках одного произведения могут коллажироваться характерные танцевальные, движенческие, ритмопластические модели как одного, так и разных этносов. Подобное обращение к фольклору в практике современных хореографов можно считать и способом обогащения лексики танца, и возможностью самовыражения, и, в некоторых случаях, средством «возвращения к истокам», обретения витальности и цельности, свойственной народной культуре и дефицитной для человека в зеркале современной художественной культуры.

В научной дискуссии были затронуты не только темы, касающиеся роли творчества М. С. Годенко в становлении и развитии народно-сценического танца в России; вопросы, отражающие особенности авторской концепции хореографии М. С. Годенко; проблемы трансляции хореографического наследия в контексте российского шоу-бизнеса и пр. Основным положением стал тезис о наличии в художественной культуре тенденций осмысления современных реалий посредством пластических искусств, в том числе синтеза народно-сценической хореографии и современных танцевальных направлений. Возвращаясь к заявленной теме круглого стола – «Танцевальная культура современной России: возможности диалога народно-сценического танца в жизни и на сцене», можно констатировать, что диалог возможен и более того – необходим. Актуальным становится «принцип сочетаемости» исторических и новых элементов, который требует очень большого осмысления, ума, проницательности и вкуса современного хореографа, работающего в области народно-сценического танца, чтобы иметь возможность отобрать нужный материал и включить его в свой спектакль. Это означает, что наследие по-прежнему остается питательным источником, который нужно изучать и штудировать, и оно бесконечно открывает нам, современникам, новые образы. Культура постмодерна принципиально толерантна и имеет исследовательскую направленность; благодаря культурной терпимости, одновременно можно уметь восхищаться яркими работами в области народно-сценического танца и постановками в области современного танца. Одно не отрицает другого, не существует резкого противопоставления между новаторством и традициями.

Круглый стол завершился активной дискуссией по всем обозначенным вопросам. Все выступления достойны внимания и вызвали активное их обсуждение.

Anna Sergeevna Polyakova,

Senior lecturer of Contemporary Dance Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Today's Tendencies in Folk-Scenic Dance (an overview of roundtable materials)

This review presents the summary of reports and interventions during a roundtable discussion devoted to the 100th anniversary of the birth of Michail Semenovitch Godenko, a choreographer, People's Artist of the USSR, artistic director of Krasnoyarsk State Academic Ensemble of Siberian Dance. The reports encompass the following aspects of the master's creative activity: the importance of artistic legacy throughout Russian Folk Dance Culture development; the cultural and historical analysis of modern professional and non-professional folk-scenic dance; the difficulties of translating the choreographic legacy in the context of Russian realities, etc.

Key words: M. S. Godenko; folk dance; folk-scenic dance; artistic style; artistic interpretation.

О правовом просвещении, образовании в области прав человека, гражданском образовании и личном пути к гражданственности (обзор материалов выступлений на межрегиональной конференции)

17 июля 2019 года в г. Екатеринбурге состоялась межрегиональная научно-практическая педагогическая конференция «Я – человек с активной жизненной позицией: мой личный путь к гражданственности». Участниками конференции выступили преподаватели образовательных организаций различного уровня, ученые, учителя истории и обществознания, педагоги дополнительного образования, сотрудники учреждений культуры, представители общественных организаций.

Тематика конференции объединила 77 человек, которые представляли следующие муниципальные образования: Екатеринбург, Алапаевское МО, а также Нижнесергинский, Первоуральский, Ревдинский, Режевской, Сысертский, Шалинский городские округа. Наряду с педагогами школ, гимназий, лицеев, СУНЦ, Екатеринбургского кадетского корпуса, в конференции приняли участие преподаватели Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российского государственного профессионально-педагогического университета, Уральского государственного педагогического университета, Гуманитарного университета, Уральского государственного университета путей сообщения, Уральского государственного медицинского университета, а также системы СПО – Свердловского областного педагогического колледжа, Свердловского областного музыкально-эстетического колледжа, Уральского железнодорожного техникума.

Конференция состоялась на площадке Мультимедийного исторического парка «Россия – Моя история. Свердловская область» – одного из главных социальных партнеров педагогов Свердловской области и представляющих их интересы общественных организаций.

Это была уже девятая конференция, инициаторами и организаторами которой выступили Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова, Ассоциация преподавателей права Свердловской области «Правовое образование – XXI век», Центр правового просвещения и прав человека юридического факультета Гуманитарного университета.

Однако эта была первая – среди всех ранее проведенных – педагогическая конференция, посвященная вопросам гражданского образования, гражданственности, образования в области прав человека. Тематика конференции дала возможность ее участникам обсудить проблемы влияния уроков истории, литературы, обществознания (обществоведения), права и других на гражданское становление школьников и студентов; вспомнить о людях, повлиявших на мироощущение и мировоззрение каждого; говорить о влиянии мероприятий гражданской направ-

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, председатель Свердловского регионального отделения РАПН, председатель Общественного совета по гражданскому образованию Свердловской области (г. Екатеринбург).

** Изабелла Станиславовна Огоновская, канд. ист. наук, доцент СУНЦ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области, советник министра образования Свердловской области (г. Екатеринбург).

ленности и общественной работы на формирование гражданских качеств личности и др.

С приветственными словами к участникам обратились директор Мультимедийного исторического парка «Россия – Моя история. Свердловская область» Н. М. Прошина, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова, начальник Управления архивами Свердловской области А. А. Капустин, председатель Свердловского регионального отделения РАПН и Общественного совета по гражданскому образованию Свердловской области С. И. Глушкова, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области И. С. Огоновская.

Т. Г. Мерзлякова на пленарном заседании педагогического форума выступила с докладом «Журналист – депутат – Уполномоченный по правам человека: мое гражданское кредо», размышляя о советском периоде и людях, повлиявших на ее гражданское становление. Уроженка Алтайского края, она с огромным уважением говорила о своих учителях и преподавателях Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ), являвших пример профессионализма, уважительного отношения к человеку, обладавших высокими морально-нравственными качествами. Не обошла Татьяна Георгиевна стороной и вопрос о своей депутатской деятельности, подчеркнув, что эта практика помогла ей более глубоко увидеть проблемы, существующие в обществе и у конкретных людей, научиться законотворческой деятельности. Занимая в настоящее время пост Уполномоченного по правам человека Свердловской области, в основу своей деятельности **Т. Г. Мерзлякова** ставит нравственность, и именно это качество она считает ключевым для людей, находящихся на государственных должностях. Право, закон и нравственность, по ее мнению, не противоречат друг другу, а тесно взаимодействуют.

Доклад **А. А. Капустина** был связан с осмыслением «Гражданской позиции историка-исследователя: пути к исторической правде» и вызвал большое количество вопросов участников конференции, в частности следующие: насколько точными являются данные о количестве репрессированных в СССР в 1920–1950-х гг.; насколько эти репрессии были обоснованы; каким образом репрессии повлияли на развитие Урала как промышленного центра и т. д. Докладчик оперировал проверенными статистическими данными о количестве лиц, подвергшихся репрессиям на Урале, о людях, совершивших настоящие преступления, и об обвиненных по ложным доносам, о сложностях процесса реабилитации, о необходимости изучения темы репрессий на уроках истории.

А. А. Капустин затронул также вопрос о приближающемся юбилее Великой Победы и необходимости противостояния попыткам переписывания и пересмотра истории Великой Отечественной войны, подчеркнул важность работы с историческими документами на занятиях по истории в школах, колледжах, вузах. Наряду с этим он говорил о необходимости посещения педагогами и обучающимися архивов Свердловской области.

Завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета **С. И. Глушкова** в своем выступлении рассмотрела и проанализировала опыт многолетнего успешного взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой, юридического факультета Гуманитарного университета (декан А. П. Семитко, замдекана С. И. Глушкова), Ассоциации преподавателей права Свердловской области (председатель И. С. Огоновская) по развитию правового просвещения, образования в области прав человека в образовательных организациях Свердловской области. Областная просветительская программа, которая на безвозмездной основе реализуется с 2005 года, включает следующие основные проекты по правовому просвещению и образованию в области прав человека в Свердловской об-

ласти: 1) с 2005 года по настоящее время проводится ежегодная Областная олимпиада по правам человека для старшеклассников Свердловской области, 2) с 2005 года по настоящее время проводятся ежегодные Осенние и Весенние юридические школы для старшеклассников Свердловской области; с осени 2013 года они посвящены памяти знаменитого юриста, нашего земляка, российского правоведа, одного из создателей Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ С. С. Алексеева, 3) с 2010 года по настоящее время проводятся ежегодные Летние юридические школы для учителей Свердловской области; с 2013 года они стали именоваться Алексеевскими, 4) с 2005 года по настоящее время организуются ежегодные областные конкурсы творческих работ для старшеклассников Свердловской области; тематика за эти годы была самая различная: защита экологических прав граждан, гуманитарная деятельность Международного движения Красного Креста и Российского Красного Креста, разработка национальной идеи России, анализ научных идей и гуманитарных практик известного российского правозащитника и лауреата Нобелевской премии мира Андрея Сахарова, защита прав ребенка, защита прав человека, защита прав участников образовательного процесса и многие другие темы, 5) создание в 2004–2005 годах и деятельность по настоящее время – кафедры прав человека и Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, 6) присоединение в 2014 году трех уральских вузов (УрФУ, УрГЮУ, Гуманитарный университет) к Консорциуму российских университетов, действующему при поддержке УВКПЧ ООН и МИД России и реализующему магистерскую программу «Международная защита прав человека»; 7) с 2014 года по настоящее время – организация и проведение обучающих и тематических семинаров для учителей Свердловской области по разным тематикам: создание школ примирения, развитие медиации в образовательных организациях и учреждениях, защита прав ребенка, защита прав человека и др.; наряду с семинарами – организация курсов повышения квалификации учителей истории, права и обществознания Свердловской области; 8) с 2015 года по настоящее время – ежегодные Летние педагогические научно-практические конференции для учителей Свердловской области, 9) с 2004 года по настоящее время – участие педагогов в работе Ассоциации преподавателей права Свердловской области «Правовое образование – XXI век», др. В целом С. И. Глушкова сделала вывод о том, что с 2005 года по настоящее время сформирована эффективная система правового просвещения и образования в области прав человека в Свердловской области, которая является мощной базовой площадкой для развития и поддержки инициатив по этим вопросам. Именно уральские ученые были инициаторами подготовки первых в России словарей и энциклопедий по правам человека, многих учебников по правам человека для школьников и студентов России.

Завкафедрой прав человека Гуманитарного университета **С. И. Глушкова** обратила внимание участников конференции на новые направления деятельности и отметила, что наряду с указанным многолетним плодотворным опытом еще много просветительских правозащитных инициатив и проектов только готовится к реализации и развитию для детей, молодежи и других возрастных групп.

Среди новых направлений просветительской работы С. И. Глушкова назвала следующие: создание в конце марта 2019 года Общественного совета по гражданскому образованию в Свердловской области, который объединил представителей студенческой молодежи, преподавателей вузов, сотрудников библиотек, представителей общественных организаций; проведение семинаров и практикумов по гражданскому образованию; организация олимпиад по правам ребенка; проведение конференций по правам человека, гражданственности и образованию в области прав человека, др.

При этом, как отметила **С. И. Глушкова**, важными ориентирами в организации таких семинаров, практикумов, олимпиад, конкурсов и конференций, наряду с российскими национальными стратегиями и национальными проектами, являются международные и региональные просветительские стандарты, в частности: Цели устойчивого развития ООН (ЦУР ООН), Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека.

Кандидат педагогических наук, доцент Института гуманитарного и социально-экономического образования РГППУ **М. В. Снегирёва** представила сообщение «Гражданская компетентность: истоки, реальность и перспективы» о становлении и развитии правового образования и просвещения в Свердловской области, подчеркнув важность пройденного пути и приобретенного профессионального опыта в этом направлении. Докладчик отметила достижения педагогической практики, начиная с введения отдельных правовых курсов «Граждановедение» и «Основы правовой культуры» до систематических курсов «Право», от разрозненных пособий до качественных учебных изданий по данной тематике, от точечных действий отдельных педагогов до деятельности Ассоциации преподавателей права Свердловской области «Правовое образование – XXI век».

М. В. Снегирёва подчеркнула важную роль одного из главных организаторов правового образования в регионе в начале 2000-х годов – кандидата юридических наук, доцента РГППУ, Гуманитарного университета Д. А. Ягофарова, благодаря которому были сделаны первые шаги в этом направлении: в РГППУ был открыт Институт педагогической юриспруденции, в Свердловской области была создана Ассоциация преподавателей права, а также была поставлена задача широкого правового просвещения взрослых и правового образования студентов и школьников.

Доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина **С. И. Быкова** выступила с докладом на тему «Историческая память и пространство города: вариации учебных занятий (из личной педагогической практики)», в котором представила опыт формирования гражданской ответственности в процессе изучения пространства города студентами гуманитарных специальностей Уральского федерального университета. По мнению С. И. Быковой, такие экскурсии помогают воспитывать ответственное отношение к прошлому и настоящему, благодаря знакомству с частными инициативами горожан по сохранению культурного наследия (на примере разнообразных проектов Музея наивного искусства; гуманистического содержания выставок и лекционных программ Центра фотографии «Март»). С. И. Быкова говорила также о большом значении тематических выставок, организованных Образовательным центром Президентского центра Б. Н. Ельцина, позволяющих студентам знакомиться с историей значимых событий и примерами гражданского мужества, принципиальности и смелости их участников (в частности, «Папины письма»; «“Белая Роза”: студенческое сопротивление режиму Гитлера»). Как правило, не только содержание, но и названия эссе, написанных студентами после экскурсий, свидетельствуют о значении знакомства с судьбами таких людей: «Человечность в нечеловеческих обстоятельствах»; «Выставка о смелых людях»; «Жить вопреки»; «Быт их лагерный, но голос домашний...»; «Мы – ваша совесть»; «Против немецкой традиции “верности”»; «“Белая Роза”: противостояние бесчеловечности»; «Во имя свободы»; «Остаться человеком»; «Молодость. Дружба. Смелость». Кроме того, благодаря экскурсиям студенты понимают необоснованность предвзятого отношения, которое нередко проявляется к Ельцин Центру.

Доцент **С. И. Быкова** призвала участников конференции к знакомству с проектами Музея истории Екатеринбурга (далее – МИЕ). В числе таких проектов уникальные спектакли, созданные на документальной основе: «Бабушкин дом»

(о судьбе одной екатеринбургской семьи, начиная с середины XIX в.) и «Дело № 39496» (на Мемориале жертв памяти политических репрессий), иммерсивный спектакль на 12-м километре. Рассказывая о книге воспоминаний «Большой террор в частных историях жителей Екатеринбурга», созданной по инициативе МИЕ в рамках проекта «Один человек – это уже много» и получившего грант Президента РФ, С. И. Быкова еще раз обратила внимание участников конференции на сохраняющую конфликтность проблему численности жертв государственного террора в 1920–1950-х гг. По ее мнению, характерное для некоторых официальных лиц и активистов ультрапатриотических организаций стремление значительно уменьшить масштабы трагедии свидетельствует об отсутствии ответственного отношения к прошлому и требует серьезной работы с исторической памятью, являющейся одной из важнейших основ гражданского мировоззрения.

Весьма эмоциональным было выступление доктора исторических наук, директора Центра истории Свердловской области **А. Д. Кириллова**, познакомившего участников конференции с новыми печатными изданиями, подготовленными им и его коллегами к юбилею Уральского добровольческого танкового корпуса и юбилею Свердловской области. Эти книги, по словам автора, с которым согласны все педагоги Свердловской области, являются замечательным подспорьем в воспитательном процессе. Как и всегда, с трибуны конференц-зала Исторического парка «Россия – Моя история. Свердловская область» от А. Д. Кириллова прозвучал призыв активнее посещать Центр истории Свердловской области.

С пленарным докладом «Роль музыки в формировании личностного образа России на разных возрастных этапах жизненного пути» выступил кандидат педагогических наук, доцент Института педагогики и психологии детства УрГПУ **С. Т. Погорелов**, рассмотревший проблему музыкального воспитания юных граждан как неотъемлемого элемента гражданского воспитания. Особое место в этом процессе, по его убеждению, должны занимать не только уроки музыки, но и уроки литературы, которые надо сопровождать музыкальным оформлением, уроки истории, в содержании которых первое место должны занимать вопросы отечественной культуры в целом, а также внеурочная деятельность, в ходе которой дети должны знакомиться с лучшими образцами музыкального искусства России.

Общественный советник министра общего и профессионального образования Свердловской области **К. А. Лузина** обратила внимание в своем выступлении на значение исторической памяти в жизни гражданина страны и призвала педагогов активно включиться в подготовку к 75-летию победоносного завершения Великой Отечественной войны, познакомив их с проектом «НАША ПОБЕДА», предлагаемым Министерством образования.

Доцент УрФУ **Л. Я. Баранова** посвятила свое выступление двум ректорам Уральского государственного университета – Б. В. Дидковскому и З. Ф. Торбаковой. Оба они были создателями университета (Дидковский в 1920-х гг., Торбакова – после возрождения университета в 1930-х гг.), их ожидала трудная судьба, оба были репрессированы вследствие доносов. Л. Я. Баранова подняла проблему гражданского поведения людей в условиях выбора между собственным спокойствием и благополучием и ответственностью за судьбу государства и вверенного им учреждения образования.

Учитель истории и обществознания МАОУ Лицей № 130 Екатеринбурга **Н. Н. Викторова** познакомила своих коллег с моделью педагогической репрезентации на уроках истории. Речь шла об использовании в профессиональной деятельности опыта, наработок ее собственных учителей – ее наставников. Н. Н. Викторова рассказала о важности использования опыта педагогов-предшественников, о том, что ее модель педагогической репрезентации носит отпечаток плавной речи и «былинности» рассказа А. П. Русских, включает коммуникативные умения в

работе с текстом и понятиями Г. Д. Новиковой, использование проблемных заданий, актуализацию эмоциональных воспоминаний прошлого от Н. А. Кравченко.

О роли родителей и учителей в становлении гражданской позиции будущего педагога говорила доцент СУНЦ УрФУ **И. С. Огоновская**. Ее мама, И. М. Огоновская, учитель русского языка и литературы, всегда была для нее образцом ответственного отношения к делу, доброго отношения к ученикам, принципиальности и порядочности; отец, С. Я. Огоновский, – примером честности и бескомпромиссности в тех случаях, где она была необходима. С особым уважением И. С. Огоновская говорила о своих педагогах – учителе химии В. К. Саратовой, учителе физики М. В. Таборове, учителе математики Н. Б. Липиной, учителе немецкого языка Э. А. Огородниковой и многих других. По мнению докладчика, огромную роль в воспитании детей играет педагогический коллектив, в котором существуют доверительные отношения, требовательность не только к школьникам, но и к педагогам, нацеленность не на количественный, а на качественный результат.

Учитель истории и обществознания МКОУ СОШ № 10 из поселка городского типа Верхние Серги **Н. В. Еловских** рассказала в своем сообщении о влиянии уроков истории и обществознания и внеурочной деятельности на становление человека с гражданской позицией, о значимой роли честного и порядочного учителя в воспитании патриота, гражданина, о необходимости знакомить учеников с судьбами выдающихся граждан России, доказавших своими общественными делами, подвигами, необходимость служения Отчизне, о большом воспитательном потенциале дискуссий и совместной работе над проектами. По мнению учителя, деловые игры «Я и политика», «Начало собственного дела» предоставляют обучающимся возможность проявить свои коммуникативные, личностные качества, формируют ответственность за порученное дело, а участие в общественной жизни – развить в себе лидерские качества. В доказательство этой мысли учитель назвала имена выпускников школы, известных сегодня в Свердловской области: Мария Рыбакова, Алена Еловских, Максим Блинков, Андрей Злоказов и др.

Эмоционально окрашенным было выступление экскурсовода музея истории города Екатеринбурга **Л. А. Субботиной**, рассмотревшей тему воспитания активной личности посредством туристско-краеведческой деятельности. Пафос ее выступления заключался в призыве шире использовать потенциал городских и сельских музеев, привлекать ребят к разработке туристических маршрутов по историческим местам, к выполнению исследовательских проектов.

Кандидат исторических наук, доцент УрГПУ **О. Н. Грибан** познакомил участников конференции с деятельностью поискового отряда «Стикс», осуществляющего поиск захоронений солдат и офицеров в районах боев Великой Отечественной войны. Для студентов-поисковиков это не только возможность изучить места боев, познакомиться с основными событиями далекой войны, но прежде всего – жизненный опыт на основе личностного эмоционального сопереживания, понимания недопустимости любой войны. Поиск родственников погибших, имена которых определяются на основе сохранившихся медальонов, – неотъемлемая часть поисковой работы студентов, в ходе которой формируется чувство ответственности не только за судьбы погибших, но и за судьбы их родственников, в течение десятилетий разыскивающих места захоронений.

Активная гражданская позиция проявляется по-разному, и ветеран педагогического труда **Н. Ф. Закожурникова** из Верхней Синячихи рассказала о том, как в течение многих лет собирала материал о своих коллегах – учителях истории Алапаевска и Алапаевского района, трудившихся здесь в 1920–2010-х гг. Результатом ее деятельности стала книга «Негромкие имена», в которую вошли главы о развитии системы образования района в целом и о развитии исторического обра-

зования в частности, но самое главное – биографический раздел, в котором представлены вехи жизни и деятельности почти 150 педагогов-историков – людей с гражданской позицией, всю свою жизнь занимавшихся и занимающихся до сих пор воспитанием патриотов своей страны.

Магистрант 1-го курса юридического факультета Гуманитарного университета **Е. В. Лаптева** обрисовала в своем сообщении личный путь к гражданственности, свой личный опыт правовой защиты личности, в частности опыт защиты прав граждан, пострадавших от мошенничества сети медицинских центров «GLOBALMED». Магистрант 1-го курса Департамента международных отношений УрФУ **Г. С. Ливаднов** рассмотрел в своем сообщении тематику деконструкции советской мифологии как ключевого элемента мифотворчества в новой России. **М. С. Снегирев**, судебный пристав-исполнитель Кировского районного отдела судебных приставов УФССП России по Свердловской области, магистрант 2-го курса юридического факультета Гуманитарного университета, выступил с сообщением на тему «К вопросу о гражданской позиции: взгляд из прошлого и суровая реальность защиты прав человека».

Конференция успешно состоялась как солидный педагогический форум, на котором каждый из педагогов, преподавателей, ученых и практиков, представителей старшего поколения и молодежи, поделился своим опытом, особенностями личного пути к гражданственности, осмыслением нравственных ценностей, определением роли педагогов – наставников, учителей и преподавателей, имеющих активную гражданскую позицию в современном обществе. Впереди предстоит новый, 2019/20 учебный год, насыщенный юбилейными датами, яркими событиями, новыми семинарами, конкурсами и олимпиадами по праву и правам человека, конференциями, мастер-классами, городскими и межрегиональными встречами по обмену опытом правового просвещения и образования в области прав человека, гражданского образования.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Science, head of Human Rights chair at the Liberal Arts University (Yekaterinburg), the Chairperson of the Sverdlovsk Regional Office of the Russian Political Science Association, the Chairperson of Public Council for Civic Education in the Sverdlovsk region

Isabella Stanislavovna Ogonovskaya,

Candidate of Historical sciences, associate professor at SESC (Specialized Educational Scientific Centre) of the Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin, Chairperson of Sverdlovsk Regional Law Teachers Association, the Special Advisor to the Minister of Basic Education and Vocational Training of the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg)

**On legal education, human rights and civic education, and a personal path to citizenship
(a review of materials presented at an interregional conference)**

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

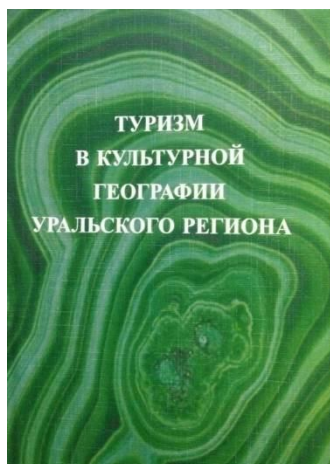
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

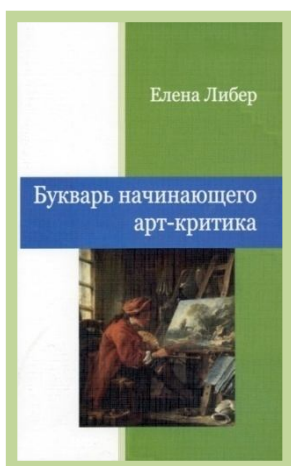

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебным заведениям, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

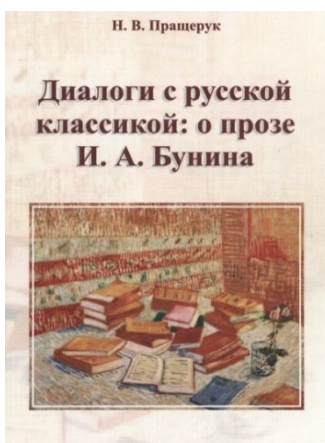
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

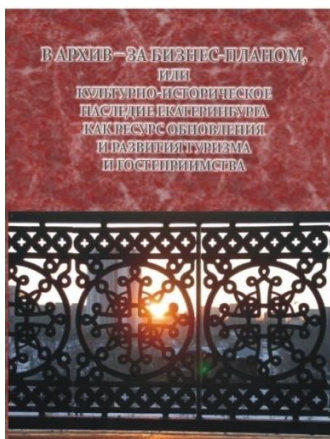
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

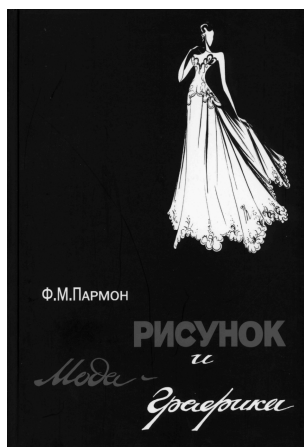

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионаловедом, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение
по программам магистратуры на 2019/2020 учебный год
по следующим направлениям:

- **Психология** (37.04.01)
- **Экономика** (38.04.01)
- **Юриспруденция** (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре
составляет 2 года по очной форме,
2,6 года по очно-заочной и заочной форме*

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- **Психология** (37.04.01)
Очная форма – 7 мест
Очно-заочная форма – 6 мест
- **Экономика** (38.04.01)
Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 6 мест
Заочная форма – 5 мест
- **Юриспруденция** (40.04.01)
Очная форма – 8 мест
Очно-заочная форма – 9 мест
Заочная форма – 10 мест

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 9 августа

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 23 августа
- очно-заочная форма – с 1 июня по 25 сентября
- заочная форма – с 1 июня по 24 октября

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

* 2,5 года по очно-заочной и заочной форме (юриспруденция)

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре
составляет 3 года (очная форма),
по заочной форме – 4 года.

*Подготовка аспирантов в университете
осуществляется на платной основе.*

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

Прием документов с 1 июня 2019 г. по 13 сентября 2019 г.

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2019. № 3 (26)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 23.09.2019.
Дата выхода в свет 25.09.2019
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,96
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3